А. М. АМИНОВ
доктор экономических наук

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

(СО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УЗБЕКСКОЙ ССР
Ташкент 1959

Под редакцией
доктора исторических наук
М. Ю. ЮЛДАШЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во второй половине XIX столетия царская Россия, завоевав Среднюю Азию, превратила ее в свою колонию. Присоединение крайне отсталой по ее экономическому укладу Средней Азии к России, при неизбежных вначале «муках» нового, капиталистического пути развития, привело к важным изменениям в социальном строе и экономике края. Оно породило такие прогрессивные явления, как развитие товарно-денежных и капиталистических отношений, возникновение фабрично-заводского производства и местного пролетариата. С присоединением Средней Азии к России началось превращение края в специализированный хлопковый район, значительное усиление экономических связей Средней Азии с Россией и сопредельными странами Востока и образование внутреннего национального рынка.

В предлагаемой работе автор ставит своей целью проследить закономерные изменения, происшедшие в экономике Средней Азии после ее присоединения к России. Автор исходил при этом из мысли, что изучение и научное освещение дореволюционной экономики Средней Азии позволят лучше осознать благотворные результаты ленинской национальной политики, приведшей к расцвету экономики и культуры среднеазиатских социалистических республик.

Изучение дореволюционной среднеазиатской экономики раскрывает перед нами процесс зарождения и развития капиталистических отношений в Средней Азии в характерном их своеобразии и основные тенденции экономической

политики царизма, определявшей направление народно-хозяйственного развития края.

В экономической политике царизма в Средней Азии следует выделить:

а) мероприятия по административно-политическому устройству края:

б) земельно-водные дела,

в) ирригационное строительство и орошение,

г) хлопковый вопрос (проблему создания «нового Туркестана») и

д) мероприятия по переселению.

В процессе труда над настоящим исследованием автору, помимо изучения литературы прошлого, пришлось много работать над архивными материалами — в частности над материалами архива хивинских ханов XIX века, находящегося в восточном отделе библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, и архивным фондом канцелярии Туркестанского генерал-губернатора в Ташкенте, над многочисленными Отчетами и Записками чиновников Туркестанского генерал-губернаторства и, наконец, колоссальными материалами ревизий Туркестанского края, произведенных в разное время сенаторами Ф. Гирсом и К. Паленом. Кроме того, автор пользовался большим рукописным фондом, хранящимся в различных академических институтах и публичных библиотеках Москвы, Ленинграда и Ташкента.

Считаю своим долгом выразить глубокую благодарность профессорам Г. Н. Черданцеву, И. К. Додонову, К. Н. Пажитнову, В. В. Заорской, И. Д. Удальцову и А. И. Пашкову за их ценные советы и замечания.

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Внимание исследователя дореволюционной экономики Средней Азии привлекает прежде всего обширный и разнообразный круг источников — наличие большой массы как будто прямо характеризующего ее документального материала. Это большей частью либо архивные материалы, опубликованные и неопубликованные официальные документы царского правительства и его агентов разных рангов, либо литературные произведения, периодические и непериодические издания, отражающие идеологию правящих классов царской России, и взгляды колонизаторов того или иного толка.

В соответствии с условиями (отчасти цензурными) факты, а особенно выводы и обобщения по поводу экономических процессов, даются в этих литературных произведениях в завуалированном, приглаженном виде. Прорывающиеся у некоторых авторов нотки критического отношения касаются отдельных мероприятий правительства, но никогда авторы эти не отваживались на осуждение колониальной политики царизма в целом и не пытались обсуждать основы этой политики.

По необходимости общие, но ясные и точные, суждения и характеристики исследователь экономики Средней Азии находит в трудах основоположников марксизма. В высказываниях К. Маркса и Ф. Энгельса о взаимоотношениях России и Средней Азии и о завоевательной политике царизма раскрывается сущность этой политики. Наступление царизма на Среднюю Азию Энгельс связывал в частности с поражением России в Восточной войне (1853 — 1863) и

значительным ухудшением ее положения на Ближнем Востоке.

Подчеркивая экспансионистский характер завоевания Средней Азии, основоположники марксизма вместе с тем отмечали объективно прогрессивное значение присоединения Средней Азии к Российской империи. В письме к Марксу от 23 мая 1851 г. Ф. Энгельс писал: ...«господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар».

Еще более конкретные и законченные оценки и определения по истории и экономике колониального периода Средней Азии содержатся в трудах В. И. Ленина.

Заключая в себе руководящие начала для правильного понимания и оценки экономической политики царизма в Средней Азии, эти работы Ленина дают возможность разобраться с позиций пролетариата в сложной среднеазиатской действительности и правильно понять и определить сущность всех мероприятий и проектов царизма, отраженных в официальных документах и литературе периода колониального господства царизма в Средней Азии. Во многих произведениях В. И. Ленина и в некоторых произведениях И. В. Сталина историк-марксист находит ключ к правильному пониманию и оценке экономического развития Средней Азии. Они позволяют вскрыть сложную природу и весь причинный комплекс, вызвавший специфические особенности в эволюции среднеазиатской экономики в колониальный период.

Одним из характерных свойств капитализма, как это показал В. И. Ленин, является его стремление развиваться не только вглубь, но и вширь. В своей работе «Развитие капитализма в России» Ленин подчеркивал, что «капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства»[1]. Рассматривая завоевание Средней Азии как капиталистическую экспансию, В. И. Ленин указывал, что юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают нужное ему развитие. Русский капитализм

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 522.

втягивал окраины России в мировое товарное обращение, «создавая себе рынок для своих фабрик».

Отмечая рост товарно-денежных и иных форм капиталистических отношений в результате вовлечения Средней Азии в водоворот русского и мирового хозяйства, усилившегося с постройкой Закаспийской железной дороги («открывавшей» для капитала Среднюю Азию)[1], В. И. Ленин подчеркивал, что в среднеазиатской колонии России господствовали докапиталистические отношения. Указывая на слабость развития капиталистических отношений в колониях, В. И. Ленин писал, что «в колониях своего капитала нет или почти нет, добывать его иначе как на условиях политического подчинения, в обстановке финансового капитала, колония не может»[2].

Как известно, развитие капиталистических отношений в среднеазиатской колонии России не привело к коренной ломке господствовавших в ней феодальных натурально-хозяйственных отношений и к сколько-нибудь значительному росту производительных сил. Феодальные отношения оставались здесь основной формой производственных отношений; войдя в круг капиталистического развития, народы Средней Азии далеко не прошли всего пути развития промышленного капитализма.

Факт этот нашел в свое время отражение в марксистской литературе.

...«Целый ряд, главным образом тюркских народностей,— указывал И. В. Сталин,— их около 25 миллионов — не прошли, не успели пройти периода промышленного капитализма, не имеют поэтому или почти не имеют промышленного пролетариата, ввиду чего им приходится из первобытных форм хозяйства перейти в стадию советского хозяйства, минуя промышленный капитализм»[3].

В. И. Ленин в своих высказываниях о Средней Азии, характеризуя экономику колонии, вместе с тем дал общую оценку национально-колониальной и экономической политики царизма. Ленин называл царскую Россию «тюрьмой народов», где подавлялись все проявления национальной самобытности покоренных царизмом народов, где народы были разобщены, представляя собой удобное поле для

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 5, стр. 74.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 22, стр. 323.
[3] *И. В. Сталин,* Соч., т. 5, стр. 40—41.

эксплуататорских махинаций власть имущих. Поощряя развитие хлопководства, но не способствуя при этом росту в крае обрабатывающей промышленности, царизм тем самым задерживал развитие производительных сил края, превращая Среднюю Азию в типичную отсталую колонию, в аграрно-сырьевой придаток капиталистической России.

При создании настоящей работы автор использовал: 1) архивные материалы, 2) законодательные акты и приказы, 3) официальные отчеты — в том числе так называемые всеподданнейшие отчеты туркестанских генерал-губернаторов, докладные записки, данные сенаторских ревизий и другие материалы этого рода, 4) обширную историко-экономическую литературу, в том числе статистические материалы, отдельные труды, посвященные вопросам среднеазиатской экономики и экономической политики царизма в Средней Азии, а также периодические издания — газетные и журнальные материалы.

В архивном фонде канцелярии туркестанского генерал-губернатора — Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) УзССР — сосредоточена вся переписка туркестанских генерал-губернаторов с центральными учреждениями Российской империи в Петербурге (Петрограде), переписка с губернаторами областей Туркестана и вассальными бухарским эмиром и хивинским ханом и существовавшими при них русскими дипломатическими представителями («резидентами») в Хиве и Бухаре, а также переписка с начальниками и руководящими отделами учреждений гражданского и военного ведомств.

Эти архивные материалы дают возможность проследить, как преломлялась политика центра на местах, показать административную практику колонизаторов и взаимоотношения центральной и местной власти.

Разработка архивов, содержащих документы, составленные более чем за полувековой период существования колониального Туркестана, разумеется, далеко выходит за пределы возможностей отдельного исследователя и не может быть исчерпана даже рядом исследований по вопросам колониальной истории Туркестана.

При оценке этих материалов надо иметь в виду, что при всей общности задач, стоявших перед царской властью и ее представителями на местах в части колониальной эксплуатации Туркестана, между высшими представителями местной власти, именно туркестанскими генерал-губернаторами с одной стороны и представителями центральной власти в Петербурге с другой, в лице прежде всего военных министров царской России, а затем руководителей отдельных министерств и главных управлений — существовал известного рода «антагонизм» во взглядах на отдельные мероприятия экономической политики в Туркестане. Так, по вопросам о новоорошаемых землях, переселенческом деле между центральным правительством и местной администрацией постоянно происходили трения. Местные власти, опасаясь недовольства и даже «возмущения» местного населения, всячески старались приуменьшить колонизационную емкость Туркестана и возможность размещения на новых землях русских переселенцев.

Этот «антагонизм» отнюдь не вытекал, разумеется, из каких-либо принципиальных разногласий между центральной и местной властью по общим началам экономической политики. Он обусловливался в основном тем фактом, что генерал-губернатор Туркестана, будучи исполнителем и проводником политики царского правительства, в то же время являлся ответственным в первую очередь за политическое спокойствие в Туркестане. Угроза возможных волнений среди местного населения висела над ним дамокловым мечом.

Прямую или скрытую оппозицию со стороны туркестанских генерал-губернаторов встретила прежде всего переселенческая политика царизма и мероприятия Переселенческого управления, затрагивавшие кровные интересы местного населения и вызывавшие тем самым его недовольство.

Из этого обширного архива нами были использованы лишь материалы, касающиеся непосредственно исследуемого нами вопроса.

Используя эти материалы для своей работы, мы исходили из понимания, что политика царизма в отношении Туркестана на протяжении более чем полувекового периода, разумеется, не оставалась и не могла оставаться неизменной. Развитие промышленного, а также финансового капитализма оказывало на нее определенное, весьма чувствительное влияние, и подчиняясь ему, царское правительство не однажды было вынуждено существенно отклоняться от своей прежней политики.

Официальный характер материалов данного архива сам по себе означал, что документы его носят по большей

части апологетический в отношении царизма и его колониальной политики характер, обеляют и подкрашивают колониальную политику царизма; что переписка эта прямо или косвенно осуществлялась в интересах закрепления колониального положения Туркестана, сохранения режима угнетения и эксплуатации местного населения.

Архив хивинских ханов XIX века, хранящийся в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, был конфискован и вывезен в Петербург генерал-губернатором К. П. Кауфманом после взятия г. Хивы в 1873 г. Ориенталист А. П. Кун — один из участников похода на Хиву — успел еще тогда ознакомиться с ним и сообщил об архиве некоторые сведения[1].

В отличие от предыдущего архива, этот архив представляет собой переписку — внутреннюю и внешнюю — хивинских ханов, управлявших государством феодального типа, каковым являлось в то время Хивинское ханство.

Этот обширный архив был использован нами в основном для характеристики экономики Хивы к моменту столкновения ее с царской Россией. По материалам архива нами были изучены вопросы:

1) об аграрном строе, аграрных отношениях и характере землевладения в Хивинском ханстве, 2) о налогах и податях, 3) о классовой структуре хивинского общества в первой половине XIX в.

Архив Государственного совета, также хранящийся в Ленинграде, был использован нами в самой незначительной степени, главным образом с точки зрения изучения вопросов народнохозяйственного уклада и государственного устройства дореволюционного Туркестана, обсуждавшихся в Государственном Совете (а раньше — в Непременном совете).

Четвертую группу источников и изученных нами материалов составляют «всеподданнейшие отчеты» туркестанских генерал-губернаторов императору, обнимающие период с конца 1860 г. до начала XX века.

К этого же рода официальным материалам относятся отчеты о сенаторских ревизиях Туркестанского края, содержащие, как например отчет о ревизии Палена, обширные сведения, заключенные в 16 томах.

[1] «Туркестанские ведомости», 1873, № 32.

Пятая группа материалов — это законодательные акты, как например «Положение об управлении Туркестанским краем» 1886 г. и Дополнение к нему 1900 г. и материалы Государственной думы III и IV созывов по среднеазиатским вопросам.

Положение об управлении Туркестанским краем представляет собой закон, определяющий деятельность и функции местных органов и основные нормы землепользования и водопользования.

Положением об управлении Туркестанским краем было оформлено колониальное положение Туркестана и закреплены военно-политические позиции царской России в новой колонии. Политика правительства в колонии имела целью ослабление влияния враждебной царизму местной земельной и духовной аристократии. Именно с этой целью в качестве руководящей основы управления в новой колонии была выдвинута форма так называемого военно-народного управления. Сущность «военно-народного управления» заключалась в том, чтобы внутреннее управление местным населением по всем делам, не имеющим политического характера, предоставлять «выборным из среды населения, применяясь к его нравам и обычаям»[1], все же прочие правительственные функции в колонии сосредоточить в руках военной администрации — генерал-губернатора, областных военных губернаторов и других русских чиновников.

Мотивы, которыми руководствовалось царское правительство, устанавливая в крае «военно-народное управление», вскрывает записка Степной комиссии об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства, представленная в Государственный совет на предмет утверждения штатов и сметы нового генерал-губернаторства. В этой записке, составленной в 1867 г., говорится, что в области местного управления комиссия «находит необходимым с самого начала принять меры к устранению некоторых, вредных для наших целей и интересов, туземных порядков и к установлению других, более для нас выгодных, как например: к устранению родового начала, всегда ведущего к образованию вредной для нас туземной аристократии, к установлению выборного начала и тому подобное»[2].

[1] Положение об управлении Туркестанским краем, 1886 г.

[2] Избранные царем мнения особого комитета по образованию Туркестанского генерал-губернаторства. Ленинград, архив внутренней политики. Фонд Государственного совета, д. № 160, л. 6.

Из материалов Государственной думы (III и IV созывов) привлечены высказывания и Записки по среднеазиатскому вопросу[1].

Из других официальных источников, характеризующих историю и экономику колониального Туркестана, следует назвать официальные статистические сведения, опубликованные в центре и в Средней Азии, в частности материалы демографической переписи 1897 г. и статистические еженедельники по отдельным областям Туркестанского края (Ферганской, Самаркандской и Сыр-Дарьинской).

Заканчивая краткий обзор официальных источников, отметим что подбор лишь незначительного количества документов составил многотомное издание под названием «Туркестанский край», собранное А. Г. Серебренниковым[2]. Что же касается газетных и журнальных материалов, то они собраны в систематизированном виде (591 том) и в настоящее время хранятся в Государственной публичной библиотеке им. Алишера Навои в Ташкенте.

Последнюю группу источников составляют периодические и непериодические литературные материалы, которые в свою очередь делятся на две группы — дореволюционную, в значительной своей части буржуазную, литературу, отражающую колонизаторские взгляды, и литературу, изданную в советский период, в основном правильно освещающую историю и экономику колониального Туркестана.

К первой группе литературных источников относится обширная историко-экономическая литература, посвященная истории, экономике и культуре края, в которой преобладают имена А. Вамбери, Н. В. Ханыкова, Н. Н. Муравьева, Ф. И. Лобысевича, Д. Н. Логофета, Н. И. Малаховского, В. И. Масальского, А. Ф. Губаревича-Радобыльского, В. Долинского, Л. Костенко, А. А. Кауфмана, В. П. Наливкина, Н. П. Остроумова, Н. В. Оглоблина, М. А. Терентьева, О. А. Шкапского, С. Понятовского, М. П. Федорова, В. Юферева, — в общей сложности более 300 книг.

Даже простой обзор этой огромной литературы требует специального исследования, поэтому мы ограничимся здесь лишь ее общей характеристикой.

[1] См. Источники.

[2] *А. Г. Серебренников.* Туркестанский край. Сборник материалов для истории по завоеванию Туркестанского края (1840—1852). Ташкент, 1912—1916.

Работы названных нами авторов, в большинстве различного ранга чиновников царского правительства и дореволюционных исследователей, выражали интересы правящих классов метрополии — помещиков и капиталистов, всячески стремились приукрасить колониальный режим, утвердить в общественном мнении представление, будто русский царизм принес в Среднюю Азию цивилизацию и культуру. М. А. Терентьев в своем трехтомном труде «История завоевания Средней Азии» трактует завоевание Средней Азии царской Россией, как защиту цивилизации и культуры против «среднеазиатских разбойников». Завоевание края объясняется «благожелательными» и цивилизаторскими намерениями царского правительства. Нетрудно убедиться в том, что в лице Терентьева мы имеем ярого защитника захватнической политики царизма и ее проводника. Тем не менее работа Терентьева представляет значительный интерес, как сводный труд по истории завоевания, содержащий большой исторический и фактический материал. Вместе с тем он отмечен печатью характерной ограниченности автора. Вопросы экономики и внутренней политики затрагиваются Терентьевым весьма поверхностно и узко: более всего его интересует вопрос о «доходности» или «убыточности» Туркестана, как колонии царской России[1].

Другая работа М. А. Терентьева «Россия и Англия в борьбе за рынки», посвященная вопросу об англо-русском экономическом соперничестве, выражает точку зрения русской торговой и промышленной буржуазии.

К числу авторов, специально посвятивших свои труды освещению экономики дореволюционного Туркестана, надо отнести работы А. Губаревича-Радобыльского «Экономический очерк Бухары и Туниса», С. И. Гулишамбарова «Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Среднеазиатской железной дорогой», А. П. Демидова «Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности Туркестана», В. Н. Оглоблина «Промышленность и торговля Туркестана».

Особо следует отметить капитальный труд по экономике предреволюционного Туркестана В. В. Заорской и К. А. Александера «Промышленные заведения Туркестанского края», охватывающий обширный и весьма

[1] История народов Узбекистана, т. II, изд. АНУ зССР 1947, стр. 201.

ценный материал о состоянии промышленности Туркестана.

В экономической литературе того времени, как правило, упорно проводилась мысль о том, в каком направлении должна развиваться экономика Туркестана с целью использования ее сырьевых ресурсов промышленностью метрополии. Вся эта колонизаторская литература была пропитана духом великодержавного шовинизма, усиленно пропагандировавшейся идеей создания «второго, русского Туркестана» и противопоставления «нового, русского Туркестана» — «старому Туркестану». При этом имели хождение «теории» о мнимой неспособности народов Средней Азии к фабрично-заводскому труду, о якобы бедности Средней Азии природными богатствами и минерально-рудным сырьем и т. п. Отрицались историческое прошлое и самобытность культуры народов Средней Азии.

Все эти колонизаторские теории были направлены на увековечение колониального положения Средней Азии. Царское правительство своей экономической политикой тормозило развитие производительных сил Туркестана, особенно его индустриальное развитие, стремясь к превращению края в сырьевую хлопковую колонию царской России.

В. И. Масальский и А. В. Кривошеин в своих работах (В. И. Масальский — «Туркестанский край», «Хлопковый вопрос», А. В. Кривошеин — «Записка о поездке в Туркестан») проповедовали насаждение монокультуры хлопчатника, т. е. максимальное развитие в крае хлопководства за счет абсолютного сокращения других, в особенности зерновых культур. «Такое направление хозяйственной жизни края — писал царский чиновник Кривошеин — с общегосударственной точки зрения совершенно естественно и разумно, каждый лишний пуд туркестанской пшеницы — конкуренция русской и сибирской пшенице, каждый пуд туркестанского хлопка — конкуренция американскому хлопку, поэтому лучше дать краю привозной, хотя бы и дорогой хлеб, но освободить в нем орошенные земли для хлопка[1].

Как известно, развитие экономики края на основе ведущей и монопольной культуры хлопчатника придало

[1] *А. В. Кривошеин.* Записка главноуправляющего земледелием и землеустройством о поездке в Туркестан. Спб, 1912 г., стр. 7—8.

ей с течением времени однобокий, колониальный характер, в результате чего, при необеспеченности края дешевым привозным хлебом, хлебные культуры сокращались, устанавливалась низкая цена на хлопок. В этих условиях хлопчатник становился культурой малодоходной, дехканские хлопковые хозяйства разорялись и, следовательно, сельское хозяйство края и его главная отрасль — хлопководство — уже накануне революции пришли в упадок. В свете этих фактов совершенно неверно утверждение А. П. Демидова и В. Юферева, что кризис в хлопководстве наступил в советский период.

Что касается литературы, изданной в советское время (А. П. Демидов, В. Юферев, В. Лаврентьев, Е. Зелькина, П. Галузо, З. Кастельская и др.), то она, хотя и отличается резко от дореволюционной, но зачастую содержит неверные и принципиально ошибочные положения.

В частности такие специалисты хлопководства, как В. Юферев и А. Демидов, склонны к идеализации мелкого парцеллярного дехканского хозяйства. В своей работе «Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности Туркестана» Демидов проповедовал буржуазную теорию о том, что мелкое трудоинтенсивное хозяйство является типом хозяйства якобы наиболее пригодным для культуры хлопчатника.

А. П. Демидов в своих «Экономических очерках» писал: «Итак, внутренние причины туркестанского хозяйства, связанные с парцеллярностью владений и возможностью повышения трудоинтенсивности хлопковой культуры, были могущественным средством развития хлопководства в мелких хозяйствах. Мелкое хозяйство, путем интенсивной хлопковой культуры, могло использовать излишки своей рабочей силы и обеспечить продовольствование семьи. Поэтому парцеллярность владений для довоенного периода выступает как фактор развития хлопководства[1].

Из историков и экономистов, выступавших по вопросам экономики колониального Туркестана в советское время, следует указать на таких авторов как В. Лаврентьев — «Капитализм в Туркестане». М. 1930 г., П. Галузо — «Туркестан — колония». Ташкент, 1926 г., Е. Зелькина — «К аграрному вопросу в Средней Азии». Ташкент, 1927 г.,

[1] *А. П. Демидов.* Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности Туркестана. М. 1926.

З. Кастельская, Г. Сафаров, Рыскулов, А. Силонов. Одни из них дают неверную (преувеличенно положительную) оценку роли и влияния капитализма в Средней Азии (Лаврентьев), другие либо недооценивают, либо вообще отрицают процесс развития в Средней Азии капиталистических отношений (Галузо, Сафаров, Кастельская).

В первом случае очень характерным является В. Лаврентьев, который в такой патетической форме охарактеризовал роль капитализма в Туркестане: «Российский капитализм, проникший в Туркестан, бурно вторгался во все поры хозяйства края, вдребезги разбивал ограниченные рамки замкнутого, полунатурального хозяйства и расчищал пути для всеобщего распространения капиталистического способа производства, переделывая край «по своему образу и подобию», и «самобытная» азиатская экономика интенсивно перестраивалась по капиталистическому образцу»[1]. Полемизируя с Сафаровым, утверждавшим, что «всякий капитализм вообще «отрезал» колониальные народы от широкой дороги исторического развития», В. Лаврентьев, явно отправляясь не от конкретной исторической действительности, а от общей схемы, писал: «Особенность буржуазной колонизации, наоборот», заключается именно в том, что капиталистические страны выводят колониальные народы на «широкую дорогу исторического развития, сокрушая натурально-хозяйственный строй и включая эти народы в систему мирового капитализма»[2].

Эта концепция явно не соответствует действительному ходу экономического развития колониального Туркестана. На самом деле капитализм развивался здесь крайне слабо, коренной ломки в способе производства он не произвел и феодальные отношения оставались господствующими. Перед лицом этого противоречия точка зрения Лаврентьева, явно ошибочная, отдает неоправданным апофеозом «всепреобразующей прогрессивной миссии капитализма».

В. Лаврентьев игнорировал колониальное положение Туркестана, империалистический военно-феодальный характер российского колониализма и связанную с ними ограниченность капиталистического проникновения в экономику Туркестана.

[1] *В. Лаврентьев.* Капитализм в Туркестане, М., 1930, стр. 9—10.

[2] *Г. Сафаров.* Колониальная революция, М., 1920.

В оценке роли и значения капиталистических отношений в Средней Азии противоположную позицию занимала З. Кастельская. Правильно критикуя авторов, усматривавших господство в экономике Средней Азии вполне развитых форм капитализма, она в свою очередь впала в другую крайность, отрицая развитие в ней каких-либо капиталистических отношений. При этом З. Кастельская свои выводы базирует на материалах выборочного обследования небольшого числа нетипичных в данном отношении хозяйств.

Несколько отличную, но по существу аналогичную позицию занимал и П. Галузо, который в своей работе («Туркестан — колония») дошел до прямого отрицания капиталистической экспансии в Туркестане. П. Галузо отрицал проникновение промышленного капитала в колонию, считая, что здесь «торгово-ростовщический капитал является единственной, всепоглощающей формой капитализма»[1].

Он писал: «Капиталы не только пускали, но даже приглашали, но они не шли, потому что этого не хотели обладатели этих капиталов»[1]

Мнение П. Галузо о том, что колонизация Туркестана была торгово-ростовщической колонизацией и что здесь получила развитие только или главным образом торгово-ростовщическая форма капитала, поскольку присвоение прибавочного продукта у непосредственных производителей происходило некапиталистическими методами, опровергается прежде всего самим фактом завоевания Туркестана, как акта капиталистической колониальной экспансии, в котором ведущей силой были не торговец и ростовщик, а крупный промышленный капитал, проникший в Туркестан и подчинивший себе местного ростовщика и торговца. За торгово-ростовщическим капиталом скрывался промышленный, а позднее — монополистический капитал (акционерные общества, банки и биржевой комитет). Ошибочную точку зрения П. Галузо разделял и Сафаров, утверждавший, что в Туркестан проникал только торговый капитал.

Характерной особенностью рассматриваемой литературы является также то, что экономика колониального Туркестана изучалась в отрыве от экономической политики цар-

[1] *П. Галузо.* Туркестан - колония, Ташкент, 1926, стр. 66.

ского правительства. Авторы исходили из предположения, будто царское правительство только тормозило развитие капитализма, что царизм существовал сам по себе. Так, например, В. Лаврентьев, критикуя концепцию П. Галузо о торгово-ростовщической колонизации Туркестана, сам впадает в ошибку, утверждая: «Экономическая политика правительства в Туркестане сводилась главным образом к защите интересов торговой буржуазии. Интересы промышленного капитала, и в особенности капитала финансового, не отражались сколько-нибудь достаточно ни в законодательстве, ни в его административной политике... и колонизационная политика самодержавия препятствовала «свободному» развитию крупной капиталистической собственности и целиком отражала реакционные вожделения военно-феодальной политики помещичьих правящих кругов»[1].

Из краткого обзора послереволюционной литературы видно, что с одной стороны в ней широко проводились идеи «особого» развития Средней Азии, якобы в силу наличия здесь «особого» способа производства и «особого» типа производственных отношений, признания ведущей роли торгового капитала в Средней Азии, а с другой стороны содержались утверждения о полном господстве капиталистических отношений в Средней Азии, отражающие игнорирование их авторами своеобразия и особенностей развития колонии. Более широкий подход к вопросу, серьезный марксистско-ленинский анализ конкретной экономики Средней Азии и процесса развития в ней капиталистических отношений дают нам ключ к пониманию ее действительной истории, позволяют раскрыть значение присоединения Средней Азии к России и развития в ней капиталистических отношений.

Преувеличение роли и значения капитализма в Туркестане, как и недооценка его развития, вносят путаницу в вопрос о соотношении классовых сил в дореволюционном Туркестане, о характере национально-освободительного движения. Отрицание процесса развития капитализма в Средней Азии умаляет значение факта образования, хотя и малочисленных, кадров рабочего класса, процесса классовой дифференциации в кишлаке, образования безземельной бедноты и батраков с одной стороны и капи-

[1] *Е. Лаврентьев.* Капитализм в Туркестане, М. 1930, стр. 10.

талистических классов в лице предпринимателей, кулаков и баев — с другой.

Такая «концепция» ведет к неверному выводу, будто Великая Октябрьская социалистическая революция не имела в Туркестане никаких социально-экономических предпосылок, что она произошла лишь под влиянием революционных событий в центре, а местные трудовые массы стояли в стороне от революционной борьбы и народные массы колонии не поддерживали революционной борьбы русского пролетариата. Между тем, мы знаем, что «революция в России не победила бы... если бы русский пролетариат не имел сочувствия и поддержки со стороны угнетенных народов бывшей Российской империи»[1].

В последнее время в нашей историко-экономической литературе наметилась тенденция к преувеличению прогрессивного значения присоединения Средней Азии к России. Если раньше распространено было мнение, что присоединение Средней Азии к России было актом колониальной экспансии, которая принесла с собой только колониальный и национальный гнет, обусловила насильственную задержку развития производительных сил, пресекла развитие здесь самобытной национальной культуры; что узбекский народ не имел своей земли, письменности и даже своего имени, то теперь иные авторы от утверждений, что присоединение Средней Азии к России явилось закономерным и даже неизбежным явлением, приходят к фантастическим домыслам, что с присоединением Средней Азии к России «сбылась вековая мечта узбекского народа».

Некоторые авторы считают, что после присоединения к России в Средней Азии начался процесс перехода от феодальной к капиталистической формации, происходил процесс ликвидации экономической и культурной отсталости ее народов.

Находятся авторы, которые в этом увлечении искусственным построением какой-то вымышленной, мнимой, а не действительной истории, вопреки совершенно ясным историческим фактам, договариваются до утверждения, что Средняя Азия не была завоевана, а произошло якобы добровольное присоединение. Исторические события, относящиеся к истории воссоединения Украины с Россией, механически переносятся на Среднюю Азию, где сложились совершенно иные исторические условия и где присоединение

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 6, стр. 147 — 148.

произошло путем завоевания. Совершенно ясно, что все эти тенденции в оценке социально-экономических последствий присоединения бывших среднеазиатских ханств к России относятся не к научной истории, а к области «творимых легенд», притом легенд отнюдь не прогрессивных, которые объективно тяготеют к идеализации колониального прошлого народов Средней Азии, к косвенной реабилитации колониальной политики царской России и умалению значения Великой Октябрьской социалистической революции.

Марксистская экономическая и историческая наука требует правильной конкретно-исторической оценки прогрессивного значения присоединения Средней Азии к России и вместе с тем вскрытия реакционной сущности колониальной политики царской России.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЭКОНОМИКА СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ИХ К РОССИИ

(первая половина XIX века)

АГРАРНЫЙ СТРОЙ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ

В первой половине XIX века Средняя Азия была разделена на три самостоятельных ханства — Кокандское, Бухарское и Хивинское.

Большинство населения в ханствах составляли узбеки и таджики. В северных районах Средней Азии жили главным образом казахи и киргизы западную часть населяли туркмены, сохранившие основы племенного строя. Незначительные прослойки среди населения во всех трех ханствах составляли персы, арабы, евреи, индийцы и цыгане. На побережье Аральского моря и в низовьях Аму-Дарьи жили каракалпаки.

В начале XIX века в Бухарском ханстве насчитывалось около 2 млн. жителей, в Хивинском — более 300 тысяч, в Кокандском — около 1 миллиона[1].

В ханствах преобладало оседлое население. Кочевники, составлявшие ранее большинство населения, постепенно переходили к земледелию, оседая в долинах рек. Это были в наибольшей массе многочисленные узбекские племена. Казахи же, кочевавшие в низовьях Аму-Дарьи, к середине XIX в. переселились в Казахстан.

Кочевые и полукочевые туркменские племена жили рядом с другими народностями, но не смешивались с ними.

Экономический строй среднеазиатских ханств характеризуется господством феодального способа производства, хотя к середине XIX столетия феодальное хозяйство

---

[1] История Узбекской ССР, изд. Акад. наук УзССР, Ташкент, 1956, т. 1, книга вторая, стр. 11.

испытывало здесь все более усиливавшееся влияние товарно-денежных отношений. Рост рыночных отношений свидетельствовал об углублении процесса общественного разделения труда. Изменения в феодальном хозяйстве ускоряли разложение остатков родоплеменного строя, но сами по себе не создавали еще условий для возникновения капиталистических отношений.

Власть в ханствах концентрировалась в руках военно-феодальной знати. Во главе ханств стоял хан (в Бухаре — эмир), который управлял ханством, как своей вотчиной. Функции высшей административной власти осуществлялись доверенными сановниками. В Бухаре и Хиве это был кушбеги, в Кокандском ханстве — мингбаши. Главный сановник ханства получал распоряжения непосредственно от хана и ведал всеми административными и хозяйственными делами в государстве. Другие административные функции выполнялись служащими различных чинов. Сильное влияние на политическую жизнь ханств оказывало религиозное мусульманское духовенство; представители духовной знати могли занимать высшие административные должности. На духовенство опирались ханы в своей борьбе с племенной знатью.

Основную массу непосредственных производителей в стране составляли крестьяне (дехкане), занимавшиеся земледелием и скотоводством. Значительный слой населения составляли кустари и ремесленники. Трудовое население ханств подвергалось чудовищному угнетению со стороны эксплуататоров и чиновников различных степеней и рангов.

Узбекский народ находился в условиях феодальной раздробленности и жестоко страдал от бесконечных междоусобных войн, которые разоряли население и опустошали созданные его трудом сады, поля, разрушали ирригационные сооружения. Попытки покончить с раздробленностью, создать централизованные феодальные монархии успеха не имели[1].

По своему экономическому укладу среднеазиатские ханства представляли собой типичные аграрные страны. Для выяснения характера их экономического строя об-

[1] История Узбекской ССР, изд. Акад. наук УзССР, т. 1, книга вторая, Ташкент, 1956, стр. 32.

ратимся к рассмотрению господствовавших в них аграрных отношений.

Аграрный вопрос был важнейшим вопросом экономической жизни народов Средней Азии. Среднеазиатские ханства представляли собой аграрные страны, где преобладающее большинство населения было занято земледелием и скотоводством и где варварская эксплуатация массы земледельцев и скотоводов основывалась на феодальных аграрных отношениях. Развитие капиталистических отношений в Средней Азии после присоединения ее к России шло прежде всего путем внедрения в земледелие хлопчатника — основного проводника товарно-денежных отношений. Среднеазиатские ханства послужили для царизма (хотя и в меньшей степени, чем степные районы Средней Азии) объектом колонизации, которая сопровождалась ломкой сложившихся форм землепользования и земельной экспроприацией. Таким образом, аграрные отношения и процессы составляли, так сказать, почву и корневую систему, из которых вырастали многообразные социально-экономические и политические явления и противоречия в развитии Средней Азии до и после ее присоединения к России.

Земледелие являлось основой хозяйства в среднеазиатских ханствах. Производимую ими сельскохозяйственную продукцию земледельцы обменивали на ремесленные изделия, скот, кожу и шерсть. Это разделение труда сложилось давно и сыграло важную роль в возникновении и развитии товарно-денежных отношений. Земледельцы Средней Азии выращивали хлопок, пшеницу, джугару, рис, ячмень, просо; значительное развитие получило садоводство. Сады и бахчи давали обильный урожай благодаря климатическим условиям и накопленному богатому опыту в их возделывании, настойчивому труду дехкан. Исстари получило здесь широкое развитие шелководство, основными районами которого были Бухара, Хазарасп, Маргелан, Катта-Курган. В скотоводческих районах в большом количестве разводили овец и крупный рогатый скот. Среднеазиатский каракуль уже в XVIII в. в значительной товарной массе вывозился за границу — в Россию, Персию, Западную Европу[1].

[1] История Узбекской ССР, т. 1, кн. вторая, стр. 15. изд. Акад. наук УзССР, Ташкент, 1956,

Кроме поливных земель, которых было явно недостаточно, крестьяне распахивали неорошаемую землю под богарные посевы, хотя урожай на таких землях был в несколько раз ниже, чем на поливных.

Находясь в зависимости от феодалов, баев и чиновников, крестьяне постоянно страдали от недостатка воды.

Важнейшей проблемой аграрных отношений в Средней Азии являлся вопрос о праве собственности на землю.

Как известно, для феодального общества Западной Европы характерна феодальная «земельная собственность вместе с прикованным к ней трудом крепостных»[1].

В дореволюционной Средней Азии господствующей формой до последнего времени считалась так называемая феодальная государственная (амлякована) собственность на землю[2]. Этому соответствует известное положение Маркса о земельной собственности на Востоке: «Государство здесь верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»[3].

Однако признание исключительного права верховной собственности государства на землю не явилось в ханствах препятствием к возникновению и развитию различных форм частной земельной собственности, ибо наряду с амляковой, т. е. государственной формой собственности, в ханствах существовала независимая от государства частная собственность — мульковая собственность, аналогичная по своему характеру европейской форме феодальной собственности. Хотя во всех трех ханствах все земли юридически, в соответствии с мусульманским правом (по шариату), находились в верховной собственности государства, т. е. хана или эмира, фактические землевладение и землепользование привели на практике к образованию различных и весьма сложных форм земельной собственности.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2-е, т. 3, стр. 23.

[2] История Узбекской ССР, т. I, книга вторая. стр. 16, изд. Акад. наук УзССР, Ташкент, 1956.

[3] *К. Маркс*. Капитал, 1950, т. III, стр. 804

Известны три формы земельной собственности.

Амляковые земли — государственные земли, которые находились в непосредственной собственности хана или эмира и обрабатывались частично при помощи рабов, а главным образом путем сдачи их в издольную наследственную аренду. Относительно размеров амляковых земель в ханствах мы располагаем лишь отрывочными данными (путешественников и русских пленных), касающимися Хивы. По свидетельствам русских пленных, относящимся к началу XIX века, в непосредственном владении хивинского хана и его чиновников находилось до 50% всей земли. Часть ханской земли обрабатывалась рабами, а часть сдавалась в аренду за $^1/_2$, $^1/_4$ или $^1/_5$ доли урожая[1].

По данным Г. И. Данилевского[2], относящимся к 1847 г., общий фонд обрабатываемой в Хиве земли составлял около 700 тыс. десятин, из которых более $^1/_3$ принадлежало хану, его родственникам и чиновникам.

Из материалов архива хивинских ханов, описанных П. Ивановым, можно определить не менее 2500 десятин орошаемой земли в удельных поместьях хивинского хана.

Ор. Шкапский указывает, что из общего числа 46 739 танапов (17527 дес.) земли только в четырех волостях Хивинского ханства (Шураханской, Дюрткульской, Шейх-Абас-Валийской и Бай-Базарской) 59,5% относились к землям падшалычным, т. е. государственным, 31,4% — к землям вакуфным и остальные 9,1% — к землям ярлыкли-мульковым[3]. По данным П. П. Иванова[4], эмир Сейид Алим, кроме государственных амляковых земель, лично владел 1700 дес. орошаемых земель в Зеравшанской долине. А по данным Б. Г. Гафурова[5], кроме этих земель, он владел 12,1% земли в Восточной Бухаре.

---

[1] Архив народного хозяйства в Ленинграде, Фонд департамента мануфактур и торговли, д.№ 392, отд. на стр. 1 о Хивинском ханстве, л. 51. (Данные приводятся по рукописи докторской диссертации Е. В. Бунакова «Развитие капитализма в Узбекистане».

[2] *Г. И. Данилевский*. Описание Хивинского ханства. Записки Русского Географического Общества, кн. V, 1851.

[3] *О. А. Шкапский*. Аму-Дарьинские очерки. Ташкент. 1900, стр. 118—119.

[4] *П. П. Иванов*. Удельные земли Сейид Мухаммед-хана Хивинского. Записки Института востоковедения АН СССР, т. VI, М—Л, 1937, стр. 29.

[5] *Б. Гафуров*. История таджикского народа, т. 1, М., 1949, стр. 219.

Амляковая форма земельной собственности в Бухарском ханстве, как это видно из работы К. М. Мирзаева, являлась основной формой земельной собственности и составляла основу экономических отношений в Бухарском ханстве. Как некая разновидность феодальной собственности, она «отличается от всякой другой феодальной собственности лишь тем, что здесь собственниками средств производства являются не отдельные феодалы, а мощное, централизованное в государственном масштабе, объединение феодалов во главе с эмиром»[1].

Такая централизация земельной собственности в руках государства обусловлена тем, что сельское хозяйство было здесь основано на орошении, а строительство ирригационных каналов и сооружений повелительно требовало мобилизации труда в массовом масштабе, необходимой организации и расстановки рабочей силы, что могло быть осуществлено в условиях феодализма лишь путем жестокого насильственного удержания эксплуатируемых масс в подчинении. Выполнение такой большой задачи было не по силам отдельному феодалу. Как указывал К. Маркс, эта элементарная необходимость экономного и совместного использования воды на Востоке повелительно требовала вмешательства централизующей силы правительства. «Отсюда та экономическая функция — заключал Маркс — которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно функция организации публичных работ»[2].

Феодальные отношения, как известно, покоятся на взимании феодальной земельной ренты, как формы присвоения прибавочного продукта. Особенность взимания феодальной ренты с дехкан-арендаторов амляковых земель состоит в том, что здесь рента совпадает с налогом, т. е. принимает форму налога, присваиваемого государством. «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты»[3].

---

1 *К. М. Мирзаев.* Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве, стр. 23, Ташкент, 1954.
2 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. IX, стр. 348.
3 *К. Маркс.* Капитал, т. III, 1950, стр. 804.

Вопрос о том, была ли в действительности амляковая форма земельной собственности в среднеазиатских ханствах основной и господствующей формой земельной собственности, многие авторы — Г. И. Данилевский, П. П. Иванов, Б. Г. Гафуров, О. Шкапский, А. И. Ишанов, К. М. Мирзаев, М. Хикматов и другие — решают в положительном смысле.

По данным А. И. Ишанова, удельный вес амляковых земель в Бухарском ханстве составлял около 60% всей земельной площади.

М. Хикматов приводит соответственно сходные цифры об удельном весе амляковой и других форм земельной собственности. По его данным, в Бухарском ханстве амляковое землевладение составляло 65% всей земельной площади, мульковое — 4%, танхо-поместное землевладение — 5%, вакуфное землевладение духовных феодалов — 24% земли. Это все данные о соотношении различных форм феодальной собственности в Бухарском ханстве.

В своем исследовании о землевладении в Хиве М. Ю. Юлдашев на основе изучения первоисточников (документов архива хивинских ханов XIX в., недавно обнаруженных им в фондах Института востоковедения АН СССР) и, опираясь на точные статистические данные, пришел к новым выводам по этому вопросу.

По М. Ю. Юлдашеву, в конце XVIII — начале XIX вв. в Хивинском ханстве происходил усиленный процесс перехода к крупному феодальному землевладению, причем не за счет конфискации земель феодальной «родоплеменной» знати, как до сих пор утверждали некоторые историки, а за счет экспроприации земель низовых членов родов и за счет экспроприации земель, принадлежавших народу, издавна населявшему земледельческие районы Хивы. Кроме того, феодально-родовая знать захватывала земли, вновь освоенные благодаря ирригационному строительству, осуществленному усилиями нескольких родов, во главе которых стояла феодальная знать. «Документы архива хивинских ханов свидетельствуют о том, что в середине XIX века в Хиве в руках феодальной знати находилось более двух третей всей пахотной земли»[1]. Такая концентрация земель в руках феодальной знати

---

1 *М. Ю. Юлдашев.* К вопросу об особенностях развития землевладения в Хиве XIX века. Материалы первой всесоюзной конференции востоковедов. Ташкент, 1957, стр. 202.

8 625

позволяет считать, что Хивинское ханство в XIX веке было страной крупного феодального землевладения.

Точные подсчеты, произведенные М. Ю. Юлдашевым, показывают, что «государственных, церковных и крестьянских земель в Хиве было сравнительно немного. В середине XIX века на долю государства и вакуфа приходилось примерно около $^1/_7$ общего земельного фонда. Крестьянские земли занимали около $^1/_{10}$ части обрабатываемого земельного фонда страны»[1]. Соотношение различных форм землевладения в Хиве складывалось таким образом: наибольшая часть земли приходилась на частновладельческие земли (мульки), далее шли вакуфные земли, а затем уже государственные, или падшалычные. Как показывают данные архива, в середине XIX века в Хиве насчитывалось всего 15—20 тыс. хозяйств крестьян-мулькдаров, из них 17% зажиточных и 83% малоземельных. «Все беззе-мельные крестьяне-арендаторы — отмечает М. Ю. Юлдашев — в соответствии с видом арендуемой земли делились на три категории: арендаторы государственной земли назывались «биватан», арендаторы церковной земли «вакуфкор» или «вакуфчи», арендаторы частных земель — «каранда»[2].

Аналогичный процесс образования крупного феодального частного землевладения в XIX веке в еще большей степени совершался в Кокандском ханстве, которое экономически было более зрелым, чем Хивинское и Бухарское ханства.

Амляковые земли, как выше отмечено, обрабатывались частично трудом рабов, а главным образом трудом крестьян, путем сдачи их в аренду на правах наследственного владения и пользования. Поэтому производственной основой амляковой формы землевладения было натуральное крестьянское хозяйство в сочетании с подсобной домашней промышленностью. Производственные отношения здесь покоятся на присвоении феодалами - амлякдарами (владельцами амляковых земель) и верховным собственником земли прибавочного продукта непосредственных производителей — крепостных крестьян—в форме ренты-налога. «Прибавочный продукт труда непосредственных производителей, крепостных, присваивался здесь каждым отдельным, ближайшим к ним по иерархической лестнице феодалом, поступая в его личное распоряжение, и затем уже часть этого прибавочного продукта выделялась самим феодалом и направлялась им на удовлетворение общих интересов господствующего класса в форме выполнения повинности самого феодала перед ближайшим сеньором»[1].

В позднее средневековье, в связи с эволюцией аграрных отношений и развитием товарно-денежного хозяйства, амляковая форма земельной собственности претерпевает изменения, выражающиеся в том, что амляковые земли в широких размерах раздавались в танхо, т. е. в бенифициальные пожалования дворянской знати, духовенству, крупным землевладельцам и другим приближенным к эмиру элементам, связанным с ним общностью интересов, на правах условного землевладения и землепользования. Однако с течением времени танхо, естественно, приобрело тенденцию к превращению в полную собственность. Став собственниками земли, владельцы могли эту землю продать, передать по наследству или отдать в вакуфный фонд и т.д. Таким образом, земля в их руках превращалась в предмет купли-продажи, т. е. в товар. «Покупка таких земель была особенно выгодной, так как от налога освобождался не только владелец, которому первоначально была пожалована земля, но и само владение, независимо от смены владельцев и от рода их занятий»[2].

Таким образом, пожалование в икта (иктадор) или в суюргал в раннее и среднее средневековье, а затем, в позднее средневековье, пожалование амляковых земель в танхо привели к децентрализации государственного (амлякового) земельного фонда, а юридически условное землевладение и землепользование при слабой ханской власти превращалось в частную феодальную собственность[3]. Такова, по имеющимся и изученным данным, эволюция амляковой формы землевладения.

Мульковые, частновладельческие земли представляли собой земли, пожалованные ханом или эмиром отдельным лицам за их службу и заслуги. Мульковые земли в свою

---

1 *М. Ю. Юлдашев.* К вопросу об особенностях развития землевладения в Хиве XIX века. Материалы первой всесоюзной конференции востоковедов. Ташкент, 1957, стр. 205.

2 Там же, стр. 206.

1 *К. М. Мирзаев*, названн. соч., стр. 26.

2 *М. Хикматов.* Земельно-водная реформа в Зеравшанской области. Автореферат кандидатской диссертации. Ташкент, 1953.

3 Главным образом в Хивинском и Кокандском ханствах.

очередь разделялись на несколько категорий: мульки-хурри-халис (мульки-хурр) мульки-ушри, мульки-хераджа — в зависимости от того, как образовалось данное владение и обложено ли оно государственным налогом или нет.

Из материалов архива хивинских ханов XIX века видно, что земельные пожалования в Хивинском ханстве практиковались в широких масштабах. Хивинский хан Мухаммед-Рахим, в целях ослабления наиболее враждебных ему видных феодалов и выдвижения на их место лояльно настроенных к нему представителей господствующего класса, а также для привлечения на свою сторону влиятельной части туркменских вождей, широко производил земельные пожалования. По свидетельству хивинского историка Муниса, после последнего похода Мухамед-Рахима на Арал в 1811 г. против Тура Мурада-Суфи «хан призвал к себе аральских начальников и представителей и пожаловал каждому из них большое количество возделываемой земли из состава своих султанских земель с тем, чтобы каждый из них мог спокойно жить на этих землях, не испытывая житейских забот и треволнений»[1].

Такого рода земельные пожалования давались военачальникам и рядовым бойцам — нукерам, составлявшим ядро ханской армии.

Все эти земли обрабатывались крестьянами на условиях вечной аренды с выплатой натурой известной части (от $^1/_{10}$ до $^3/_4$) урожая в пользу владельца. Такие земельные пожалования выдавались и в Бухарском и в Кокандском ханствах. Так, кокандским ханом были пожалованы группе татар в качестве «мульки-хурр» земли около гор. Ташкента[2].

Для суждения об удельном весе указанного вида землевладений в Кокандском и Бухарском ханствах мы располагаем данными лишь в отношении Ходжентского (ныне Ленинабадского) уезда, относящимися к 1869 г. По этим данным, из 100 тыс. танапов поливных земель уезда

[1] *Фирдаусуль-Икбал.* Рукопись Института востоковедения АН СССР, т. 6, л. 184-а. Цитир. по кн. П. П. Иванова «Архив хивинских ханов XIX века», стр. 19.

[2] *А. А. Семенов.* Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства. Труды САГУ, сер. II. Orientalia, вып. 1, Ташкент. 1929.

не облагалось налогами при ханской власти 11 тыс. танапов, т. е. 11%.

Таким образом, можно считать, что не менее 10% поливной земли представляли собой земли «мульки-хурр».

Земли «мульки-хурр», как и все земли, служили предметом купли и продажи.

А. А. Семенов приводит пример продажи земли «мульки-хурр» иностранцу (иранцу). Купчая была оформлена соответствующими бухарскими властями[1].

Выше мы упоминали о землях «мульки-хераджа» или хераджных землях. Они представляли собою земли, с давних пор закрепленные за населением, которое платило за них поземельный налог — херадж — в натуральной и денежной форме. Налог с этих земель устанавливался, как правило, от $^1/_5$ до $^1/_8$ доли урожая или его стоимости. Хераджная земля также могла быть продаваема. При продаже этой земли все налоговые и прочие обязательства переходили на нового владельца. Земля эта обрабатывалась либо самим землевладельцем, либо арендатором за долю урожая.

Вакуфные земли — земли, принадлежавшие мечетям и разным религиозным учреждениям.

Вакуфом вообще называется имущество, посвященное какой-либо определенной цели. Установление вакуфа заключается в отказе какого-либо (но приносящего доход) имущества благотворительным, культурно-просветительным и религиозным учреждениям[2].

Основным видом вакуфа, получившим наибольшее распространение, являлись земельные вакуфы.

Вакуфные земли представляют собой земли, отказанные или завещанные их владельцами в качестве постоянного источника дохода в пользу религиозных корпораций.

Помимо пожертвования вакуфа на какие-либо религиозные цели, вакуфы могли быть установлены и в пользу самого владельца и его потомства, и являлись таким образом «заповедными имениями»[3]. Такие вакуфы назывались «частными вакуфами».

Вакуфные земли не подлежали продаже и залогу. Они не могли быть подарены и вообще не могли быть предметом

[1] *А. А. Семенов*, цитир. работа.

[2] *Л. И. Дембо.* Земельный строй Востока. Л., 1927, стр. 7.

[3] Там же, стр. 8—10.

гражданского оборота. Все вакуфы, в том числе и земельные вакуфы, освобождались от государственных налогов и повинностей. «С этих земель налогов не взимается и арендная плата за их эксплуатацию поступала в пользу тех духовных учреждений, которым была завещана данная земля[1]»...

Большая часть вакуфных земель сдавалась в аренду дехканам: последние за право пользования землей платили налог-ренту. Такие земельные вакуфы получили название «населенных вакуфов»[2]. «Создавались эти вакуфы путем сдачи земель землепользователям в бессрочную вечно-наследственную аренду. Не имея возможности самостоятельно эксплуатировать землю, учреждения, в пользу которых посвящен вакуф (мечети, школы и др.), сдавали землю мелким арендаторам, которые оседали на земле, обзаводились хозяйством и становились в положение потомственных пользователей вакуфной земли, в течение многих веков передававших право пользования ею потомству.

К числу населенных вакуфов относятся также частные вакуфы, установленные в пользу самих учреждений. Эти вакуфы носили определенно феодальный характер. Население этих вакуфов платило обычную подать, которая, однако, в силу того, что вакуфы были освобождены от налогов, поступала не в казну, а в пользу собственника вакуфа и являлась по существу арендной платой[3]. Доходы от вакуфных земель, таким образом, шли на содержание прежде всего крайне фанатического и реакционного мусульманского духовенства.

Вакуфной собственностью ведал особый управляющий — мутавалли, являвшийся полноправным и бесконтрольным распорядителем вакуфа. Вакуфные земли сдавались в аренду ближайшим кишлачным дехканам из 50—60% урожая. Мутавалли имел право передавать право взимания вакуфных поступлений от имущества и земель откупщикам, а первый откупщик имел право передавать это право другому, последний — третьему и т. д.

Таким образом, вакуфные доходы были фактически объектом спекуляции и переходили из одних рук

[1] История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947, стр. 145.
[2] *Дембо*, цит. работа, стр. 8 — 10.
[3] Там же, стр. 13.
[4] Там же, стр. 10.

в другие, что крайне разоряло дехкан, обрабатывавших эти земли.

Вакуфное землевладение отличалось особенно тяжелыми формами эксплуатации дехкан, сильно напоминающими крепостничество. В некоторых местах крестьяне были прикреплены к земле, неся натуральные повинности. Фактическое закрепощение крестьян видно и из того, что феодалы обращали в вакуф и продавали друг другу земли вместе с усадьбами сидящих на этих землях крестьян[1]. Находясь в распоряжении духовных феодалов, вакуфные земли были средством обогащения имамов, ишанов, казиев, ахунов, шейхов и других чинов мусульманского духовенства.

Таким образом, громадные амляковые и вакуфные земельные фонды, находившиеся в руках эмиров, ханов и их ближайших сановников и духовенства, служили основой феодальной эксплуатации трудового дехканства. Амляковые земли вместе с тем являлись основным источником государственного дохода.

В отношении удельного веса вакуфных земель в узбекских ханствах достоверными общими данными мы опять-таки не располагаем. Есть некоторые сведения, относящиеся, правда, к более позднему периоду, которые дают нам некоторое представление о количестве вакуфных земель.

По материалам статистического описания Ферганской области, в 1897 г. в разных ее уездах количество вакуфных владений, освобожденных на основании ст. 286 — 299 Положения об управлении Туркестанским краем от уплаты налогов, составляло:

в Андижанском уезде — 25 530 дес.
в Наманганском уезде — 12 568 дес.
в Кокандском (в 70 волостях) — 26 561 дес.

По материалам такого же статистического описания областей Туркестанского края, в 1873 г. в Зеравшанском округе вакуфные земли составляли около 10% всех земель, а в Ферганской области количество их колебалось в пределах от 11 до 17%. По материалам В. И. Масальского, в Самаркандском уезде вакуфные земли составляли 14 291 дес., в Скобелевском (Ферганском) уезде — до 22 640 дес. По данным Ор. Шкапского, в 5 волостях Хивинского

[1] История Узбекской ССР. Ташкент, 1956, т. 1, кн. вторая, стр. 18.

района вакуфные земли в 1875 г. составляли 31,9 всей земли.

П. П. Иванов указывает, что на государственных, частновладельческих (мульковых) и вакуфных землях крестьянам предоставлялись участки в размерах 5—10 танапов.

В некоторых случаях норма крестьянского надела понижалась до 2,5 или повышалась до 12 танапов.

Крестьянские наделы в массе были вообще чрезвычайно малы.

Материалы архива хивинских ханов показывают, что в составе населения имелось значительное число безземельных крестьян, получивших название *биватанли* или обладавших незначительным земельным участком, размер которого не обеспечивал прожиточного минимума.

Данные организационной комиссии о землевладении и землепользовании в 1875 г.[1] показывают, что в 1875 г. число дворов биватанли в Хивинском ханстве равнялось 548, а в 1877 г. — 613.

Материалы архива хивинских ханов обогащают нас новыми данными о крупном землевладении в Хивинском ханстве. Исследователь Хивинского ханства П. П. Иванов отмечает, что большим хозяйством в Хиве считалось владение, имевшее 50 и более танапов[2].

О наличии в Хиве феодальной земельной собственности чрезвычайно крупных размеров говорит Г. Данилевский, из слов которого явствует, что такие весьма крупные хозяйства достигали нескольких сот и даже 2—3 тыс. танапов[3].

Г. Данилевский был, по-видимому, близок к истине, утверждая, что почти половина всех возделываемых земель ханства «принадлежит хану, его родственникам, главным сановникам, прочим чиновникам, медресам и торговому сословию»[4], зато «простому народу», по определению того же автора, принадлежит лишь немногим более половины

[1] *Оп. Шкапский.* Аму-Дарьинские очерки. Ташкент, 1610 стр. 117.

[2] *Л. Костенко.* Хивинское ханство в сельскохозяйственном отношении. Военный сборник, 1879, № 4, стр. 375.

[3] *Г. И. Данилевский.* Описание хивинского ханства. Записки Русского Географического общества. Кн. V. 1851, стр. 123.

[4] Там же.

всей культурной земли в ханстве, причем многие из крестьян имеют не более одного танапа.

Основываясь на данных по Зеравшанскому округу, можно считать, что в Бухарском ханстве, в связи с уменьшением размеров землевладений во второй половине XIX в., средний размер землевладения составлял 2—2,5 танапа. У преобладающей же массы дехкан средний размер землевладения составлял уже 1—1,5—2 танапа.

В течение XIX века в среднеазиатских ханствах происходил усиленный процесс обезземеливания дехканских масс и уменьшения размеров землевладений, а параллельно — процесс роста крупного феодального землевладения за счет обезземеливания дехканских масс и купли-продажи их земли.

ЧАЙРИКЕРСТВО, НАЕМНЫЙ ТРУД И РАБСТВО

Амляковые и вакуфные земли, о которых мы говорили выше, обрабатывались, за немногим исключением, непосредственными производителями — дехканскими массами — на арендных условиях. Издольная аренда выступает как основная форма феодальной эксплуатации. По свидетельству всех авторов, изучавших аграрные отношения в Средней Азии, в рассматриваемый нами период здесь большое распространение имела сдача в мелкое арендное пользование земель крупного и среднего землевладения.

Издольная система — чайрикерство, широко применявшееся в среднеазиатских ханствах, по социально-экономическому содержанию представляет собою форму феодальных полукрепостнических отношений между крупными землевладельцами и непосредственными производителями дехканами-чайрикерами. Испольная, или иначе, «голодная» аренда, натуральные повинности, задолженность крупным землевладельцам составляли отношения многосторонней экономической зависимости крестьянства от крупного землевладения[1].

«В основе своей чайрикерство есть пользование землей с уплатой за право пользования определенной доли урожая. Однако разнообразные практические условия пользова-

[1] *И. К. Ходоров.* К вопросу об исторической эволюции землевладения в Туркестане. «Историк-марксист», 1923, № 10, стр. 146.

ния значительно осложнили этот институт и сделали юридическую природу его крайне неопределенной»[1].

Тем не менее, чайрикерство можно свести к трем основным формам.

Первая форма: чайрикеру в пользование предоставляются земля, вода, живой и мертвый инвентарь, денежная ссуда, семена и фураж. Здесь чайрикер предоставляет только свой труд. За такое пользование землей чайрикер обычно уплачивает владельцу земли $^3/_5$ урожая с возвратом инвентаря и денежной ссуды.

Вторая форма: чайрикер, помимо земли и воды, пользуется лишь инвентарем хозяина и обычно обязан ему уплатить $^2/_5$ урожая.

Третья категория — пользование чайрикером только землей, с уплатой от $^1/_8$ до $^1/_4$ урожая[2].

Взимание феодальной ренты, таким образом, осуществляется в форме присвоения прибавочного продукта — определенной доли урожая дехкан-чайрикеров. Такая форма взимания феодальной ренты внешне несколько отличается от крепостнической формы присвоения, но по своей социально-экономической сущности является разновидностью чисто крепостнических отношений. Здесь крепостной крестьянин — мелкий арендатор-чайрикер, владеющий землей на условиях наследственной аренды и имеющий свое частное хозяйство, — противостоит феодалу (как верховному феодалу — хану, эмиру и т. д., так и своему феодалу — сеньору), располагающему правом полной собственности на землю и неполной собственности на производителя-крестьянина; прибавочный продукт здесь извлекался путем внеэкономического принуждения. Таким образом, мелкий издольный арендатор-чайрикер (в Бухаре — к о р а н д á) был по существу в такой же крепостной зависимости, как крепостной крестьянин в полном смысле этого слова.

В ханствах, кроме взимания феодальной ренты продуктами, существовала и отработочная рента, важнейшей формой которой является «хашар». Сущность хашара состояла в привлечении крестьян для проведения громадного масштаба работ по строительству и ремонту оросительных каналов и ирригационных сооружений, мостов, плотин, очистке мелкой ирригационной сети, строительству зауров (коллекторов) для мелиорации почв и т. д. Укоренение этой своеобразной отработочной ренты связано с необходимостью ирригационных работ, без которых развитие производительных сил сельского хозяйства здесь невозможно.

[1] *Дембо*, цит. работа, стр. 73.
[2] Там же, стр. 74.

Дехкане, работавшие на небольших клочках земли, арендованных на кабальных и полукрепостнических условиях, влачили жалкое, полуголодное существование. Положение их было исключительно тяжелым. Арендаторы-чайрикеры большей частью имели право лишь на $^1/_4$ урожая — «чайрик», а $^3/_4$ урожая поступало в пользу владельца земли. Рента, выплачивавшаяся владельцу земли, была настолько велика, что арендаторы не в состоянии были прокормить свою семью и вести хозяйство. Им приходилось обращаться за помощью к крупным землевладельцам, т. е. влезать в долговую кабалу. Таким образом, труд мелких арендаторов земли не только не обеспечивал арендаторов, но был одним из источников роста долговой кабалы.

Характерной особенностью аренды в среднеазиатских ханствах было то, что земля предоставлялась арендатору в вечную аренду, с правом передачи ее по наследству. В основе такого правового положения арендатора лежало стремление феодалов закрепить за собой рабочие руки при помощи долговой кабалы, которая вместе с арендой переходила от отца к сыну, от деда к внуку, и таким образом, целое поколение семьи попадало в наследственную кабалу. Вот почему в условиях Средней Азии феодально-крепостнические отношения переплетались с рабовладельческими, что придавало среднеазиатскому феодализму наиболее варварский и реакционный характер.

Выше мы отмечали, что амляковые и вакуфные земли большей частью сдавались в издольную аренду. Однако в ханствах применялся и наемный труд.

Наемный труд получил сравнительно большое распространение в Кокандском ханстве. По свидетельству М. Терентьева, в Кураминском и Ташкентском уездах Кокандского ханства на сельскохозяйственных работах систематически применялся наемный труд.

Применение наемного труда в Хивинском ханстве встречалось редко, главным образом на работах по очистке ирригационных каналов и сооружений.

Рабский труд применялся в сравнительно больших размерах лишь в Хивинском ханстве. Рабы состояли главным образом из захваченных в плен персов и русских. О числе рабов в Хивинском ханстве имеются разноречивые данные. Так, Вамбери определил его в 80 тыс. человек; майор же Бланкеннагель указывал лишь 20 тыс. персидских рабов[1].

По данным Хорошихина[2], общее число рабов в ханстве в 60-х годах XIX века составляло 30 — 40 тыс. Надо считать наиболее точными официальные данные, опубликованные в царской России в 1873 г., по которым число персидских невольников определяется в 15 тыс. человек. Наличием относительно большого количества рабов в ханстве и объясняется, почему издольная аренда в Хиве не получила широкого распространения.

О численности рабов в Бухарском ханстве имеются сведения в двух источниках: в записке Бланкеннагеля, в которой он определяет численность рабов в 50 тыс.,[3] и в опубликованном Спасским в 1825 году «Новейшем описании великой Бухарии», где указывается 40 тыс. персидских невольников.

Рабы приобретались главным образом на войне и путем работорговли и состояли в основном из иранцев. Но были рабы и других национальностей, в том числе и русские, число которых не превышало 200 — 300 человек, попавших в Хиву в качестве пленных.

Хивинские и бухарские работорговцы разъезжали по туркменским кочевьям, скупая пленных, перепродавая их на базарах хивинских городов и Бухары. Главными рынками работорговли были Хива, Куня-Ургенч, Кунград, Чимбай, Ходжейли, Бухара, Гиждуван[4].

В Бухарском и Хивинском ханствах работорговля просуществовала вплоть до завоевания ханств царской Рос-

[1] Архив внешней политики в Ленинграде. Фонд Непременного совета, д. № 55 и д. № 3 (цит. по рукописи докт. диссертации Е.В. Бунакова «Развитие капитализма в Узбекистане»).

[2] *П. П. Иванов.* «Удельные земли» Сейид-Мухаммед-хана Хивинского (1856 — 1865). Записки Института востоковедения, т. VI, М. — Л., 1937.

[3] Архив внутренней политики. Ф. Непременного совета, д. № 55, л. 3.

[4] В романе Садриддина Айни „Рабы" очень ярко показана работорговля в Бухарском ханстве. По свидетельству С. Айни, рабы состояли главным образом из иранцев и их потомков.

сией. Что касается рабства в Кокандском ханстве, то, хотя мы и не располагаем точной статистикой, тем не менее имеются достоверные указания о весьма незначительном количестве рабов в этом ханстве[1].

Относительно большое распространение работорговли в Хивинском, затем в Бухарском ханствах объясняется, по нашему мнению, экономической отсталостью Хивинского ханства по сравнению с Бухарским, а последнего — по сравнению с Кокандским ханством. Зато наемный труд был более всего развит в Кокандском ханстве.

Кроме того, территориальная близость Хивы и Бухары с Ираном давала возможность приобретать рабов и путем свободной торговли, и путем захвата.

Наличие рабства в Хивинском и Бухарском ханствах привело некоторых авторов (Вамбери, Залесова и др.) к выводу о господстве в Хивинском ханстве рабского труда[2]. Такой вывод основан на неточном определении общего числа рабов в ханстве. Убедиться в ошибочности мнения о господстве в ханстве рабского труда можно хотя бы из того, что в Хивинском ханстве в момент завоевания Хивы ген. Кауфманом русские нашли около 15 000 иранских невольников и около 200—300 русских пленных. Что касается доли рабского труда в Бухарском ханстве, то если даже признать, что в Бухаре было 20 — 40 тыс. рабов, то это еще далеко до преобладания. Кроме того, следует иметь в виду, что рабский труд в Бухаре применялся главным образом вне производства. Так, персидские невольники, по данным миссии Бутенева, служили в войсках Бухарского эмира: «Все солдаты, составляющие его... суть невольники персидские или русские»[3].

Рабство, существовавшее в названных среднеазиатских ханствах, играло, бесспорно, реакционную роль, как наиболее грубая и жестокая форма эксплуатации масс, служившая к тому же помехой утверждению более прогрессивных форм труда.

[1] Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии. Записки РГО, кн. III, Спб, 1849.

[2] *А. Вамбери.* Путешествие по Средней Азии. М., 1874.

[3] Записка Бутенева II-го «О возможности и о средствах похода на Бухарию с войсками». Архив народного хозяйства в Ленинграде. Фонд департамента горных и соляных дел, дело № 5/330, лл. 417—454.

НАЛОГОВО-ПОДАТНАЯ СИСТЕМА

Налоговая система в среднеазиатских ханствах была орудием безжалостной феодальной эксплуатации трудовых масс. Здесь господствовали «допотопные» методы взимания налогов и внеэкономического принуждения.

Феодальные повинности, лежавшие на местном крестьянстве, были крайне многообразны и обременительны. Основной вид налога-ренты — в Хивинском ханстве «салгыт», в Бухарском эмирате «хераж», а в Кокандском ханстве «салыг» — выплачивался деньгами в размере от 1 до 3 тиллей, в зависимости от количества земли.

В переводе на русские деньги это 4 — 12 рублей. По словам О. Шкапского, салгытом облагались земли мульковые, которые, как уже было сказано выше, составляли собственность отдельных лиц, в размере 72 коп. с танапа.

С а л г ы т о м облагались не только крестьяне, владельцы мульковых земель, но и безземельные биватаны, как сидевшие на вакуфных землях, так и вовсе не имевшие земли. Они облагались салгытом с каждого двора в размере 1 тилля (т. е. 3 р. 60 к.)[1].

Все привилегированные группы населения — духовенство, улема, «служилые люди», ханские приближенные и нукеры—имели ярлык на освобождение от уплаты налога. Тем большие тяготы испытывала основная масса плательщиков — рядовое дехканство.

С крестьян, сидевших на падшалычных, мульковых и вакуфных землях, взимался еще натуральный налог, так называемый д а я к или у ш р, собиравшийся якобы для религиозных нужд, а фактически расходовавшийся ханской властью на самые разнообразные цели[2]. Размер такого налога, по данным О. Шкапского, определяется в $^1/_{10}$ часть урожая с земель, орошаемых без чигиря (водоподъемного колеса), и в $^1/_{20}$ — с земель, орошаемых посредством чигиря; иначе говоря, налог даяк взимался в зависимости от способа полива.

В наихудших условиях оказались крестьяне-арендаторы вакуфных земель, которые «обязаны были, наряду с уплатой в казну салгыта, вносить в свое вакуфное учреждение также даяк»[1].

Важным видом налога в ханствах являлся з я к а т, носивший характер таможенного налога, под которым подразумевался и налог со стад кочевников и сбор с ремесленников. Зякатом назывался и сбор с торговых караванов и торговых мест — «тегиджай» (таможенный сбор). По данным Вамбери, зякат взимался с каждого предмета в размере 2,5% стоимости; с рогатого скота, лошадей и верблюдов по одной теньге с головы, а с овец — по полтеньги[2]. По другим источникам, зякат со скота в скотоводческих районах (з я к а т и — с а в а и м) взимался с определенного количества скота натурой: один баран или овца с пяти верблюдов, одна овца или коза с сорока овец и т.п.[3].

Кроме этих налогов существовали и другие, например, временный налог — налог а м и н а н а (верноподданический), введенный бухарским эмиром Насрулла-ханом в связи с войной с Россией и установленный в 1,5% — со стоимости товаров и имущества, или маклерские сборы (даллали) — как особый вид торговых сборов, специальные пошлины (бадж) — с ввозимых на местный рынок товаров и грузов.

Что касается земледельческого населения, то оно, кроме установленного законом поземельного налога, платило особый налог за каждый танап земли под садом и огородом (т а н а б п у л и), налог с клеверных полей (а л а ф п у л и). Оба эти налога нередко назывались общим термином — потанапные сборы (т а н а б а н а или т а н а п у л и)[4].

Крестьяне должны были нести различные натуральные повинности: исправлять дороги, строить ирригационные каналы и систематически очищать арыки, строить укрепления и т. д. В военное время население обязано было давать, кроме того, нукеров для войска и обязано было выполнять разные другие требования властей. Так, в Бухаре во время войны население облагалось особым налогом, называвшимся «джул».

---

[1] *О. А. Шкапский.* Аму-Дарьинские очерки. Ташкент, 1900, стр. 133.

[2] *П. П. Иванов.* «Удельные земли» Сейид-Мухаммед-хана Хивинского (1856 — 1865). Записки Института востоковедения АН СССР, т. VI, М. — Л., 1937, стр. 28.

[1] *П. П. Иванов.* «Удельные земли» Сейид-Мухаммед-хана Хивинского (1856 — 1865). Записки Института востоковедения АН СССР, т. VI, М. — Л., 1937, стр. 28.

[2] *А. Вамбери.* Путешествие по Средней Азии. 1874, стр. 294.

[3] История Узбекской ССР, т. 1, кн. вторая, 1956, стр. 41.

[4] Там же.

Бухарское ханство особенно отличалось обилием налогов и всевозможных поборов. Со второй половины XIX века вплоть до образования Бухарской Народной Республики (в 1922 г.) в Бухарском эмирате существовали следующие основные виды налогов: х е р а д ж — земельный налог, з я к а т — налог с товаров и скотоводческих хозяйств, а м и а н а н а — особый налог с товаров и имущества, м и р а б а н а — общественный сбор на содержание лица, ведавшего местной ирригацией, т а н а б п у л и — сельскохозяйственный налог.

Взимание налогов и сборов сопровождалось чудовищными злоупотреблениями и произволом со стороны амлякдаров (чиновников, ведавших сбором податей). Последние, как правило, определяли размер земли, как и размер хераджа, «на глазок». Земледельцы, недовольные установленным хераджем и осмелившиеся вступить в пререкания с амлякдаром, могли быть за это разорены.

В конце XIX века общая сумма налогов, взимавшаяся с населения в Бухаре, достигала 14 млн. рублей в год., т. е. была в четыре раза больше суммы сборов, взимавшихся в Туркестанском крае.

Все эти разнообразные налоги и повинности истощали дехканское хозяйство и ставили его в экономическую зависимость от крупных землевладельцев. Арендная плата и разные денежные и натуральные налоги отнимали от 20 до 33%, а в ряде случаев — и до 50% дохода крестьян.

Если учесть при этом, что сбор налогов и податей отдавался зачастую на откуп отдельным лицам и нукерам, которые собирали с населения в свою пользу суммы, гораздо большие официального налога, творили различные бесчинства и злоупотребления, то можно ясно себе представить, в каком положении находилась основная масса крестьянского населения.

Многочисленные налоги, взимавшиеся с населения, являлись источником содержания чиновников и родственников хана. На них существовало и духовенство.

Все это означало постоянное, систематическое ограбление основной массы производителей страны — дехкан. Мало этого, крестьянин попадал еще в цепкие лапы ростовщика. Ростовщичество было чрезвычайно развито в ханствах и носило средневековый характер. Проценты колебались от 100 до 200 годовых. Чаще всего ростовщик давал кредит под будущий урожай, тем самым заранее

скупая его на исключительно выгодных для него условиях. Ссуды под урожай представляли собой основную форму ростовщической эксплуатации.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРОИЗВОДСТВА

Среднеазиатские ханства, как уже отмечалось, представляли собою аграрные страны, в экономике которых главное место принадлежало сельскому хозяйству.

Важнейшая особенность сельского хозяйства среднеазиатских ханств состояла прежде всего в том, что оно являлось преимущественно орошаемым, интенсивным хозяйством. Орошение имело для сельского хозяйства решающее значение. Естественно-исторические, климатические и почвенные условия Туркестана благоприятствуют произрастанию разнообразных сельскохозяйственных культур.

Важнейшим хлебным растением в ханствах была пшеница (бугдай), которая высеивалась и на поливных, и на богарных (неполивных) землях, затем ячмень, который в полевом хозяйстве ханств играл большую роль и использовался обычно как корм для лошадей; в бедных семьях дехкан ячменная мука примешивалась к пшеничной для выпечки хлеба. Поливной ячмень в Средней Азии давал и в условиях далекого прошлого исключительно большой урожай, достигавший 100 — 150 пудов с десятины. Одной из самых ценных зерновых культур являлся рис — важный продукт питания местного населения.

Следует указать далее на такие хлебные культуры, как просо — т а р ы к — обыкновенное просо и к у н а к — итальянское, ак-джугара, или, как она еще называется, кокандская джугара, и кукуруза (м а к к а-джугара). Из бобовых культур следует указать на горох, маш, фасоль, лобию и т. д., среди которых наибольшее значение здесь имел маш, встречавшийся повсеместно и засевавшийся, как правило, после озимых или яровых хлебов и имевший специальное значение как культура, обогащающая почву азотом. Не менее разнообразны и масличные культуры, из которых следует отметить кунжут (сезам), зигир (лен-кудряш), кукнар (мак) кенаф, кендырь и др.

Среди сельскохозяйственных культур громадное значение и в описываемое нами время имел хлопчатник.

Культура хлопчатника в Средней Азии ведется с древнейших времен и получила сравнительно большое развитие. Высеивался низкоурожайный местный сорт «гуза», который шел главным образом на удовлетворение потребностей внутреннего рынка и местной кустарно-ремесленной промышленности.

Накануне присоединения Средней Азии к России хлопководство имело преимущественно потребительское значение. Только после присоединения, а именно в 80-х годах XIX в., получило сильный толчок развитие товарного хлопководства.

Земледелие ханств до присоединения имело комплексный, т. е. разносторонне развитой характер. С присоединением к России Средняя Азия превращалась в односторонне развивающийся, хлопководческий район.

Наряду с земледелием в экономике ханств большое место занимало животноводство. Скотоводством население занималось главным образом в кочевых районах, производя по преимуществу мясо и шерсть, хотя в отдельных из этих районов (туркменских) большую роль играло также коневодство и верблюдоводство. В Бухарском ханстве и некоторых районах Хивинского ханства преобладало каракулеводство, получившее довольно широкое развитие. Каракулевые смушки в большом количестве вывозились в другие страны, главным образом в Россию.

Вывоз каракулевых шкурок (главным образом из Бухары) составил в 1854 г. 150 000 штук.

Во всех трех ханствах сильное развитие получило овцеводство с мясо-сальным направлением, значительное место занимало также разведение мериносов и гиссарских пород овец.

Одной из древнейших отраслей сельского хозяйства Средней Азии является шелководство, получившее в оседлых районах края большое развитие. Точных данных о валовой продукции среднеазиатского шелководства мы не имеем. Однако сведения, опубликованные царской властью в первые годы после завоевания, дают нам некоторое представление об его развитии.

Общий сбор коконов, по приблизительным данным, составлял накануне первой мировой войны около 300—350 тыс. пудов, из которых около 200—225 тыс. пудов приходится на Ферганскую область, 50—75 тыс. — на Самаркандскую, 7 тыс. — на Сыр-Дарьинскую, до 3 тыс. пудов — на Закаспийскую область, 25—35 тыс.—

на Бухару и 10 тыс. пудов — на Хиву[1]. В стоимостном выражении годовой сбор коконов составлял около 4,5—5 млн. рублей.

Значение шелководства выходило за пределы местного промысла: из Средней Азии вывозились коконы, шелк и шелковые ткани в Европейскую Россию и Западную Европу (Марсель)[2].

Одной из важнейших отраслей народного хозяйства Средней Азии издавна было садоводство и виноградарство. Хотя садоводство по культуре обработки стояло на низком уровне по сравнению с европейскими странами (Италией, Францией, Испанией) и даже Кавказом, но по многообразию ассортимента и вкусовым качествам среднеазиатские фрукты и виноград не уступали, а в некоторых отношениях даже превосходили фрукты и виноград этих стран.

Продукция скотоводства и виноградарства служила также важным предметом экспорта в степные районы и за пределы Средней Азии, главным образом в Россию и Западную Европу (в сушеном виде).

С 1837 по 1847 г. из среднеазиатских ханств было вывезено фруктов на 298 769 рублей: из Бухары — на 171 898 руб., из Хивы — на 14 313 руб. и из Коканда — на 112 558 руб.

Характерной чертой экономической жизни Средней Азии накануне присоединения ее к России было развитие товарно-денежных отношений. Это нашло свое выражение в углублении общественного разделения труда: в образовании сельскохозяйственных районов, снабжающих ремесленные районы сельскохозяйственным сырьем, и специальных районов ремесленного производства, продукция которого шла не только в местные сельскохозяйственные районы, на внутренний рынок, но и на заграничные рынки.

Развитие товарно-денежных отношений выразилось также в переходе от натуральных налогов к денежному обложению, в усилении процесса товаризации крестьянского хозяйства. Тем не менее, при сохранении общего феодального способа производства господствующим в экономике среднеазиатских ханств оставалось натуральное хозяйство.

---

[1] *В. И. Масальский.* Туркестанский край, Спб, 1913, стр. 507.
[2] Там же, стр. 508.

Развитие товарно-денежных отношений привело к классовому расслоению деревни и образованию наемного труда, хотя последний в первой половине XIX века не имел еще сколько-нибудь широкого распространения в сельском хозяйстве.

С давних времен (в период расцвета рабовладельческого строя) в среднеазиатских ханствах широкое развитие получили торговый и ростовщический капитал, для развития которого требовалось лишь наличие товарного производства и товарно-денежных отношений. В ханствах эти условия были налицо еще до завоевания их царской Россией.

Как известно, в развитии купеческого (торгового) капитала марксистская экономическая история отмечает два периода.

Первый — соответствующий эпохе докапиталистических формаций — это период самостоятельного развития торгового капитала, когда в его основе лежал неэквивалентный обмен, прямое присвоение прибавочного продукта мелких производителей — крестьян, городских ремесленников, кустарей и др., что и составляло источник торговой прибыли.

Второй период соответствует эпохе промышленного капитализма, когда торговый капитал подчинен промышленному и функционирует уже только как агент производительного капитала, а «торговая прибыль сводится к такой части прибавочной стоимости, которая приходится на долю торгового капитала, как соответственной части всего капитала, занятого в общественном процессе воспроизводства»[1].

В среднеазиатских ханствах, в силу неразвитости капиталистических отношений, торговый и ростовщический капитал играл более самостоятельную роль в экономической жизни ханств. Но ни торговый, ни ростовщический капитал не могли совершить ломки господствующего (феодального) способа производства и стать сколько-нибудь серьезным фактором экономического прогресса. Самостоятельное развитие торгового капитала, указывал В. И. Ленин, задерживает процесс расслоения мелких производителей, порождает кабальные отношения и личную зависимость от торговца-скупщика, способствует сохранению многочисленных феодальных пережитков и тем

[1] *К. Маркс.* Капитал, т. III, 1953, стр. 298.

самым тормозит развитие производительных сил капиталистического общества.

Эта черта торгового капитала особенно рельефно проявилась в феодальных ханствах Средней Азии, где торговый капитал подчинял себе мелкие дехканские хозяйства и присваивал их прибавочный продукт, а ростовщический капитал истощал производительные силы и основной фактор труда — мелких производителей.

«Ростовщичество — писал Маркс — не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и приводит его в жалкое состояние»[1].

Обратимся теперь к промышленности среднеазиатских ханств до их присоединения к России.

Прежде всего необходимо указать, что в рассматриваемый период в ханствах отсутствовало производство фабричного и мануфактурного типа, хотя в некоторых высокоразвитых районах ремесленного производства (Маргелан, Самарканд) наблюдались зачатки как централизованных, так и главным образом рассеянных мануфактур, основанных на крестьянских ремеслах, работающих на дому.

Господствующей формой было ремесленно-кустарное производство, причем следует учесть, что процесс выделения ремесла из сельского хозяйства далеко не закончился (главным образом в Хивинском ханстве). Многие виды ремесленной продукции, как хлопковая пряжа, хлопчатобумажные и шерстяные ткани, отчасти и обработка кожи, производились еще в крестьянском хозяйстве, на дому.

Крестьянское домашнее производство, весь вообще процесс производства тканей были крайне примитивными. Вырабатывались лишь самые простые и грубые ткани — мата и буз. Вместе с тем следует отметить, что в городах и селах были ткачи, которые специализировались на одном-двух видах изделий, достигая в этом высокой степени совершенства: добротностью и красотой славились среднеазиатские ткани.

Значительно ранее специализировались и выделились из сельского хозяйства металлообработка, горный промысел и вообще такие виды производства, которые не были связаны непосредственно с сельским хозяйством. Ткачеством

[1] *К. Маркс.* Капитал. т. III, 1953, стр. 610.

и прядением в Хивинском ханстве занимались главным образом женщины, причем почти исключительно на дому и в индивидуальном порядке.

Для Кокандского, наиболее передового в экономическом отношении, района и Бухарского ханства характерно почти полное выделение ремесла из сельского хозяйства и повсеместное распространение разнообразнейших отраслей ремесленного производства.

Ремесленное производство было сконцентрировано главным образом в городах, где ремесленники были объединены в цехи.

Важно знать также, что почти все без исключения города Средней Азии возникли и выросли на территориях р а б а т о в, которые образовались как ремесленные предместья при феодальных замках (шахристанах), постепенно превращаясь в самостоятельные промышленные центры ремесленного производства и торговли[1].

Наиболее важными центрами производства хлопчатобумажных тканей были Бухара и Коканд, а центрами писчей бумаги — Коканд и Самарканд. Металлообрабатывающее производство было сосредоточено главным образом в Намангане, производство чугунных изделий — в Бухаре. В Коканде при Малла-хане (1858 — 1862 г.) был основан пушечный завод. В 20-х годах XIX века начинают образовываться зародыши текстильного производства в форме мануфактуры[2].

Феодальный характер ремесленного производства в ханствах отражает наличие цеховой организации с типичными для такого рода организаций уставами — «рисоля».

«Почти все рисоля — читаем у М. Ф. Гаврилова — составлены по одному шаблону: в начале обычно обращение с хвалой к всевышнему богу, его пророку и всем сподвижникам, затем следует изложение предания данного цеха в передаче имама Правецкого Джафара; затем идут наставления ремесленнику относительно того, какие необходимо ему произносить коранические или другие изречения при исполнении своей работы и, наконец, в заключение приводятся обещания наград ремесленнику за исполнение правил рисоля и угрозы за нарушение или

[1] *Е. В. Бунаков.* «Развитие капитализма в Узбекистане». Рукопись докторской диссертации.

[2] История народов Узбекистана. т. II, изд. АН УзССР, 1947.

неисполнение этих предписаний; таков приблизительно план рисоля[1]».

В исторической литературе указывается, что в гор. Бухаре в 1841 г. имелось шесть чугуннолитейных заводиков, каждый из них имел по два горна. Здесь производились сельскохозяйственные орудия и ядра для артиллерии. Сырьем являлся привозной из России чугун. По характеристике К. Бутенева, на этих заводах разделения труда не было[2]. Такого же рода предприятия горного промысла имелись во всех ханствах. Но существование их, как и в Бухаре, не позволяет еще говорить о наличии сложившегося мануфактурного производства в ханствах. Мелкий, кустарно-ремесленный характер промышленного производства явствует из показаний путешественников и пленных и из статистических данных, опубликованных после присоединения Средней Азии к России.

О характере промышленного производства в Хивинском ханстве в 30-х гг. XIX века М. И. Иванин писал: ...«мануфактурной и фабричной промышленности, в собственном значении этих слов, в Хивинском ханстве нет. Хивинцы обрабатывают хлопчатую бумагу, шелк и прочие свои произведения каждый у себя дома, по-одиночке, только для домашнего употребления и для продажи по мелочам»[3].

Т. Бурнашев, бывший в Бухаре в 1794—95 гг., писал о производстве в Бухарском ханстве: «Некоторые из сельских жителей, подобно городским, прядут бумагу и шали и ткут материи, но и те и другие не имеют для сих работ особенных зданий, исправляют их в своих домах»[4].

Е. К. Мейендорф, бывший в Бухаре в 1820 г., отмечает, что «во всей Бухарии не имеется ни одной большой мануфактуры, ни одна фабрика не занимает одновременно более 4—5 рабочих».

В этот же период М. А. Терентьев сообщает о Кураминском районе Кокандского ханства, где «ни фабрик, ни заводов в уезде не имеется». Прототипом промышленных заведений, по его словам, являются толчеи для риса и проса,

[1] *М. Ф. Гаврилов.* Рисоля, Ташкент, 1912, стр. 2.

[2] *К. Бутенев.* Заводское дело в Бухарии. Горный журнал кн. XI, т. IV. Спб, 1842.

[3] *М. И. Иванин.* Хива и река Аму-Дарья. 1873, стр. 31

[4] *Т. Бурнашев.* Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 гг. Спб, 1818.

маслобойки и мельницы, приносящие в год от 100 до 200 руб. дохода. В годовом отчете по Сыр-Дарьинской области за 1868—1869 гг. говорится: «если и есть мастерицы прясть шерсть и хлопок, то они ограничиваются только удовлетворением своих домашних потребностей. Вообще обрабатывающая промышленность развита в области слабо». По данным М. Терентьева, в 1870 г. средняя валовая продукция и среднее число рабочих на одно предприятие в гор. Ташкенте определялись следующими данными:

Виды производства	Стоимость валовой продукции (в рублях)	Число рабочих
Мыловаренное производство	430	13
Кожевенное »	1400	10
Кирпичное »	1100	5
Мельницы »	360	5
Толчеи »	350	2

Отсюда видно, что даже спустя 5 лет после завоевания средние размеры предприятия были очень незначительны.

Все вышеизложенное приводит нас к признанию, что накануне присоединения среднеазиатских ханств к России в них господствующей формой промышленного производства являлось ремесленно-кустарное, с цеховым объединением, и этот «средневековый» строй был главным препятствием для возникновения мануфактурного разделения труда. Это вполне подтверждает вывод Маркса, согласно которому цеховые объединения «исключали возможность мануфактурного разделения труда».

Характерная особенность промышленного производства в рассматриваемый период состоит также и в том, что здесь не был еще закончен процесс выделения торговли из промышленности. Во всех ханствах до присоединения Средней Азии к России единым словом «дукан» именовалась и лавка, и кустарная мастерская. В мастерской производилась и торговля, например «бекасам» (шелком для верхнего халата), металлоизделиями, медной посудой, гончарными и керамическими товарами, топорами, подковами, ножами и предметами роскоши и украшениями («заргарлик»).

Уже само объединение промышленного и торгового процесса в одной и той же лавке-мастерской говорит о

далеко незавершенном процессе отделения торговли от промышленного производства.

Из материалов архива хивинских ханов видно, что в налоговых списках Хивинского ханства торговцы и ремесленники облагались по единому принципу и объединялись зачастую в единую группу владельцев дуканов.

А. Кушаневич, собравший в 1869 г. статистические сведения по Ходжентскому уезду, писал в примечании к одной из таблиц: «Число лавок, промышленных и ремесленных заведений (дуканов) представлено в одной общей цифре, потому что часто нет возможности отделить лавку от промышленного или ремесленного заведения»[1].

Н. Пантусов, собравший аналогичные данные по городу Ташкенту в 1873 г., отмечает: «все свечные и мыльные заводы помещаются по большей части в лавках и цифры по ним не разделены от лавочной торговли»[2].

Говоря об основных отраслях промышленного производства, необходимо отметить, что ведущее место в нем принадлежит хлопчатобумажной промышленности (бумажные ткани: бязь или мата, дока, алача, калами, чит, астар-чит, буз и т. д.) и шелковой (шелковые ткани: шаи, паркок-шаи, атлас, бекасам и банорас и т. д.). Наиболее важными центрами хлопчатобумажной и шелковой промышленности являлись: Ташкент, Коканд, Самарканд, Маргелан, Андижан, Ходжент, Наманган, Бухара, Хива, Ханка.

Весьма распространенной отраслью ремесла являлись кожевенно-обувная — выделка кож, производство масси (ичиги); кавуш (кож. галош), упряжи, сбруи и т. п.

Довольно большое значение в промышленном производстве имела обработка металлов; при этом особенно славилось производство медной посуды. Сырьем для этой промышленности служил привозной металл, который переплавлялся на месте кустарными способами.

В книге «Туркестанский край» В. И. Масальский писал: «Значительно больший интерес представляют изделия из красной и желтой меди, в особенности если они украшены хорошей, оригинального рисунка, чеканкой. Изделия эти пользуются большим распространением и бывают

---

[1] *А. А. Кушаневич.* Ходжентский уезд. Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 1. Спб, 1872, стр. 89.

[2] *Н. Пантусов.* Материал для статистики по Ташкенту. 1873.

весьма разнообразны; таковы, например, блюда (баркаш), чайники (чайдуш), кувшины (кумган), умывальники (абдаст), кальяны (чилим), чернильницы и т. п.»[1].

Основными центрами медных чеканных изделий являлись: Бухара, Карши, Коканд.

В ханствах широкое распространение имело производство гончарных и керамических изделий. Главнейшими центрами его были Бухара, Риштан (Ферганская область) и Самарканд; второстепенными—Коканд, Андижан, Карши, Ташкент и др.

Среди ремесленного производства следует особо отметить производство кошм (войлока), паласов и, более всего, ковров. В Средней Азии славились пенджинские, а затем известные всему миру текинские ковры.

Следует особо выделить производство изделий с резьбой по дереву, применявшейся чаще всего в виде декоративного элемента преимущественно в сооружениях общественного характера; производство натуральных красок, национальных музыкальных инструментов (дойра, сурнай, карнай, нагара, дутар, танбур и др.).

Минеральные ресурсы среднеазиатских ханств, громадные и разнообразные, совершенно не были изучены; их изучение и разработка начинаются лишь после присоединения Средней Азии к России. Разработка, например, нефтяных месторождений и месторождений каменного угля в Фергане, началась русскими промышленниками в 1868 г. Уголь добывали в Татаринском, Первушинском месторождениях и в месторождении Флавицкого[2].

Положение ремесленников в ханствах было очень тяжелым вследствие жестокой феодальной эксплуатации. Производительность труда ремесленников, в частности ткачей, была невысокой. Работая с 3—4 ч. утра до позднего вечера почти без перерыва, ткач успевал соткать на своем ручном станке не более 4—8 аршин ткани. При этом заработок ткача составлял несколько копеек в день. Ремесленное производство существовало лишь за счет крайнего урезывания жизненных условий, обнищания трудящихся. Здесь, как и в сельском хозяйстве, господствовали кабальные формы найма[3].

[1] *В. И. Масальский*, указанная работа, Спб, 1913, стр. 533.
[2] История Узбекской ССР, т. 1, кн. вторая, Ташкент, 1956, стр. 21.
[3] *В. И. Масальский*, цитир, работа, стр. 540 — 541.

В первой половине XIX в. в ханствах наблюдался некоторый экономический прогресс, который был вызван прежде всего усилением экономических связей с Россией. Это прежде всего процесс расширения мелких местных рынков. Однако сложения местных рынков в единый национальный рынок еще не произошло.

Образование внутреннего национального рынка тормозилось слабым развитием товарно-денежных отношений, территориального разделения труда, специализации отдельных районов в производстве рыночного продукта.

Развитие ремесленного производства и образование промышленных центров служило предпосылкой создания единого среднеазиатского рынка; между отдельными рынками, поставлявшими сельскохозяйственную или ремесленную продукцию, устанавливались постоянные связи.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ХАНСТВ

Для завершения нашего краткого очерка о состоянии экономики среднеазиатских ханств до их присоединения к России следует охарактеризовать торговые отношения между ханствами и другими государствами, то есть их внешнюю торговлю в то время.

Среднеазиатские ханства накануне их присоединения к России находились в тесной торговой связи с Россией и с соседними государствами — Персией, Афганистаном, Индией и Китаем. Ведущее место во внешней торговле ханства занимала Россия, причем в торговле с нею первое место принадлежит Бухарскому ханству. Главными предметами вывоза из Бухары в Россию являлись хлопчатобумажные изделия, сушеные фрукты, крашеный шелк, натуральные краски[1].

Из России в Бухару ввозились главным образом ситец, коленкор, шелковые ткани, сукна, кожи, металл (чугун и железо).

Путешественник Н. Ханыков определял объем бухарской торговли с Россией в этот период суммой в 3—4 млн. руб[2].

Торговля Коканда с Россией почти аналогична торговле с Бухарой. Главными предметами вывоза из ханств

[1] *Н. Ханыков.* Описание Бухарского ханства. Спб, 1843, стр. 171.
[1] Там же.

являются: хлопчатобумажная пряжа, хлопчатобумажные изделия, шерсть, шелк-сырец, кожи и фрукты. Из России ввозились в оба ханства преимущественно фабрикаты: мануфактура, металлические изделия, а также чай, сахар, керосин.

С начала XIX века торговые связи ханств с Россией усиливаются. По данным Е. В. Бунакова[1], за десятилетие с 1787 по 1796 г. стоимость товаров, ввозившихся в Россию из Бухары, возросла с 379 тыс. до 489 тыс. руб. Сумма товарооборота с Хивой увеличилась за те же годы (1787—1796) с 8 тыс. до 51 тыс. руб. Из России (с 1787 по 1796 г.) вывозилось в ханство товаров на сумму:

в 1801—1807 гг. 2 млн. 071 тыс. руб.
в 1824—1827 гг. 5 млн. 752 тыс. руб.

Из России в Хиву и Бухару ввозилось товаров:

в 1804—1807 гг. на 988 тыс. рублей,
в 1824—1827 гг. на 4 млн. 398 тыс. рублей.

Главными предметами ввоза в Россию из Туркестана были хлопок-сырец, хлопковая пряжа, хлопчатобумажные ткани, кашемировые шали, мерлушка, фрукты. Вывозились из России золотые и серебряные монеты, краски, пушнина, медь, имевшая большой спрос в кустарной промышленности, изделия из чугуна и железа.

Как видно из приведенных данных, во внешнеторговом товарообороте вывоз из среднеазиатских ханств в Россию преобладал над ввозом, главными предметами вывоза являлись хлопок и хлопчатобумажные изделия.

Вторая четверть XIX века характеризуется дальнейшим ростом торговых связей среднеазиатских ханств с Россией.

В 30-х гг. XIX в. стоимость ежегодного вывоза из Средней Азии в Россию составила 2,5 млн. руб., стоимость ввоза — 2 млн. руб., а в середине XIX в. соответственно — около 4 млн. руб. и 3 млн. руб. Главной статьей вывоза в Россию был хлопок и хлопчатобумажные изделия. Преимущественный вывоз пряжи объясняется отсутствием в

[1] *Е. В. Бунаков.* К вопросу о сношениях России со среднеазиатскими ханствами в XIX в. Советское востоковедение, т. II, М.— Л., 1941.

России бумагопрядильных фабрик при наличии нескольких десятков бумаготкацких предприятий.

В этот период значительно увеличивается ввоз из России готовых изделий, особенно текстильных, что является прямым результатом развития текстильной промышленности России. Вместе с тем развитие российской текстильной промышленности привело к резкому увеличению ввоза среднеазиатского хлопка:

в 1821—1825 гг. ввозилось		70	тыс. пудов	хлопка
„ 1826—1830 „	„	130	„	„
„ 1831—1835 „	„	149	„	„
„ 1836—1840 „	„	320	„	„ [1]

Кроме торговли с Россией, среднеазиатские ханства вели торговлю с Китаем, Ираном и Афганистаном. Главными предметами ввоза из Китая (Кашгар и Илийская провинция) в ханства были грубые бумажные ткани, чай, скот, в частности лошади.

В Китай транзитом через ханства вывозились преимущественно русские товары: сахар, металлы, керосин, спички, бумажные ткани и др.

Второе после Китая место в торговле ханств занимала Персия, из которой привозились главным образом бумажные и шелковые изделия и английские товары — ситец, коленкор и т. п. Главными предметами вывоза из Бухары были мерлушка и хлопчатая бумага.

Оживленный товарообмен совершался между городами и земледельческими районами Средней Азии, с одной стороны, и кочевыми районами, — с другой. Предметами товарооборота служили: из степной области — шерсть, шкуры, сало, скот, а из земледельческих районов и городов — хлеб, мануфактурные, металлические и иные изделия.

В XVIII веке, и особенно в середине XIX века, т. е. накануне присоединения Средней Азии к России, в среднеазиатских ханствах вошел в острую стадию кризис феодализма, выразившийся в усилении междоусобных войн и феодальных мятежей, парализовавших всю хозяйственную и культурную жизнь страны.

Кризис феодальной системы сопровождался углублением феодального произвола и эксплуатации дехканских масс,

[1] *Е. В. Бунаков*, цитиров. работа, стр. 14—18.

ярким примером чего является широкое распространение в Бухарском ханстве в первой половине XIX века института «танхо», т. е передачи целых кишлаков служилым элементам (амальдарам) для взимания налогов с населения этих кишлаков. В хивинском ханстве происходил массовый захват крестьянских земель феодалами.

Наконец, кризис феодализма привел к усилению деспотического нарушения ханами, эмирами, беками и другими правителями права собственности городского населения, что выразилось в конфискации имущества, во введении специальных тягостных поборов (аминана в Бухаре и др.).

К середине XIX в. отчетливо обозначилась угроза вторжения в Среднюю Азию с целью завоевания ханств со стороны империалистических держав Запада и деспотических государств Востока.

Безудержная эксплуатация и рабское положение трудящихся масс, разорение арендаторских хозяйств — все это приводило к разрушению производительных сил страны, к застойному положению экономики.

Преодоление начавшегося в Средней Азии кризиса феодализма не могло произойти путем антифеодальной, буржуазной революции, как это происходило в Европе, так как для этого внутри страны к середине XIX века еще не созрели необходимые силы; в XIX веке в недрах феодального общества Средней Азии не создалось еще ни материальных, ни социальных предпосылок для развития капиталистических отношений и, следовательно, для буржуазной революции.

В этих условиях закономерным выходом для среднеазиатских ханств было усиление торгово-экономических и культурно-политических связей с Россией, имевших наиболее благоприятное влияние на хозяйственное и культурное развитие Средней Азии. Соответственно этому торговые и экономические сношения Средней Азии с Россией приобретают широкий размах именно к середине XIX века и, с другой стороны, именно в этот период Средняя Азия приобретает особое значение для России как важнейший район российской торговли.

Сказанным определяется состояние и условия развития экономики в среднеазиатских ханствах накануне их присоединения к России.

Попытаемся суммировать и обобщить приведенный материал и вывести определенные заключения.

Рассмотренные нами земельные отношения в среднеазиатских ханствах накануне завоевания их царской Россией указывают на феодальный характер экономического строя ханств, сохранившего в них пережитки патриархально-родовых отношений.

В основе феодальных отношений в ханствах лежала полная собственность феодалов на землю и неполная собственность непосредственных производителей — крепостных дехкан, арендаторов-издольщиков и мелких полузависимых производителей.

Материалы архива хивинских ханов проливают новый свет на вопрос о характере землевладения в ханствах, позволяя сделать вывод, что в течение XIX века шли параллельно процесс образования и развития крупного землевладения, с одной стороны, и процесс обезземеливания и образования слоя безземельных крестьян — биватанов и батраков, с другой.

Признание мусульманским правом верховной собственности государства на землю оказалось номинальным. На практике наследственное владение землей, с правом аренды и купли-продажи земли, привело к образованию фактической частной земельной собственности. Этот процесс особенно усилился в течение XIX века, результатом его и явилось образование крупного землевладения и слоя безземельных крестьян, хотя господствующей формой в сельском хозяйстве оставалось мелко-крестьянское хозяйство. Основной формой крестьянского землевладения была подворно-участковая, хотя имели место и пережитки общинного землевладения, вроде «пайкала»[1].

В сельском хозяйстве ханств накануне присоединения их к России господствовали докапиталистические формы присвоения прибавочного продукта; капиталистические формы присвоения прибавочного труда сколько-нибудь значительного развития не нашли, хотя к концу рассматриваемого периода уже применялся наемный труд и развивались товарно-денежные отношения.

Земледелие ханств того времени—интенсивное, орошаемое, с преобладанием в земледельческом балансе зерновых культур. Хлопководство в экономике ханств занимало

[1] «Пайкал», как пережиток общинного землевладения, встречался в таких отсталых районах Бухарского ханства, как Кашка-Дарья.

второстепенное место; край еще не специализировался как хлопковый район.

В силу слабого развития территориального разделения труда и специализации отдельных районов на производстве рыночного продукта процесс образования единого национального рынка оказался незавершенным. Отсутствовали крупные экономические центры, вокруг которых могло бы произойти объединение всех среднеазиатских земель в единое централизованное государство, что тормозило и общий процесс национальной консолидации среднеазиатских народов.

Основной формой промышленного производства в ханствах являлось кустарно-ремесленное производство феодального типа с присущей ему цеховой организацией. При этом имелась в зачатке и мануфактура. Ремесленное производство получило довольно широкое развитие и отличалось многообразием производимых изделий, причем такие отрасли ремесленного производства, как производство ковров, шелковых изделий, медной посуды, натуральных красок, резьба по дереву и восточная мозаика в архитектуре, получили мировое признание.

Среднеазиатские ханства вели оживленную торговлю с Китаем, Ираном, Афганистаном и Россией. Главными предметами экспорта из ханств были хлопок-сырец, хлопчатобумажные ткани и фрукты.

В торговле среднеазиатских ханств с Россией до начала XIX века экспорт преобладал над импортом — свидетельство того, что Средняя Азия в этот период не могла служить важным рынком сбыта русских товаров.

С конца XVIII — начала XIX века Средняя Азия рассматривалась царской Россией как район возможного расширения русской торговли и подчинения его интересам внутреннего развития России. Установление тесных экономических связей с Россией впоследствии оказало благоприятное влияние на экономическое развитие Средней Азии.

08-2с

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ
(вторая половина XIX века — начало первой мировой войны)

ИСТОКИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ТОРГОВЫХ СНОШЕНИЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ С РОССИЕЙ (XVI—XIX вв.)

Исторические корни торговых и иных экономических связей народов Средней Азии с русским народом относятся к глубокой древности. Самые ранние указания на эти связи мы встречаем в арабской литературе второй половины IX века, в частности в работах арабского историка Абдул-Касым Убеид-Аллаха, более известного под именем Ибн Хардаб-беги.

Первые сведения о походе русских князей на южное побережье Каспийского моря и Табристан даются персидскими писателями и относятся к 860—880 годам.

У известных историков Востока — Абдул-Хасан-Али, прозванного Аль-Масуди (вторая четверть X века) и Ибн-Эль-Эсир Джезери (первая половина XIII века) — имеются обстоятельные описания двух походов, предпринятых русскими князьями в первой половине X века. Оба эти похода имели конечной целью «приобретение добычи в богатых и торговых странах юго-западного Каспийского побережья»[1].

О первом походе Масуди рассказывает следующее: «В 913—914 годах русские, числом до 50 тысяч, на 500 судах вышли из Черного моря в Азовское море и, испросив себе разрешения у хозарского хокана перейти через его владения, поднялись вверх по Дону, затем перетащили свои лодки волоком к Волге и по этой реке,

[1] *Ф. И. Лобысевич.* Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношении. Спб, 1900.

мимо хазарской столицы Итилы, спустились в Каспийское море».

В. В. Бартольд указывает, что возникновение торговых сношений между Россией и Востоком относится к VII — VIII векам, о чем свидетельствуют не только письменные указания, но и вещественные следы этих отношений в виде многочисленных кладов восточных монет, найденных в пределах России.

На наличие этих древних связей указывает и Б. Д. Греков: «Между народами Средней Азии и Русью издавна установились разнообразные сношения. В степях Приазовья и Причерноморья беспрерывно появлялись азиатские скотоводы-кочевники, с которыми Русь то воевала, то мирилась, выступала в совместных походах, заключала соглашения о дружбе, отводя им для поселения свои земли, и в постоянном общении некоторых из них превращала в своих граждан. Между странами Востока и народами Восточно-Европейской равнины до самых берегов Балтики, особенно во время существования арабского халифата, по Волге установились оживленная торговля и культурное общение»[1].

Историческая наука располагает многочисленными данными о торговых отношениях Руси с главным городом Хорезма Гурганчи (ныне Ургенч) в XI—XII веках, об усилении торговых отношений после покорения Казанского (1552 г.) и Астраханского (1554 г.) ханств.

Подробные сведения о связях между Московским государством и Средней Азией относятся к XVI и первой половине XVII века, о чем свидетельствует Грамота хивинского посла в Москве 1643 года, где говорится: «С каждым годом приезжают из русской земли, из Ходж-Тархана (Астрахань) по 40 и 50 русских купцов... Они если хотят, то ведут торговлю в Ургенче, а если хотят, то проезжают через наш Ургенчский вилайет в Бухару; если хотят, то едут в Балх и пребывают там по два и по три года»[2].

В целях покровительства русской торговле, начиная с первой половины и до конца XVII века, между Москвой и Средней Азией происходит частый обмен торгово-дипломатическими посольствами. В течение XVII века бухарские и хивинские посольства посещали Москву 16 раз,

[1] *Б. Д. Греков.* Киевская Русь. М. — Л,. 1944, стр. 248.
[2] История народов Узбекистана, т. II, 1947, стр. 107.

а русские послы за это время посетили Хиву и Бухару 9 раз. Русским послам вменялось в обязанность обеспечить льготные условия и свободную торговлю для русских купцов, заботиться об освобождении находившихся там в неволе русских подданных, а также «собирать сведения о политическом, экономическом и военном положении посещаемых ими стран и о путях, ведущих в другие соседние владения»[1].

Русские цари, боярство и купцы были заинтересованы главным образом в вывозе из Средней Азии и других стран Востока ценных восточных товаров, шелковых тканей, ковров, драгоценных камней, предметов восточного художественного ремесла.

Во время царствования Ивана Грозного путешественник Антонин Дженкинсон был отправлен в 1558—1559 гг. в Хиву, Бухару и Иран, в качестве официального посла от Англии и России, для переговоров о свободной торговле в среднеазиатских ханствах, о льготном обложении ввозимых туда русских и английских товаров.

В 1620 г. царь Михаил Федорович отправил послом к Бухарскому хану Имамкули дворянина Ивана Хохлова.

В 1669 г. царь Алексей Михайлович отправил к Хивинскому хану посольство во главе с Иваном Федотьевым и Матвеем Муромцевым.

Федотьев, с разрешения хана, объехал важнейшие торговые города и убедился в слабом развитии местной промышленности. В донесении своем он писал, что «от торговли с Хивой Российского государства торговым людям большие прибыли и пожитков не чаять»[2].

Шесть лет спустя Алексей Михайлович шлет в Бухару к Абдулазиз-хану нового посла — Василия Даудова.

Хива и Бухара также стремились установить торговые отношения с Россией и посылали туда своих послов. Бухарский хан Искандер и хивинский хан Хаджи-Мухамед присылали в течение 1563—1569 гг. в Москву царю Ивану Грозному дары, чтобы он позволил их подданным торговать не только в Астрахани, но и в других городах России.

[1] *В. Григорьев.* Русская политика в отношении к Средней Азии. Исторический очерк. Сборник государственных знаний, т. 1, Спб., 1874, стр. 239.
[2] *Я. В. Ханыков.* Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями. Записки Русского географического общества, 1851, т. 5.

В 1566 г. в Москву прибыл посол от хивинского хана Ходжи-Мухамеда с просьбой разрешить хивинским купцам торговлю с Россией. Просьба была удовлетворена и послы получили от Ивана Грозного соответствующую грамоту.

С воцарением на русском престоле Романовых сношения со Средней Азией приобретают более постоянный характер.

В 1616 г. в Москву приезжал Ходжа-Юсуф — посол ургенчского (хивинского) хана Араб-Мухамеда, который изъявил желание установить дружбу и торговые сношения с Россией. В своем ответе царь Михаил Федорович писал, что он согласен на то, чтобы хивинские купцы приезжали по-прежнему на Кабалы-Кленскую пристань, «куда будут посланы бусы» для перевозки их с товарами в Астрахань, а оттуда, по Волге, и в другие русские города.

Перечислить все посольства, направленные обеими сторонами, нет смысла; достаточно сказать, что с 1557 г. до начала царствования Петра I (1682 г.) обе стороны 36 раз обменялись послами, что является ярким свидетельством явного стремления обеих сторон — среднеазиатских ханств и России — к развитию торговых и дипломатических отношений.

Петр I, подобно своим предшественникам, стремился укрепить торговые отношения и утвердить господство России над среднеазиатскими ханствами. Признав важность торгового и политического значения для России Каспийского моря, Петр Первый задался целью утвердить на нем русское господство — путем расширения торговых связей своих подданных (без иностранного посредничества) с цветущими областями Закавказья и Персии, Средней Азии и, в особенности, с богатой Индией[1].

В конце 1713 г. через Астрахань в Петербург прибыл туркмен Ходжи-Нефес, который сообщил, что «в стране, прилегающей к Аму-Дарье, вымывается золотой песок, что река эта прежде текла в Каспийское море, но из боязни русских отведена хивинскими узбеками в Аральское море, и что, разрушив плотину, загораживающую прежнее течение реки, можно обратить ее в старое русло, к чему мангышлакские туркмены готовы оказывать содействие»[2].

1 *Ф. И. Лобысевич*, указанн. работа, стр. 20.

2 *А. Попов*. Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом. Спб, 1853, стр. 2.

Петр I, стремясь через Среднюю Азию проникнуть в Индию, интересовался положением среднеазиатских ханств. Чтобы получить о них определенные сведения, был организован ряд экспедиций. Указом 22 мая 1714 г. была снаряжена военная экспедиция Бухгольца в город Яркенд, но экспедиция не достигла цели ввиду сопротивления калмыков; на обратном пути экспедиция заложила крепость на р. Иртыше (1717 г.).

В том же году князь Гагарин (оренбургский губернатор) снарядил новый отряд под начальством подполковника Ступина, который и утвердился при Ямышевом озере, устроив там укрепление. В следующем же году была заложена Семипалатинская крепость; в 1719—20 гг. инженер-майор Лихарев поднялся с отрядом по Иртышу в Зайсанские озера и на обратном пути заложил Усть-Каменогорскую крепость. Эти крепости явились позднее опорными пунктами продвижения русских войск в Среднюю Азию.

В 1714 г. Указом от 29 мая была снаряжена экспедиция в Хиву под начальством князя Бековича-Черкасского, пользовавшегося особым доверием Петра I. Поводом для этой экспедиции послужили сведения о р. Аму-Дарье и золотоносных приисках вблизи г. Яркенда, доставленные хивинскими послами Нефесом и Аржубеком.

В Инструкции, составленной из 13 пунктов, данной Бековичу-Черкасскому и подписанной Петром I 14 февраля 1716 г., была определена задача экспедиции:

«У прежнего устья реки Аму в Каспийское море построить крепость на тысячу человек и затем отправиться к хивинскому хану, следуя вдоль течения реки, чтобы осмотреть имеющиеся на ней плотины и, если окажется возможным обратить оную воду реки в старый ток, заперев устья в Аральское море, то стараться выбрать удобное место на настоящей Аму-Дарье, где-либо вблизи плотины и заложить там другую крепость. Хана Хивинского попытаться склонить к верности и подданству, обещая ему наследственность во владении ханством, для чего предложить ему гвардию из русских с тем, чтобы он за то действовал в пользу наших интересов. В случае согласия на эти предложения просить его послать своих людей, с двумя русскими, вверх по Сыр-Дарье до Иркета, для осмотрения золота»[1].

1 *Ф. И. Лобысевич*, указанн. работа, стр. 25.

Экспедиция Бековича-Черкасского также не имела успеха. По предложению Хивинского хана, которому Бекович-Черкасский доверился, отряд его был разделен на несколько частей, размещенных по отдельным городам, где они были затем уничтожены внезапным нападением хивинцев.

Провал экспедиции Бековича-Черкасского не заставил Петра I отказаться от мысли упрочить тем или иным путем русское влияние в Средней Азии и установить торговые связи с Индией. Воспользовавшись приездом в Петербург посланца Кулибек-хана Бухарского Абдуль-Файзи, которому было поручено просить русского царя о поддержании торговых отношений и присылке посла в Бухару, Петр I решил отправить послом Флорио Беневени, дав ему инструкцию (1718 г.):

«Тщательно замечать на пути все города и поселения, крепости и пристани, какие реки впадают в Каспийское море, сколько у Бухарского хана войск и оружия и в каком состоянии они находятся..., разведывать, в каких отношениях находится Бухара к соседним азиатским владетелям и к Турции, силен ли хан подданными с ними, не нужна ли ему помощь русского царя». Беневени особенно поручалось «разузнать, какими способами и путями расширить русскую торговлю с дальним краем Востока, есть-ли в хивинских владениях золото и сколько, чтобы добывать его, стоило ли выстроить там крепость, а также не будет ли это противно бухарцам».

Экспедиции и посольства царского правительства в Среднюю Азию вызвали ответные ханские посольства в Россию и способствовали значительному развитию торговых и дипломатических отношений.

Несмотря на неопределенность международно-правовых отношений между Россией и Средней Азией, торговые связи между ними все же развивались и притом настолько быстро, что за последнюю четверть XVIII века они выросли в 4 раза, а до начала 40-х годов XIX века — еще более. Развитие товарооборота в торговле России со Средней Азией отражается в табл. 1.

Однако рост общего объема торговли шел неравномерно. В частности, начиная с 1840 и вплоть до 1861 г., общий объем товарооборота упал по сравнению с концом 1830 г. примерно в три раза. Причиной такого упадка торговли явились успехи в Средней Азии английской торговли,

Таблица 1

Годы	Привоз в Россию (в рублях)	Отпуск из России (в рублях)	Общий рост товарооборота по отношению к тов-ту 1773—1777 годов, принятому за единицу
1773—1777	214 794	206 136	1
1793—1797	1 547 069	1 579 445	8
1804—1807	2 071 564	987 974	7
1812—1815	4 071 564	3 582 881	19
1820—1823	5 381 155	3 763 705	23
1824—1827	5 759 252	4 389 705	25
1828—1831	6 267 414	5 889 646	30*
1838	7 872 399	6 041 074	34
1840	2 914 026	2 345 583	13
1841	3 825 886	2 738 724	16
1842	3 128 332	2 308 944	13
1843	3 054 565	2 114 229	13
1844	2 460 160	2 495 712	12
1851	3 520 113	2 746 322	16
1861	8 371 795	5 882 335	36**

* *М. Терентьев.* Россия и Англия в борьбе за рынки. Спб., 1876, стр. 26.
** Там же, стр. 28.

которой способствовал беспошлинный вывоз заграницу золотой, серебряной и платиновой монет русской чеканки[1], вследствие чего среднеазиатские купцы, привозя товары в Россию, не покупали на вырученные деньги русских товаров, а предпочитали вывозить монету, за которую в Средней Азии можно было купить английские товары сравнительно лучшего качества.

[1] О количестве золота и серебра, вывезенного в Среднюю Азию, можно судить по следующим данным, приводимым Терентьевым (см. цитиров. работу этого автора, стр. 29—30):

Годы	Вывоз в рублях	Привоз в рублях
1855	4 825 296	110 075
1857	5 745 223	196 952
1858	4 769 137	133 962
1859	4 893 009	151 173
1860	3 329 029	82 494
1861	4 038 391	171 154
1862	7 092 279	177 665
1863	11 220 128	208 319

Со второй половины XIX в., т. е. после реформы 1861 г., давшей сильный толчок развитию капитализма в России, вывоз промышленных товаров из России в Среднюю Азию усилился. Достаточно сказать, что если в 1849 г. из России было вывезено в Среднюю Азию товаров только на сумму 2 млн. 742 тыс. 820 р., то в 1862 г. — вывоз товаров в Среднюю Азию выразился уже в сумме 16 млн. 634 тыс. 396 р. Русские промышленники стали проявлять большой интерес к Средней Азии—новому району сбыта и источнику сырья.

Сравнительно быстрое развитие капитализма в России толкало царизм к захвату новых территорий и, в первую очередь, Средней Азии, географически благоприятно расположенной по отношению к русским владениям.

Узкий внутренний рынок России не мог удовлетворить запросы промышленности, получившей в пореформенный период быстрое развитие. В. И. Ленин подчеркивал, что «Россия находится в особенно выгодных условиях сравнительно с другими капиталистическими странами вследствие обилия свободных и доступных колонизации земель на ее окраинах»[1].

К середине XIX в. среднеазиатские ханства стали политически сильно ослабевать. Они переживали глубокое внутреннее разложение вследствие усилившихся и разорявших их феодальных столкновений, что облегчило проникновение в Среднюю Азию русского капитализма.

В этих условиях военно-политического упадка среднеазиатских ханств и усилившейся экспансии зарождавшегося промышленного капитализма в России и было начато активное продвижение империи в Среднюю Азию. Важной предпосылкой этого вторжения было окончательное завоевание царской Россией казахских степей, строительство там укрепленных линий, которые и послужили потом опорными базами для наступления в собственно Среднюю Азию.

Таким образом, присоединение Средней Азии к России было подготовлено конкретными условиями исторического развития. Оно имело, как мы увидим далее, прогрессивное значение с точки зрения дальнейших исторических судеб народов Средней Азии.

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 522.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

До последнего времени буржуазные националисты и некоторые историки рассматривали присоединение Средней Азии к России только как насильственный акт, приведший к установлению колониального гнета и разорению страны. Они в самых мрачных красках изображали социально-экономические последствия присоединения отсталых стран к России. К сожалению, и в советской исторической литературе присоединение Средней Азии к России долгое время изображалось так, будто русские принесли сюда только гнет и разорение. Такая тенденциозная, по меньшей мере узкая, оценка этого исторического факта была характерна для слепого национализма и шовинизма, отождествлявших царизм и русский народ, не желавших видеть разницы между самодержавной и революционной Россией. Их идеологи за политикой русского царизма не видели демократического движения, не видели борьбы народных масс России во главе с рабочим классом против социального и национально-колониального гнета. Они не понимали того, что с присоединением Средней Азии к России у народов Туркестана появился могучий союзник в лице русского рабочего класса, возглавившего борьбу за уничтожение самодержавного строя, за социальное и национальное освобождение всех народов России.

Буржуазные националисты, не говоря уже об апологетах пантюркизма, не видели этого могучего движения народной России и слепо отрицали прогрессивное значение присоединения, стремясь лишь разжечь национальную вражду между русским народом и народами Средней Азии, посеять у последних недоверие к великому русскому народу. Но история разбила их реакционные иллюзии, доказав, что присоединение Средней Азии к России положительно сказалось на экономической, политической и духовной жизни среднеазиатских народов, было важной исторической вехой в жизни этих народов и имело прогрессивное значение для их будущего. Источником благотворного влияния революционной России на развитие Средней Азии было социальное и культурное общение народов Средней Азии с русским народом и влияние последнего, ставшее стимулом для развития у среднеазиатских народов национально-освободительного движения. Общение это

создало условия, вызвавшие совместную борьбу русского рабочего класса и трудящихся угнетенных национальностей против общего врага — царизма.

Политическое пробуждение угнетенных народов России началось под непосредственным влиянием русского революционного рабочего движения. Из России проникали в колониальные окраины прогрессивные идеи великих русских революционных демократов — Герцена, Белинского, Добролюбова, Чернышевского, позднее здесь стала распространяться социал-демократическая, марксистско-ленинская политическая мысль.

Под непосредственным влиянием революционной России и социалистического движения в России в Туркестанском крае зародилось и формировалось революционно-демократическое и социалистическое движение. Русские рабочие и русские коммунисты (большевики), работавшие в Средней Азии, оказали колоссальное влияние на рост политического самосознания местного пролетариата и трудящихся масс, возглавив революционную борьбу против царизма и против империализма в Туркестане.

В советской исторической литературе долгое время имела хождение ошибочная теория, согласно которой присоединение отсталых стран к России якобы было «наименьшим злом». «Теория» эта не могла быть принята. Она отвергнута, признана ненаучной, так как в основе ее лежит оторванное от конкретных социально-исторических условий, узкое, абстрактно-политическое, т. е чисто механическое определение, при совершенном отсутствии историко-диалектического подхода и анализа совершившегося исторического процесса. Применение же последнего к сложному историческому комплексу, обусловившему присоединение, приводит к пониманию, что присоединение отсталых народов Средней Азии к России было закономерным итогом всей предшествующей истории отношений и экономических связей Средней Азии с Россией, что присоединение Средней Азии к России было не «наименьшим злом», а закономерным решением создавшейся исторической альтернативы—решением, обусловившим выход народов Средней Азии в последующую новую, социалистическую эпоху, открытую Октябрем 1917 г., на широкую дорогу исторического развития.

Объективно-прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России вытекало не только из той сложной внеш-

ней обстановки, при которой еще не вполне сложившимся узбекским государствам грозила опасность полного порабощения империалистическими державами Европы и феодальными государствами Востока, но и из внутренних условий развития ханств (феодальные раздоры, государственная раздробленность ханств и политическая отсталость страны, рабские условия жизни трудящихся масс и т. д.).

В течение всего XVIII в. и в первой половине XIX в. в среднеазиатских ханствах продолжало безраздельно господствовать феодальное натуральное хозяйство. Экономическое развитие края носило застойный характер. Товарно-денежные отношения были мало развиты. Территориальное экономическое разделение труда едва намечалось и далеко не было еще условий для концентрации небольших местных рынков в единый национальный рынок.

Раздробленность страны сказывалась на ее экономике и развитии производительных сил. Узбекский народ не жил общей экономической жизнью. В самих ханствах во второй половине XVIII в. и в первой половине XIX в. для создания сильной централизованной власти не было экономических и социальных предпосылок. Рабское положение трудовых масс, подвергавшихся чудовищной эксплуатации феодалов, ханов, эмиров, усиливало политическую неустойчивость узбекских ханств. Ко всему этому, к концу XVIII века и в середине XIX века феодальные ханства оказались в состоянии тяжелого социально-экономического кризиса (кризис феодализма), им угрожали крупные державы Европы и Азии. Особенно сильной была угроза порабощения страны английским и германским империализмом, а также шахским Ираном и султанской Турцией.

Узбекские ханства в этих условиях не могли собственными усилиями преодолеть этот кризис. Средняя Азия была присоединена к России в результате завоевания, но последствия присоединения оказались неоценимы для исторической судьбы среднеазиатских народов.

Присоединение Средней Азии к России, несмотря на колониальный гнет, объективно отвечало жизненным интересам узбекского народа и было избавлением его от возможного английского порабощения, в котором и посейчас находятся некоторые народы Азии и Африки. Наиболее передовые представители народов Средней Азии (Фуркат, Мукими, Абай, Ахмад Дониш, С. Айни и другие)

понимали это и отразили в своих произведениях, дав этому факту положительную оценку.

Выдающийся узбекский поэт-демократ Фуркат в своих произведениях выразил чувства признательности и благодарности русскому народу за его достижения в области науки и культуры и свою радость от сознания, что прогрессивное развитие узбекского народа будет отныне протекать под благотворным влиянием великой народолюбивой литературы русского народа.

Присоединение Средней Азии к России принесло с собой значительные для ее народов перемены. Было отменено рабство в Бухарском ханстве, прекратились феодальные раздоры и междоусобицы, был положен конец феодальной раздробленности. На присоединенной к России территории Туркестана было образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Сохранившиеся особо Бухарское и Хивинское ханства и политически, и экономически были на деле также подчинены России и включены в сферу воздействия русского капитализма. Существование вассальных ханств обусловливалось главным образом внешне-политическими соображениями, т. е. англо-русскими противоречиями в Средней Азии.

Все эти социально-политические изменения создали в колониальный период предпосылки для политической и экономической консолидации узбекского народа, процесс которой был полностью завершен лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

В результате присоединения Средней Азии к России произошли серьезные изменения и в общих социальных условиях и в экономической жизни народов Средней Азии и Казахстана. Царизм, который не только не стремился развивать, а тормозил развитие производительных сил Средней Азии, все же не мог задержать закономерного хода исторического развития самой капиталистической России, которая оказывала уже свое влияние на экономическое развитие ставшего частью страны Туркестана.

Присоединение к России создавало возможности для развития в Средней Азии более передовых форм хозяйства и общественных отношений. Оно повлекло за собой серьезные изменения в экономике, общественном строе, развитие капиталистических отношений, значительное ограничение патриархально-феодальных отношений, развитие торгового земледелия, специализацию края на производстве

рыночного продукта — хлопка — и создание тем самым в Средней Азии основного хлопководческого района, втягивание края в мировое товарно-денежное обращение.

Став частью Российской Империи, Средняя Азия во второй половине XIX в. и в особенности в начале XX века была, таким образом, вовлечена в русло капиталистического развития. Прежней экономической замкнутости пришел конец. Между Средней Азией и Россией установились прочные экономические связи.

Присоединение Средней Азии к России дало значительный толчок развитию производительных сил края, вызвало рост промышленного производства, связанного с переработкой хлопка, т. е. хлопкоочистительной, маслобойной и мыловаренной отраслей производства. Это было одностороннее развитие производительных сил края, целиком подчиненное интересам экономики метрополии и носившее чисто колониальный характер: развивались лишь те отрасли промышленности, которые занимались первичной переработкой колониального сельскохозяйственного сырья.

По данным промышленного обследования 1908 г., в Туркестане насчитывалось тогда 204 хлопкоочистительных завода (из общего числа 220 по всей России), дававших 6 млн. 865 тыс. пудов хлопкового волокна, 9 тыс. 900 пудов линтера и 12 млн. 158 тыс. пудов остатков и отбросов. Новые заводы технически были оснащены сравнительно лучше, чем старые полукустарные заводики мануфактурного типа по очистке сырца: на старых заводах использовалась почти исключительно энергия воды, на новых заводах она была заменена паровыми двигателями и двигателями внутреннего сгорания.

В 1916 г. в Туркестанском крае насчитывалось 706 промышленных предприятий (хлопкоочистительные, маслобойные, мыловаренные заводы, мельницы, коконосушилки винодельческие, кожевенные и другие заводы), валовая продукция которых оценивалась в 131 млн. 201 тыс. рублей, мощность механических двигателей равнялась 22 тыс. 020 л. с. Основной отраслью туркестанской промышленности была хлопкоочистительная промышленность, дававшая на сумму около 111 млн. рублей продукции, составлявшей 85% всей промышленной продукции Туркестана.

С развитием промышленности в крае возникли новые города, появился промышленный пролетариат. В 1914 г. число рабочих в обрабатывающей промышленности составило 21 тыс. 063 человека, не считая железнодорожных рабочих, рабочих горнодобывающей промышленности, рабочих типографий и ташкентского трамвая. Общее число рабочих всех отраслей промышленности достигало около 60 тыс. человек. Промышленный пролетариат был малочисленным, но он, как показало развитие колониальной истории, сыграл в дальнейшем ведущую революционную роль, составив основную революционную силу, возглавлявшую революционно-освободительную борьбу трудовых масс Средней Азии.

Постройка Закаспийской (1881—1886 гг.), а потом и Оренбург-Ташкентской железных дорог имело немалое значение в проникновении русского капитализма вглубь Средней Азии, способствовала расширению связей края с центральными районами России, усилению проникновения в Среднюю Азию товаров из промышленных районов империи, превращению ее во внутренний рынок метрополии.

Благодаря новым железным дорогам, торговля с Россией увеличивалась, покончив с замкнутостью местных рынков Средней Азии.

В 1888 г. только из Закаспийской области было вывезено в Россию товаров на 464 493 руб., а ввезено в область товаров на 9 млн. 107 тыс. 121 руб.

В 1889 г., т. е. через год после постройки Закаспийской железной дороги, уже было вывезено из Закаспийской области товаров на сумму 3 млн. 600 тыс. рублей, а ввезено товаров в область на сумму 6 млн. рублей.

Развитие промышленных предприятий на месте и в особенности ввоз промышленных изделий из метрополии вытесняли местные кустарные изделия: сократились кустарная очистка хлопка, кустарное производство шелка, обработка пряжи, тканей, кож, выделка масла; приходили в упадок и другие отрасли кустарной промышленности. Все эти товары, производившиеся с гораздо меньшими затратами и обходившиеся дешевле на русских фабриках и заводах, в большом количестве вывозились в Среднюю Азию.

С присоединением Средней Азии к России было начато изучение природных условий и природных богатств Средней Азии. Первые русские ученые в Средней Азии

Н. А. Северцов, А. П. Федченко, Н. М. Пржевальский, П. П. Семенов-Тяньшанский, И. В. Мушкетов и многие другие положили начало широкому географическому исследованию края, впервые здесь были начаты геологические исследования и изыскания. Геологические и географические исследования русских ученых в Средней Азии стали впоследствии достоянием мировой науки и обогатили ее научными представлениями о природе, фауне и флоре Средней Азии. Началась промышленная разработка угля в Фергане (Кзыл-Кия, Сулюкта, ст. Ягнак), в Закаспийской области на копях Лянгар около Чимкента, нефти в Фергане и на оз. Челекен.

Пальма первенства в изучении исторического прошлого и культурного наследия народов Средней Азии принадлежит русским историкам-ориенталистам В. В. Бартольду, В.В.Григорьеву, В. Л. Вяткину и др. В своих многочисленных исследованиях они показали какого высокого развития достигли в прошлом самобытная древняя культура, науки и искусства народов Средней Азии. Благодаря работам русских ученых получили широкую известность творения выдающихся представителей среднеазиатской культуры Абу-Али-ибн-Сины, Аль-Бируни, Аль-Фараби, Аль-Хорезми, Улугбека, Алишера Навои и других.

С развитием промышленности и строительством железных дорог в Туркестане возникают новые города — Скобелев (ныне Фергана), Каган, Термез, Красноводск, Пишпек (ныне Фрунзе), Верный (ныне Алма-Ата) и др. Сильно возрастает торгово-промышленное значение древних городов — Ташкента, Коканда, Самарканда, Андижана. Город Коканд становится важным торговым и промышленным центром Ферганской долины, а Ташкент превращается в важнейший политический и культурный центр всей Средней Азии.

С развитием городов и промышленных очагов растет городское население. Появился промышленный пролетариат, численность которого определяется, как указывалось выше, приблизительно в 60 тыс. человек. Из них около 32 тыс. человек были заняты в добывающей и обрабатывающей промышленности и около 30 тыс. — на железнодорожном транспорте и в железнодорожных и механических мастерских.

Города сыграли важную роль в сближении народов Средней Азии с русским народом, в распространении пе-

редовой русской культуры и, наконец, марксистской политической мысли. В городах создавались культурно-просветительные очаги: Ташкентская публичная библиотека — в настоящее время библиотека им. Навои, одна из крупнейших библиотек нашей страны, обладающая богатейшим в мире собранием ценнейших восточных рукописей; Ташкентская астрономическая обсерватория, селекционная станция по хлопчатнику, плодоягодная станция имени Шредера, зоологический и ботанический сады, отделение Русского географического общества и т. д.

Капиталистические отношения пробивали себе дорогу и в сельском хозяйстве, разрушая в значительной мере патриархально-феодальные отношения, преобразуя мелкое натуральное дехканское хозяйство в товарно-денежное хозяйство и делая его зависимым от рынка. Определились экономические районы Туркестана с преобладанием в них определенных отраслей сельского хозяйства, т. е. произошла территориальная специализация сельского хозяйства края на производстве определенного вида товарной, рыночной продукции. Ферганская долина специализировалась как основной хлопковый район, в Самаркандской области наибольшее развитие получило зерновое хозяйство, в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях преимущественное по сравнению с хлебным полеводством получило развитие животноводство. Между этими районами установилась тесная экономическая связь.

Присоединение Средней Азии к России имело прогрессивное значение в смысле толчка для культурного развития ее отсталых народов. Вопреки великодержавно-руссификаторской политике царизма, политике искусственного торможения духовного развития народов, Средняя Азия приобщилась к передовой русской культуре (распространение печати, создание культурных очагов, проникновение передовых революционных идей). Под влиянием русской культуры формировалось творчество узбекских демократических писателей Фурката, Мукими и Хамзы Хаким-заде Ниязи.

Социально-экономические изменения, происшедшие в Туркестане после его включения в состав русского государства, способствовали развитию процесса формирования узбекской буржуазной нации. К Октябрьской социалистической революции узбеки в основном сложились в нацию, хотя они и не достигли высшей ступени национальной

консолидации и им еще предстоял большой путь развития национально-культурного самосознания и самоутверждения.

Молодая узбекская буржуазия и феодально-клерикальные элементы вели в крае шовинистическую пропаганду, насаждая вражду к русским. Буржуазно-националистическая партия — «джадиды»—проповедовала идеи панисламизма и пантюркизма. В своей узко-шовинистической политике она стремилась разжечь в Туркестане национальную злобу, разъединить трудящиеся массы на враждующие национальные группы.

Узбекская националистическая буржуазия и ее вдохновители из партии джадидов стремились отторгнуть Туркестан от России и включить его в химерические «Великую Турецкую империю» или «всемирное» исламистское государство: узбекская националистическая буржуазия выступала как реакционная, антинародная сила.

Несмотря на реакционную, шовинистическую пропаганду буржуазно-националистических и феодально-клерикальных групп, в крае шло неуклонное сближение трудящихся узбеков и русских, между ними устанавливались отношения дружбы и братства. Решающую роль в укреплении дружественных связей между народами сыграл рабочий класс России, боровшийся с самодержавием под знаменем пролетарского интернационализма.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что объективная оценка присоединения Средней Азии к России, как акта большого исторически прогрессивного значения, отнюдь не ведет к смягчению резко отрицательного отношения к колониальному режиму, установленному на территории Туркестана русским царизмом. Всесторонняя оценка присоединения требует, наоборот, рассмотрения во всей полноте тех сторон жизни народов Средней Азии, которые были связаны с положением Туркестана как колонии царской России, как объекта колониальной политики царизма. Положительные результаты присоединения, о которых говорилось выше, обусловливались объективным ходом исторического развития, сказавшимся вопреки колониальной политике царизма, направленной на превращение Туркестана в аграрно-сырьевой придаток метрополии,— политике, серьезно тормозившей экономическое развитие края.

Включение Средней Азии в орбиту капиталистического развития России дало известный толчок росту произво-

дительных сил Туркестана, но не привело к коренным изменениям в способе производства, к коренной ломке общественных отношений. Русский капитализм, поколебав патриархально-феодальные отношения, способствуя значительному усилению товарно-денежных отношений, и не ставил своей задачей всецелое разрушение феодальных отношений и феодальных форм эксплуатации, а стремился, наоборот, приспособить существовавшие феодально-патриархальные отношения к интересам русских капиталистов и помещиков.

Феодальные отношения оставались в стране господствующей формой производственных отношений, но особенно сильны были они в сельском хозяйстве края. И это — несмотря на специализацию сельского хозяйства края по производству товарного продукта и значительное вовлечение дехканских хозяйств в товарно-денежные отношения.

Издольная эксплуатация мелких дехканских хозяйств оказалась более прибыльной и целесообразной формой эксплуатации, чем организация фермерских хозяйств капиталистического типа, основанных на эксплуатации наемного труда. Мелкое парцеллярное дехканское хозяйство оставалось основной формой сельскохозяйственного производства.

Масса разорившихся крестьян в результате «аграрного перенаселения» частью уходила в города в качестве рабочих, батраков, мардикеров, а значительная часть оставалась в сельском хозяйстве в качестве издольщиков-арендаторов и попадала в кабалу к феодалам и баям в кишлаке.

Попытки организации хозяйства капиталистического типа, с применением наемной рабочей силы и сельскохозяйственных машин потерпели крах, ибо в условиях наличия громадного количества дешевой рабочей силы чайрикеров (издольщиков), батраков и других полупролетарских элементов деревни плантаторское хозяйство оказывалось непроизводительным. Здесь происходило то, что отмечалось в решениях VI конгресса Коминтерна: «Специфические колониальные формы капиталистической эксплуатации, осуществляемой той же самой английской, французской или какой-либо другой буржуазией, в конечном счете тормозят развитие производительных сил соответствующей колонии... Как общее правило, промышленная обработка колониального сырья не происходит

в самой колонии... происходит в капиталистических странах и, прежде всего, в метрополии. Получаемые прибыли большей частью не расходуются продуктивно, а высасываются из страны, инвестируются либо в метрополии, либо в новых странах экспансии соответствующего империализма. Таким образом, колониальная экспансия по своей основной тенденции действует в направлении задержки развития производительных сил колоний, ограбления естественных богатств и, прежде всего, истощения запаса человеческих производительных сил колониальной страны»[1].

Создав над существовавшей в Туркестане системой патриархально-феодальных отношений надстройку военного и полицейско-чиновничьего аппарата, царизм усилил эксплуатацию местного дехканского населения, а это тормозило хозяйственный и культурный прогресс народов края на пути капиталистического развития. Средняя Азия продолжала оставаться отсталым аграрно-колониальным придатком России, и вследствие этого экономика края развивалась однобоко, уродливо.

В условиях колониального гнета произошел также обрыв местной кустарно-производственной традиции, выразившийся в частности в консервации местной строительной культуры, в упадке производства высококачественных ремесленных изделий (шелк, ковры, резьба по дереву, гончарно-керамическое производство, выделка медной посуды и бумаги).

Утверждение колониального порядка и военной власти в крае вызвали естественное замирание духовной жизни в крае, затишье в некогда широко известной литературной жизни, упадок книгопечатания, художественной росписи. Хотя после присоединения Средней Азии к России передовая демократическая культура великого русского народа оказала влияние на духовную жизнь узбекского народа и на развитие демократической литературы Узбекистана (Фуркати, Мукими, Хамза Хаким-заде), но она не стала достоянием широких масс трудящихся. Царизм всячески душил очаги культуры, проводил политику «руссификации».

---

[1] Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна, вып. 6, М., 1929, стр. 179.

ОБЩИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСНОВНЫЕ ЛИНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЦАРСКОЙ РОССИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Мы видели, что реформы 60-х гг. открыли путь развитию капитализма в России, а завоевание Средней Азии царской Россией явилось конкретным выражением капиталистической колониальной экспансии.

В. И. Ленин в своей книге «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов?», вышедшей в свет в 1894 г., писал: «Нам» (речь идет о русской буржуазии — *А. А.*) плохо, потому что на старых местах «мы» уже дочиста обобрали народ и приходится переходить к индустриальному капиталу, не способному так обогащать, как торговый: так «мы» пойдем на восточные и северные окраины Евр. России, где еще возможно «первоначальное накопление», дающее сотни процентов прибыли, где еще буржуазное разложение крестьянства далеко не завершилось»[1].

В «Развитии капитализма в России» Ленин указывал, что процесс образования рынка для капитализма представляет две стороны: развитие капитализма вглубь, т. е. рост капиталистического земледелия и капиталистической промышленности на данной территории, и развитие капитализма вширь, т. е. его распространение на новые территории[2].

Позднее, в 1899 г., развивая ту же мысль в своей статье «Еще к вопросу о теории реализации», Ленин писал: «В России это последнее стремление капитализма особенно рельефно сказалось и продолжает сказываться на наших окраинах. колонизация которых получила такой громадный толчок в пореформенный, капиталистический период русской истории. Юг и юго-восток Европейской России, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь служат как бы колониями русского капитализма и обеспечивают ему громадное развитие не только вглубь, но и вширь»[3].

Пореформенный период в России характеризуется довольно быстрым развитием капитализма, несмотря на остатки феодально-крепостнических отношений, задерживавшие это развитие. Развитие капитализма наблюдалось

1 *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 293.
2 *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 522.
3 *В. И. Ленин.* Соч., т. 4, стр. 76.

во всех областях хозяйственной и социальной жизни страны.

Крестьянская реформа создала предпосылки для развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Барщинная система, натуральный, замкнутый и самодовлеющий характер помещичьей вотчины были подорваны. Помещичье и крестьянское хозяйство вовлекалось в товарно-денежное обращение. Сельское хозяйство стало приспосабливаться к производству рыночного продукта. Развивается капиталистическое земледелие с широким применением сельскохозяйственных машин и наемной рабочей силы.

Наиболее важным явлением в сельском хозяйстве России после реформы была дифференциация крестьянства, экспроприация и разложение его и образование на этой основе многочисленной армии наемных рабочих. Согласно В. И. Ленину, «земледельческий капитализм впервые подорвал вековой застой нашего сельского хозяйства, дал громадный толчок преобразованию его техники, развитию производительных сил общественного труда. Несколько десятилетий капиталистической «ломки» сделали в этом отношении больше, чем целые века предшествующей истории»[1].

Движение капитализма в России в пореформенный период выражалось в развитии капиталистической промышленности и транспорта, росте городов и промышленных центров. Нарождение новых, капиталистических производственных отношений сопровождалось изменением классовой структуры общества. Рост крупной капиталистической промышленности и промышленного пролетариата в городах, расслоение крестьянства в деревне с образованием кулацкой верхушки, с одной стороны, и деревенских пролетариев и полупролетариев, с другой, образование многочисленной армии наемной рабочей силы расширили емкость внутреннего рынка и способствовали созданию единого национального рынка.

Вместе с тем, по мере развития капитализма все острее становилась проблема внешнего рынка. Но потребность образования внешнего рынка вытекала не из невозможности реализации совокупного общественного продукта ввиду узости внутреннего рынка, как утверждали представители

1 *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 270.

мелкобуржуазной политической экономии Сисмонди, Эфруси и русские народники, а определялась тенденцией капитализма к безграничному расширению производства. «Необходимость внешнего рынка для капиталистической страны определяется вовсе не законами реализации общественного продукта (и сверхстоимости в частности) а во-1-х, тем, что капитализм является лишь как результат широко развитого товарного обращения, которое выходит за пределы государства. Поэтому нельзя себе представить капиталистической нации без внешней торговли, да и нет такой нации»[1].

Русская буржуазия, как и буржуазия любой страны развивающегося капитализма, использовала в своих классовых интересах экономический закон определенного соответствия производственных отношений характеру производительных сил и по мере развития капитализма укрепляла свои политические и экономические позиции.

В. И. Ленин писал: «А русская буржуазия «слушает, да ест». Пока «интеллигенция» ищет новых путей, она предпринимает гигантские постройки железных дорог в свои колонии, создавая себе там рынок, неся в молодую страну прелести буржуазных порядков, выращивая с особенной быстротой и там промышленную и земледельческую буржуазию и бросая массу производителей в ряды вечно голодного безработного люда»[2].

Царское самодержавие, олицетворявшее политическое господство крепостников-помещиков, вынуждено было пойти на меры, способствовавшие развитию буржуазных отношений в стране. Оно стало проводником столыпинской аграрной политики, так называемого «прусского пути» развития капитализма, с сохранением феодально-крепостнических отношений и привилегий помещиков, и делало робкие шаги в сторону «ограниченной», буржуазной монархии (реформа 1861 г. и реформы судебная, земельная в 60-х и 70-х гг. XIX в., конституция 1905 г. и столыпинская реформа).

Связанный этим реакционным направлением своей экономической политики, царизм, естественно, тормозил развитие производительных сил Средней Азии, но он уже был не в состоянии задержать закономерный ход капита-

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 43.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 294.

листического развития России и ее части — Туркестанского края.

Таким образом, утверждения о том, что «царизм тормозил развитие капитализма в Средней Азии» или «являлся помехой на пути развития капитализма», могут иметь лишь тот смысл, что царское самодержавие, как форма политического строя в России, обусловливало более медленные темпы развития капитализма и сохранение в большой мере феодально-крепостнических пережитков, по сравнению с тем, что было бы, если бы политический строй России представлял собой буржуазную монархию западноевропейского образца или буржуазную республику.

Довольно быстрое развитие промышленного капитализма России, нуждавшегося в Средней Азии, как в сырьевой, прежде всего хлопковой, базе и рынке сбыта промышленных товаров метрополии, сказалось в довольно значительном воздействии его на экономику Средней Азии. Однако, как уже отмечалось выше, несмотря на развитие капиталистических элементов в экономике Средней Азии, капитализм здесь не стал господствующей формой производственных отношений. Наоборот, господствующими в Средней Азии оставались докапиталистические отношения, которые капитализм консервировал и приспосабливал в своих интересах.

Развитие капитализма в Средней Азии обусловило такие прогрессивные явления, как разложение натурального и развитие товарного хозяйства, рост торгового земледелия, специализация края на производстве хлопка и создание тем самым в Средней Азии основного района хлопководства России, втягивание края в мировое товарное обращение. Но, как указывал В. И. Ленин, «признание прогрессивности этой роли (капитализма — *А. А.*) вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически преходящий характер этого экономического режима»[1].

Своеобразие развития капитализма в Средней Азии заключалось, в первую очередь, в значительном сохранении докапиталистических отношений, в большей осложненности этого процесса (даже по сравнению с отсталой Россией)

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 523.

громадными пережитками искусственно консервировавшихся царским правительством, несовместимых с капитализмом, задерживавших его развитие, феодальных институтов и правовых форм.

Несколько позднее иная, более высокая социально-экономическая формация — социалистический строй — обеспечила коренную ломку общественных отношений в Средней Азии и дала возможность бывшей колонии царской России перейти к социализму, минуя мучительную стадию капиталистического развития.

Каковы же были основные линии экономической политики царской России в Средней Азии?

Первоочередной задачей, которая встала перед царским правительством после завоевания Средней Азии, являлась проблема управления краем, новое административное устройство его с целью обеспечения военно-стратегических интересов метрополии и укрепления ее политических и экономических позиций.

11 апреля 1867 года правительство утвердило мнение особого комитета, специально обсуждавшего этот вопрос. Туркестанскую область и часть Семипалатинской области, лежащую к югу от Тарбагатайского хребта, изъять из ведения Оренбургского и Западно-сибирского генерал-губернаторства и соединить их в одно особое военно-гражданское управление — Туркестанское генерал-губернаторство.

В основу управления краем по Временному положению 1867 г., был положен принцип «военно-народного» управления. Сущность его заключалась в следующих основных положениях: 1) «нераздельность власти военной и административной и соединение ее в крае в одних руках»; 2) «необходимость приблизить устройство этих органов, по возможности к администрации в других частях России»; 3) «выборное начало, как основание устройства низших, собственно народно-общественных органов власти»; 4) «отстранение от этих народных учреждений порядков, вредных интересам России»; 5) «образование и развитие административных органов сообразно местной потребности, с точным определением пределов их власти»; 6) отделение от администрации суда в возможной, по местным обстоятельствам, степени»[1].

[1] Центральный Государственный исторический архив УзССР (ЦГИА УзССР), ф. 1 — Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора (КТГГ), оп. 27, д. 60-а, лл. 9—10.

Итак, согласно Положению 1867 г. управление местным населением по всем делам неполитического характера, предоставлялось «выборным из среды самого народа» (казии, бии, аксакалы—сельские старшины, арык-аксакалы), «применительно к его нравам и обычаям». Все же остальные правительственные функции в колонии были сосредоточены в руках военной администрации — генерал-губернатора, областных губернаторов и уездных начальников.

Такой «военно-народный» принцип управления вполне соответствовал той задаче, которую поставило перед собой царское правительство во вновь завоеванной колонии — укрепить свои военно-политические позиции, ослабить влияние местной земельной и духовной аристократии и сурово подавлять возможные народные восстания против царизма.

Государственный Совет в своих сношениях с военным министерством по вопросу об управлении Туркестанским краем весьма четко сформулировал цели и задачи управления краем: «Хотя политическое и внутреннее развитие Туркестанского края таково, что применение к нему, с необходимыми изъятиями, общих, действующих в Империи, законов и единогласно признается всеми ведомствами своевременным, тем не менее край этот нельзя считать окончательно умиротворенным. Внешние границы Туркестана до сего времени еще не вполне установились, причем политический характер соседних нам хивинских и бухарских владений дает повод опасаться таких событий, которые потребуют вмешательства военной силы»[1].

Приведенные мотивы и послужили непосредственной основой для организации военно-чиновничьей системы управления в Средней Азии и резко усилили «военно-бюрократический» отпечаток колониальной политики, который, по словам В. И. Ленина, был вообще характерен для российского империализма, как империализма военно-феодального.

Принцип «военно-народного» управления был позднее подкреплен Положением об управлении Туркестанским краем от 12 июня 1886 г. Хотя это Положение было подвергнуто изменениям (1900 г.), но изменения коснулись только вопросов землепользования оседлого населения и принципов податного обложения. Административное

[1] *Е. В. Бунаков*, цитиров рукопись, стр. 185.

устройство края не было завершено, и это послужило предметом расхождения взглядов царских кругов в Петербурге и местной администрации.

Ревизовавший в 1909 г. Туркестанский край сенатор К. Пален предлагал заменить военное управление края гражданским, т. е. перевести край на общеимперское положение, мотивируя это тем, что местное население окончательно «усмирено» и военное управление мешает хозяйственному развитию края. Кроме того, непосредственное подчинение Туркестанского генерал-губернатора военному министру, с одной стороны, при ограниченных правах генерал-губернатора в руководстве деятельностью различных ведомственных учреждений, с другой, крайне затрудняло управление многосторонней экономической и общественной жизнью края.

Сторонники другого взгляда считали, что, наоборот, Туркестан нуждается в военном управлении, в единой и сильной власти генерал-губернатора. Наиболее ярым сторонником такого взгляда являлся, например, генерал Самсонов. Он считал, что «только при единой и сильной генерал-губернаторской власти возможно действительное приобщение этой, пока всецело инородческой окраины к русской государственности и культуре, широкое развитие колонизации края исключительно русскими элементами, подъем его экономических сил и осуществление мощной обороны края от соседних китайцев и афганцев. Русское правительство и местная власть в крае искони находили необходимым объединение всех местных правительственных органов в руках одного высшего руководителя... к сожалению, положение 1886 г. не оценило в должной степени значения для края единой и сильной власти в нем, хотя и сохранен по внешности принцип объединения деятельности всех местных правительственных органов»[1]. Сторонники этого взгляда считают, что благодаря непосредственному направлению деятельности краевых ведомственных учреждений из центра, туркестанский генерал-губернатор остался в стороне от управления краем, за исключением лишь административно-полицейской части; но и здесь между ним и военным министром явилась посредствующая инстанция — Азиатская часть главного штаба, независимая от генерал-

[1] ЦГИА УзССР, ф.1 (КТГГ), оп. 27, д. 40, лл. 2—4.

губернатора, которая может не только «докладывать, но и освещать и направлять дело по управлению Туркестаном не всегда в соответствии с мнением Туркестанского генерал-губернатора»[1].

Прочие звенья в системе Краевого управления были двух родов:

а) либо совершенно независимые от генерал-губернатора, например судебные установления, контрольная палата, казенная палата, управление акцизным округом, таможенным округом, округ пограничной стражи, почтово-телеграфный округ, железные дороги, политическое агентство в Бухаре и т. д.;

б) либо они, по закону, состоят при генерал-губернаторстве или под его руководством, ведя переписку с министрами и главноуправляющими по предметам их ведомства; но при этом начальникам краевых учреждений предоставлено право вступать в непосредственные сношения с департаментами, и этим путем они косвенно могут получать директивы из Петербурга, помимо генерал-губернатора.

К такого рода учреждениям относились управления земледелия и государственных имуществ, заведывающие переселенческими районами, главный инспектор училищ, охранное отделение, дипломатический чиновник, чиновник особых поручений по горной части.

Признавая создавшееся положение совершенно ненормальным и вредным для дела, генерал Самсонов находил, что «права и полномочия Туркестанского генерал-губернатора должны быть увеличены в целях объединения действий всех местных властей. В соответствии с этим необходимо организовать власть Туркестанского генерал-губернатора на началах, приближающих ее к власти наместника его императорского величества на Кавказе».

Энергичным сторонником создания единой и сильной военной власти в Туркестане был также главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин, писавший:

«В Туркестане пока еще не закончена творческая эпоха внутреннего устроения. Эта эпоха требует не той или иной перестройки форм управления, а силь-

[1] ЦГИА, ф. 1 (КТГГ), оп. 27, д. 40, лл. 2—4.
[2] Там же.

ной, вооруженной средствами и энергией, власти. Только эта власть и может создать чаемый «новый Туркестан»

...В этой перспективе вопрос о замене военного управления Туркестана общегражданским или предположения К. Палена о введении в крае земства представляются отдаленными и сравнительно второстепенными. И та, и другая реформа — дело будущего. Обе они полезны, хороши и благодетельны, но лишь при наличности в крае достаточного русского населения.

Между тем, коренной Туркестан — это пока еще сплошное туземное море. Русские поселки, русские новые «города» в старых туземных городских поселениях — пока только островки среди этого моря, это лишь опорные, и слава богу, твердые пункты для дальнейшего оседания здесь русских людей...

При таких условиях довольно трудно теперь же перевести край «на общее положение». Видя воочию подавляющее пока в Туркестане преобладание туземной стихии, невольно чувствуешь, что здесь еще место русскому военному лагерю, это — этап победного шествия России в Среднюю Азию; русская военная власть понятнее и внушительнее для притихшей туземной толпы, чем гражданская»[1]...

Итак, военное управление в Туркестане признано было наиболее целесообразной формой правления краем, так как более соответствовало колонизаторской политике русских помещиков и капиталистов.

* * *

Важнейшей проблемой экономической политики царизма в Средней Азии был земельный вопрос, вопрос о поземельном устройстве оседлого и кочевого населения Туркестана.

В первые годы после установления своей власти в крае царское правительство совершенно не вмешивалось в эту область — местное землепользование, водопользование и водное управление. Нужно было изучить особенности ведения сельского хозяйства в крае, уклад которого основывался на искусственном орошении. Произвести же какую-либо коренную ломку этой своеобразной экономики и веками сложившихся на ее основе отношений, которые не были известны в Европейской России, представлялось довольно рискованным. Вопросы землепользования, водопользования и водного управления, кроме того, не могли еще иметь в то время того исключительно большого значения, которое они приобрели впоследствии. Капитал и рыночные отношения в то время еще не вклинились глубоко в экономику Средней Азии. Хозяйство велось еще натуральное, пути сообщения почти отсутствовали, внутренний рынок не был развит.

Для правительственных органов была совершенно чужда и сама техника орошаемого земледелия и ирригационного дела, на которой основывалось местное хозяйство, и которая требовала большого искусства, огромной массы дехканского труда. «Техника поливного земледелия являлась настолько утонченной, что лишь после 50 лет насаждения в крае европейской техники стали намечаться возможности его дальнейшего улучшения»[1].

Следует иметь в виду, что и при самом завоевании и в утверждении своей политики на присоединенной территории царское правительство не могло не учитывать и фактора международного. Урегулирование внешнеполитических отношений с одной только Англией представляло собой весьма длинную страницу в истории завоевания Средней Азии царской Россией. Поэтому, естественно, что правительство, сознавая все экономическое значение Туркестана, официально, постановлением комитета министров 11 июля 1867 г., заявило, что оно воздерживается от непосредственного вмешательства в вопросы внутренней жизни края, поскольку таковые касались лишь ее экономической стороны, оставляя в своем ведении лишь область государственной политики.

255 статья Положения 1886 г. гласит, что «за оседлым сельским населением утверждаются земли, состоящие в постоянном, потомственном его владении, пользовании и распоряжении на установленных местным обычаем основаниях».

[1] *А. В. Кривошеин.* Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. Приложение к всеподданнейшему докладу. Спб, 1912, стр. 78.

[1] *С. К. Кондрашев.* Вода в орошаемом хозяйстве. Москва, 1922,

При поверхностном рассмотрении вопроса можно прийти к выводу, что после завоевания Средней Азии царской Россией земельные отношения оставались неизменными, т. е. такими, какими они были до завоевания. Некоторые авторы[1] утверждали, что царское правительство, признав за оседлым населением право постоянного, потомственного владения, пользования и распоряжения землею по местным обычаям, тем самым не насаждало частной собственности, препятствовало «капиталистической мобилизации» земельной собственности и, следовательно, тормозило развитие капиталистических отношений. Но такой вывод является неверным. На самом деле такая земельная политика создавала совершенно новый, неизвестный русским законам, «институт ограниченного права собственности» и была направлена на подрыв значения, а местами и полное уничтожение крупного и среднего феодального землевладения, так как «земли аристократии стали, с одной стороны, облагаться налогами — податное обеление мульков, основанное на

[1] *М. Н. Ростиславов.* Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае, Спб, 1879; *Н. Е. Тарнау.* О праве собственности по мусульманскому законодательству. Спб, 1872.

Эти авторы забыли, что установление частной земельной собственности менее всего проводилось под открытым лозунгом расчистки дороги для русского капитализма. В действительности мероприятия правительства способствовали мобилизации земель в руках крупных землевладельцев, сельской буржуазии на правах собственности. Этим только можно объяснить, что внедрение частной собственности на землю и воду в оседлых районах Туркестана приводило, во-первых, к перераспределению земельных фондов и концентрации земельной собственности в руках крупных баев и, во-вторых, к обезземеливанию дехканских хозяйств. Эти безземельные хозяйства и являлись основным резервом, откуда формировались ряды батраков, биватанов, безземельных дехкан, мардикеров, чайрикеров и других полупролетарских слоев узбекской деревни.

Так, по данным ревизии К. Палена, только по двум уездам Ферганской области общее число безземельных дехкан достигало:

в Маргеланском уезде — 13 763,
„Андижанском „ — 9943,

из коих 88,2% по Андижанскому уезду и 87,1% — по Маргеланскому либо арендуют земли (чайрикеры), либо работают чернорабочими (мардикеры).

[2] *К. К. Пален.* Материалы к характеристике народного хозяйства Туркестана, часть 1. Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края, Спб, 1911.

ханских пожалованиях, отменялось; с другой стороны, земли узбекских аристократов стали закрепляться в собственность сидевшим на них арендаторам. Если у себя, в России, государственная власть произвела в 60-х гг. полное юридическое обезземеление крестьянской массы, установив законом принадлежность всей земли помещикам, то в Средней Азии русская власть пошла прямо противоположным путем — здесь права на землю признавались за крестьянами, а обезземеливалась непокорная земельная аристократия»[1].

Такие факты, как закрепление земли за теми, кто ее фактически обрабатывает, означали, следовательно, что при разборе земельных споров надлежит исходить не из документов на владение, оформленных казиями (ханскими судьями), а из фактического пользования землей. Переход земель местной аристократии в руки арендаторов, ограничение вакуфных владений, возможность изъятия их в казну, обложение налогами привилегированных мюльковых земель и т. д. являются подтверждением правильности высказанных нами выше положений.

Царское правительство закрепило в оседлых районах право частной собственности, а отнюдь не произвело национализации земли, как полагают некоторые авторы.

Присоединение Средней Азии к России и развитие в ней капиталистических отношений разрушило в отдельных (оседлых, земледельческих) районах феодальные формы землевладения и вызвало распространение частной земельной собственности феодально-байских элементов. Это была не феодальная собственность старого типа или современная форма частной буржуазной собственности, а особая форма буржуазно-феодальной собственности, так как земля стала сосредоточиваться в руках не только феодальных, но и байско-кулацких элементов, представителей городской и сельской буржуазии.

Такая особая форма земельной собственности соответствовала господствовавшему в Туркестане типу производственных отношений.

«Таким образом, — писал Н. Терентьев — враждебной нам земельной аристократии нанесен был удар. Организационная комиссия Аму-Дарьинского отдела из

[1] *И. Ходоров.* К вопросу об исторической эволюции землевладения в Туркестане, «Историк-марксист», 1928, № 10, стр. 141.

9203 десятин вакуфной и мюльковой земли признала только 587 десятин вакуфных и 1210 десятин мюльковых, пожалованных государем Мат-Ниязу за услуги, оказанные им русскому правительству в 1873 г. »[1].

«Туркестанское положение 12 июня 1886 г. — писал К. Пален, — утверждая на правах полной собственности все занятые населением земли, предоставляет сельским обществам, сообразно существующим местным обычаям, или общинное пользование этими землями или подворно-наследственное. Статья 261 этого положения категорически подтверждает это, предоставляя населению право продажи земельных участков. Таким образом, оседлое туземное население является по закону полным собственником земель, находящихся в его пользовании»[2].

Чем объяснить, что в своей земельной политике царское правительство стремилось не нарушать местных обычаев? Как уже было сказано, правительство добивалось этим умаления влияния феодальной верхушки в крае и вместе с тем рассчитывало упрочить благожелательное отношение к власти дехкан и спокойствие в крае, что было очень важно в связи с происходившей в это время на Дальнем Востоке войной.

Это признавали и представители царского правительства.

Г. Логонов в статье «Россия в Средней Азии» писал: «Такой переворот может легко возбудить волнение в среде малокультурных кочевников, тем более, что по присоединении Туркестанского края русское правительство обещало местному населению сохранение всех его обычных прав, в том числе и прав землепользования. Ввиду шедшей в то время войны на Дальнем Востоке всякое народное неудовольствие в Туркестане признавалось нежелательным, считали необходимым всячески озаботиться принятием мер для сохранения спокойствия в среде местного инородческого населения»[3].

---

[1] Проект всеподданнейшего отчета К. П. Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства от 7 ноября 1867 г. и 25 марта 1881 г. Спб, 1885, стр. 290.

[2] *К. К. Пален.* Материалы к характеристике народного хозяйства Туркестана, часть I, отдел I, 1912, стр. 171.

[3] *Г. Логонов.* Россия в Средней Азии. Журнал «Вопросы колонизации», 1903, № 4, стр. 24.

Однако по земельному вопросу выявились резкие расхождения на заседании комиссии, рассматривавшей 1—3 мая 1884 г. отчет ревизии по земельному устройству Туркестанского края, произведенной сенатором Гирсом в 1881 г. Разногласия вызвал вопрос о «туземном землевладении».

Ревизия Гирса пришла к заключению «о необходимости утвердить законодательным путем существующий проект землевладения, закрепив за оседлым населением на праве частной собственности, по обычаю, земли, находящиеся в действительном его владении, без освобождения от платежа установленных податей и сборов».

Такое решение вопроса о поземельном устройстве в Туркестанском крае, по мнению Гирса, «способствует местным условиям и потребностям, удовлетворяет справедливости и вызывается осторожностью». Ревизия не считала возможным принять предложение проекта 1881 г. о применении к землевладению Туркестанского края общих начал, установленных для империи, «ввиду несоответствия их народному сознанию, веками сложившемуся быту населения и экономическим условиям».

Устанавливаемый проектом 1881 г. выкуп земли населением Туркестанского края, по мнению ревизии, «является мерою не только несправедливою, но даже опасной в политическом отношении. Выкуп земли в среднеазиатских наших владениях не может быть сравниваем с выкупом внутри империи; там он составляет вознаграждение землевладельцев за отошедшую от них землю; здесь же населению пришлось бы выкупать землю, и без того находящуюся в его владении».

Противоположную точку зрения высказал генерал-майор Куропаткин, который отстаивал проект 1881 г. и предлагал закрепить за населением землю не на праве полной собственности, а только на праве постоянного пользования, с платежом определенной подати, мотивируя это предложение тем, что с предоставлением оседлому туземному населению находящейся в его владении земли на праве полной собственности, «правительство лишилось бы значительной суммы, которую оно могло бы получить в случае выкупа земли населением».

После обмена мнениями большинством голосов (16), комиссия приняла предложение — закрепить земли за

местным населением в постоянное пользование, не упоминая о праве полной собственности[1].

Положение об управлении Туркестанским краем 1886 г. в основном подтвердило земельную политику, разработанную этой комиссией и проводившуюся Кауфманом. Следует, однако, заметить что в процессе обсуждения Положения в Государственном совете вопрос о землевладении также вызвал споры. Если этот вопрос был решен единогласно в смысле признания земель, занимаемых кочевниками, государственной собственностью, то вопрос о землях, занимаемых оседлым населением, вызвал существенные расхождения. «Большинство, мнение которого вошло в проект, говорится в письме Государственного совета от 26.V 1886 г., — полагало, что земли, занятые оседлыми туземцами, следует признать государственными, состоящими лишь в наследственном владении, пользовании и распоряжении населения. Меньшинство, напротив того, — что эти земли должны считаться принадлежащими населению на праве частной собственности»[1].

Необходимо отметить, что, закрепляя за государством земли, царское правительство не следовало слепо мусульманским догмам, а исходило из интересов государства. «Существующий способ владения землею — говорится в письме — выгоден и удобен для русской власти, в то же время им чрезвычайно дорожит население».

Установление права на постоянное и потомственное владение, пользование и распоряжение землей за оседлым населением на практике фактически привело к образованию земельной собственности, а продажа земель, обезземеливание мелких крестьянских хозяйств, с одной стороны, и концентрация земли в руках кулацкой верхушки, с другой — привели к созданию крупного землевладения. Несмотря на то, что земельным законом царского правительства не было четко сформулировано право частной собственности, земля была закреплена за местным населением лишь в пользование, согласно установившимся обычаям, фактическое развитие земельных отношений способствовало образованию частной земельной собственности.

[1] *Е. В. Бунаков*, цитиров. рукопись, стр. 185.

«Ближе ознакомившись теперь с этим вопросом на месте, — писал Кривошеин в своей «Записке» — я решаюсь утверждать, что все эти доводы (об отсутствии права частной собственности — *А. А.*) представляются недостаточно убедительными. И данные ревизии графа Палена, и местные наблюдения определенно говорят о совершающейся в хлопковых районах Туркестана громадной, скрытой мобилизации земель. Собранные сенаторской ревизией статистические сведения, правда, отрывочны, но они очень ярки: в одной только из волостей Ферганской долины (Авальская волость), с населением в 2,5 тыс. дворов, отмечено, например, по книгам народного судьи, за один год 485 сделок о переходе земли.

Общая почва, на которой развиваются такие случаи, ясна. Не справляясь с ведением, хотя и мелкого, карликового, но сложного, хозяйства, судьба которого зависит от колебаний хлопковых цен на ньюйоркской бирже и которому приходится покупать на стороне даже предметы первой необходимости, многие хозяева-сарты, под гнетом частного ростовщического кредита, выпускают землю из своих рук. При помощи различных закладных и векселей местные баи сосредоточивают в своем владении значительные орошаемые площади, получая их за бесценок по закладным при содействии народных судов. Есть туземные евреи и сарты, состояние которых оценивается уже многими сотнями и даже тысячами десятин, следовательно, миллионами рублей; и рядом с этим в отдельных уездах Ферганской области и в асхабадском уезде процент безземельных доходит до 30. Очевидно, орошенные земли быстро переходят из рук в руки»[1].

Относительно решения Государственного совета (1886 г.), не признавшего права полной собственности населения на обрабатываемую им землю, и существа статей 208, 255—263 Положения о Туркестанском крае Кривошеин писал:

«Второе возражение — об отсутствии права собственности — также едва ли убедительно. В Туркестанском Положении нет только слова: собственность. Государственный Совет в 1886 г. просто остерегся окончательно сказать это слово, — «ввиду (как значится в мотивах

[1] *А. В. Кривошеин*. Записка... 1912, стр. 56—57.

закона) недостаточной выясненности существовавших в крае форм землевладения и полной неопределенности местного водного права, тесно связанного с землевладением».

Но все эти элементы права собственности в законе даны: пользование, владение и распоряжение, до права отчуждения земель крепостным порядком, включительно. А жизнь сказала и самое слово: собственность»[1].

На самом деле, по ст. 255 Положения, земли закрепляются за сельскими обществами; но закон дает отдельным хозяйствам и право просить о выделах и получать от областных управлений документ на выделенные участки, с правом последующего их отчуждения. Участки, не выделенные, также могли быть проданы по особым свидетельствам, выдаваемым уездным начальником на основании удостоверения местного народного судьи.

«Всех этих положений закона (ст. ст. 208 и 263) оказалось совершенно достаточно для того, чтобы русские судебные учреждения признали за оседлым туземным населением право собственности на закрепленные за ним земли. В этом направлении русской власти надо тщательно исследовать указанный вопрос и, выразив вполне определенно и твердо свой взгляд, поставить, наконец, точку над «i», для чего, казалось бы, не требуется даже особого законодательного акта: можно сделать это в порядке управления, или, наконец, и в дальнейшем опираться, по-прежнему, только на действующий закон и судебную практику»[2].

Добавления, внесенные в этой части в 1900 г. Государственным советом, заключались, во-первых, в том, что за населением закреплялись не только орошенные земли, но и богарные, а также неудобные; во-вторых, в том, что все земли закреплялись не за отдельными дехканами, но за сельскими обществами или селениями.

Значительно более новыми являются те статьи Положения, которые регулируют переход из рук в руки земельной собственности. Согласно статье 261, «передача земельных участков между туземцами, наследование сих имуществ и раздел их совершаются по соблюдаемым в каждом месте между туземцами обычаям. Передача же упомянутых участков лицам, не принадлежащим туземному населению, но имеющим право приобретать земли в Туркестанском крае (ст. 266), совершается крепостным порядком. При этом покупатель приобретает также только право на купленную землю, которым пользовался продавец во время передачи оной»[1].

[1] *А. В. Кривошеин.* Записка... 1912, стр. 57 — 58.
[2] Там же, стр. 58.

Однако несмотря на стремление власти переустроить земельные отношения, земельный вопрос и поземельное устройство как оседлого, так и кочевого населения не были решены, царское правительство не справилось с этой важной и коренной задачей местной экономики. Неопределенность юридических прав на землю коренного оседлого населения, трудность нотариального оформления этих прав, незавершенность землеустроительных работ, введение общинного землевладения — все это существенно задерживало развитие капиталистических отношений. Земельный вопрос остался неразрешенным до самой Великой Октябрьской социалистической революции. О том, что земельный вопрос не получил своего решения, свидетельствуют высказывания самих царских чиновников. Гирс в своем отчете писал: «В своем показании Пулат-хан (руководитель кокандского восстания — *А. А.*) заявил, что расчет успеха восстания в пределах наших владений основывался им на недовольстве народа по поземельно-податному устройству края. Казалось, это обстоятельство должно было убедить администрацию края в необходимости, в видах сохранения тишины и спокойствия, разрешить этот вопрос сообща с тем ведомством, которое имеет полную на то возможность, — иначе поступил генерал-губернатор фон Кауфман. Наперекор трем министрам он привел в исполнение в Ферганской области неодобренный министерством проект 1870 г. по поземельному устройству, последствием которого были печальные результаты».

Царское правительство пыталось переустроить и податно-налоговую систему. Если земельная политика царизма затушевывала процесс насаждения в сельском хозяйстве Туркестана товарно-капиталистических от-

[1] Положение об управлении Туркестанским краем, 1886, 1900., Спб.

ношений, то податно-налоговая политика носила иной характер, открыто внедряя последние в земледелие коренных районов Туркестана.

До завоевания края царской Россией в узбекских ханствах существовали главным образом натуральные налоги и повинности: налог-рента «салгыт» в Бухарском ханстве и «салыг» в Кокандском ханстве, «херадж» и «зякат», «даяк» или «ушр» в Хивинском ханстве. С завоеванием края царское правительство ввело новые виды налога, заменив натуральные налоги денежными.

Статья 285 Положения об управлении Туркестанским краем гласит, что «земли как населенные, так и ненаселенные, принадлежащие частным лицам, обществам и установлениям, или состоящие только в постоянном их владении, пользовании и распоряжении, облагаются в доход казны государственным поземельным налогом по правилам, изложенным в уставе о прямых налогах».

Государственному поземельному налогу не подлежали:

1) земли, освобожденные от него согласно ст. 5 Устава о прямых налогах;

2) вакуфные ненаселенные земли, весь доход которых назначен вакуфным документом (вакуф-намэ) в пользу мечетей или школ и

3) принадлежащие мечетям сады или рощи, если они служат местами общественного собрания, общественных празднеств (или отдыха паломников).

Государственный поземельный налог был установлен в размере 10% со средней валовой доходности земель.

Кочевое население областей Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской было обложено в доход казны кибиточной податью в размере четырех рублей с кибитки и всякого заменяющего ее помещения для жилья (юрты, дома, сакли, землянки).

Кроме государственного поземельного налога были введены земельные повинности, которые разделялись на областные и общественные (частные). Земельные повинности, будучи денежными и натуральными, предназначались для следующих целей:

1) содержание в исправности сооружений искусственного орошения;

2) содержание указательных знаков на дорогах;

3) снабжение в чрезвычайных случаях проходящих войск юртами (жильем), топливом с вознаграждением за это по утвержденным туркестанским генерал-губернатором ценам и

4) при мобилизации войск и в чрезвычайных, вызванных военными обстоятельствами, случаях передвижения войск поставка перевозочных средств по наряду, с уплатой по утвержденным советом генерал-губернатора правилам и ценам[1].

Эти повинности по своему характеру и назначению были натуральными.

За счет денежных областных повинностей удовлетворялись следующие потребности: расходы на управления (центральные, областные и уездные), содержание полиции, расходы на народное хозяйство (торговлю, промышленность, сельское хозяйство), культуру, просвещение, здравоохранение и т. д.

В областях Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской для удовлетворения потребностей, «подлежащих исполнению посредством областных денежных земских повинностей (ст. 405) облагаются: 1) кочевое население — кибиточным сбором; 2) земли, принадлежащие оседлому населению как туземному, так и не туземному, также состоящие в бессрочном владении, пользовании и распоряжении сего населения; 3) земли и леса казенные; 4) недвижимые имущества в городских поселениях; 5) фабричные и заводские помещения; 6) промышленные свидетельства и 7) патенты на заводы для выделки напитков, подлежащих оплате акцизом, изделий из спирта или вина, а равно на заведения для продажи питей»[2].

Помимо государственного поземельного и земских налогов, еще существовал третий вид обложения — оброчная подать, представляющая собой остаток той податной системы, которая была установлена в первые годы завоевания Туркестана.

Размер всех земель, обложенных поземельным налогом, в трех коренных областях исчисляется в 5 186 606 дес., а обложенных оброчною податью — в 108 331 дес. Первые составляют 97,95% общего количества земель оседлого населения, а обложенные оброчною податью — 2,05%.

---

[1] Положение об управлении Туркестанским краем Спб., 1886 г. и Дополн. 1906 г.

[2] Там же.

Одна из особенностей податного обложения, введенного правительством, состоит в том, что, если в первые несколько лет после присоединения (как и до него) податной единицей являлся двор, то податной единицей в новой податной системе стали селение и сельское общество.

Закрепив земли за сельскими обществами и селениями и установив в качестве податной единицы селение или сельское общество, правительство нанесло серьезный удар подворно-участковому землевладению.

Царское правительство ставило перед собой задачу увеличить доходы в казну путем усиления налогового обложения и введения новых видов налогов.

Сенатор Ф. Гирс, ревизовавший Туркестанский край, в своем отчете[1] предлагал увеличить кибиточную подать, взимаемую с кочевого населения, отмечая при этом, что кибиточная подать была увеличена до 4 руб. в 1884 г. против 2 р. 75 к. в 1868 г.; кроме того, кочевое население выплачивало 1 р. 25 к. на земские потребности, 1 р. 25 коп. на жалованье туземной администрации и 50 коп. на содержание училищ и другие нужды. Таким образом, кочевое население выплачивало с кибитки 7 р. в год, не считая натуральной повинности, определенной примерно в 50 коп.

По мнению возглавлявшего ревизию лица, «особый размер кибиточной платы не велик и мог быть увеличен основной налог с 4 р. на 5 р., а дополнительные налоги на земские потребности — на 75 коп. с прибавлением к ним еще 75 коп. налога взамен квартирной повинности. Эта мера увеличила бы средства государственного казначейства на 150 000 рублей ежегодно»[2].

Не находя нужным увеличения поземельного налога с оседлого населения (и без того высокого, в результате чего за населением к 1 мая 1883 г. числилось недоимок на сумму до 1165 000 р.), ревизия предлагала для увеличения бюджета установить в крае особый квартирный налог на нужды, связанные с расквартированием войск, и обложить акцизом производство табака в крае. Эти два мероприятия, по мнению ревизии, увеличат доход казны на сумму до 525 000 руб. в год, из коих квартирный налог даст 375 000 руб., а квартирный налог в Туркестане и в степных областях

[1] *Ф. Гирс.* Отчет ревизующего по высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса, стр. 464.

[2] Там же, стр. 375.

дал бы увеличение доходов казны еще на 716 556 руб. Кроме того, обложение пошлиною некоторых товаров, ввозимых в Европейскую Россию из Средней Азии, могло бы увеличить доходы Туркестана до 150 тыс. рублей. Известно, что царским правительством был введен впоследствии в Средней Азии и особый сбор (налог) с хлопка.

Налоги от сельского населения составляли главный источник доходной части бюджета Туркестанского генерал-губернаторства. В 1917 г. общая сумма налоговых доходов составляла более 33 миллионов рублей. Кроме основных видов налогов, были введены различные сборы, составлявшие важные источники дохода бюджета. Так, по данным К. Р. Сабирова[1], введенное с 1867 г. акцизное обложение составляло 11% бюджета губернаторства. В 1913 г. таможенные сборы занимали в сметах Туркестанского генерал-губернаторства 27%. Царским правительством был введен также промысловый налог, удельный вес которого составлял в 1913 г., по тем же данным, 4,7% сметы Туркестана.

Неналоговые доходы в Туркестане составлялись из доходов от оброчных статей, лесного дохода, от контрибуции, от железных дорог, почты и телеграфа. Преобладающими среди них были доходы от оброчных статей. Все неналоговые доходы в 1913 г. составляли, по данным К. Сабирова, 17% всей сметы.

Таким образом, налоговое обложение систематически возрастало, что сильно отражалось на положении дехканских масс, в особенности ферганских хлопкоробов. Налоговое бремя и недоимки сильно ухудшали экономическое положение дехканства и разоряли его. Поэтому едва ли правильны утверждения некоторых авторов[2] об улучшении, хотя бы временном, экономического положения дехкан, якобы благодаря проведенной царским правительством податно-налоговой реформы. Что усиление податного

[1] *К. Р. Сабиров.* Государственные бюджеты Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики (1918 — 1924 гг.). Автореферат диссертации. Ташкент, 1949.

[2] *Н. Остроумов.* К 50-летию Ташкента, Пг., 1915; *А. А. Кауфман.* К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. Спб., 1903; *Ф. И. Лобысевич.* Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношении, Спб., 1900. Эти авторы, как и некоторые иные, стремились приукрасить, обелить колониальный режим.

бремени сильно ухудшило положение дехканских масс признавали даже сами царские чиновники.

«По мнению ревизии, едва ли удобно увеличивать поземельные подати, как потому, что частые изменения норм податей могут неприятно отозваться на настроениях туземцев, так и потому, что к 1 мая 1883 г. уже числилось за населением Туркестанского края недоимки до 1165 000 рублей. Нет сомнения, что часть означенной недоимки произошла от растрат туземной администрацией собранных податей и от недостаточного надзора уездных начальников за своевременным взысканием податей, однако же нельзя отвергать и тот факт, что столь громадные недоимки являются доказательством невозможности продолжать усиливать прямые налоги»[1].

В правительственных кругах и в официальной печати дискутировался вопрос о финансовой «убыточности» Туркестана для царского правительства. Мнимая убыточность Туркестана легко раскрывается. Во-первых, в балансе показывались не все доходы, поступавшие от Туркестана (так, доходы от железных дорог показывались только до 1898 г.): внешние расходы (содержание войск, часть расходов, связанных с русско-японской войной), относились на счет Туркестана; расчеты управленческих расходов были сильно преувеличены. Далее восстановить истинный баланс доходов и расходов Туркестанского генерал-губернаторства могли бы потери средств от расточительства, коррупции, казнокрадства, если бы они были полностью выяснены и учтены.

«Убыточность» Туркестана для России была плодом административного мифотворчества. В действительности Туркестанский край был выгодной для царской России колонией, солидным источником выколачивания максимальных прибылей для капиталистов метрополии и колонии. Неслучайно ведь министр финансов И. А. Вышеградский называл Туркестан «заметным алмазом в русской короне».

Миф об «убыточности» Туркестана понадобился господствующим классам России, как основание для выдвижения новых требований налогового обложения с целью выколачивания еще больших доходов. Вместе с тем, он

[1] *Ф. Гирс.* Отчет..., стр. 155.

использовался как довод против ассигнования средств на нужды трудящихся масс Туркестана.

* * *

В неразрывной связи с земельной политикой царского правительства находятся мероприятия по развитию водного хозяйства и орошения новых земель.

Вопрос о новом орошении и коренной ирригации и мелиорации в Средней Азии будет нами подробно рассмотрен в четвертой главе. Здесь же нас интересуют только общие водохозяйственные проблемы, прежде всего основы водного права.

Некоторое время водопользование оставалось в прежнем положении. Но после присоединения Ферганы в 1878 г. генерал-губернатором Кауфманом были утверждены «Временные правила об ирригации в Туркестанском крае». Характерной чертой этих правил является стремление изменить основные начала (правовые основания) водопользования.

Временные правила гласили:

«Вода в арыках, каналах и речках принадлежит казне; населению предоставляется право пользования ею для орошения».

Оставив, таким образом, за казной и царской администрацией право регулирования всех главнейших вопросов орошения и ирригационного режима, законодательство вместе с тем стремилось провести некоторое смягчение установленных принципов; в нем отмечается далее предоставление населению воды в главных арыках, ручьях и озерах в «пользование по обычаю» (статья 256 Положения об управлении Туркестанским краем).

Статье дано изложение, позволяющее толковать право пользования в том смысле, что собственником воды может быть не только казна, но и другие владельцы земли. Таким образом, с одной стороны, вода в арыках, каналах и речках признавалась в пределах Туркестанского края собственностью казны, а с другой,— «пользование водой было предоставлено населению по обычаю».

«Временные правила» были встречены населением неодобрительно, так как противоречили сложившимся и ставшим обычными отношениям. Согласно правилам лишь царской администрации было предоставлено право распо-

ряжаться по своему усмотрению водой, остающейся после удовлетворения потребностей землевладельцев; местное же население оказывалось тем самым ограниченным в праве сооружения арыков и проведения воды из рек, озер и других источников на новые, еще не орошаемые земли.

Невзирая на эти дополнения, сразу же сказался основной порок «правил» — тенденция чрезмерной регламентации властью всего распорядка водопользования.

Если к этому прибавить коренную ломку установленной обычаем системы водного управления, а именно замену выборных должностных лиц водного управления (арык-аксакалов, мирабов) назначаемыми и подчиненными заведующему ирригацией чиновниками, то станет ясно, что правилами Кауфмана как раз ломались основы обычного порядка водопользования и водоуправления. Вместо прежней традиционной системы ими вводилось полицейское управление водным хозяйством, чуждое по духу местному населению.

«Временные правила» вызвали глубокое недовольство местного населения и просуществовали лишь четыре года. В 1882 г. они были отменены.

Значение нормы, регулирующей водные отношения, снова было придано традиции (обычаю), что подтверждалось и самим Положением об управлении краем, ст. 256 которого определяла, что вода предоставлялась населению в пользование по обычаю. Закрепляя юридически существующий порядок пользования водой, Положение, однако, стремилось все же усилить влияние на водное дело администрации, зависевшей от царского правительства. Так, сохраняя выборность мирабов населением (ст. 107), Положение вводит назначение арык-аксакалов генерал-губернатором, а при наиболее развитых оросительных системах учреждаются особые должности по заведованию ирригацией. В качестве высшего уездного органа управления уездный начальник также являлся и органом управления ирригацией. Круг деятельности заведующих ирригацией ограничен рамками обычного права и техническими функциями[1].

С 80-х годов водная политика царского правительства начинает коренным образом изменяться.

[1] *Г. Н. Черданцев.* Водное право Туркестана в его настоящем и проектах ближайшего будущего. Ташкент, 1911, стр. 27.

Торговый и промышленный капитал стал постепенно проникать в край, учтены были возможности использования ресурсов Туркестана для развития центральной промышленности России и для колонизационных целей. Водному делу в Туркестане ставятся совершенно иные задачи, далеко выходящие за рамки местного водопользования. Возникла необходимость орошения новых земель, строительства крупных ирригационных сооружений для развития хлопководства, создания в Туркестане крупного ирригационного хозяйства — все эти задачи не могли получить своего разрешения, пока действовал обычный порядок водопользования, обычный водный закон.

Крупный капиталист-предприниматель, затрачивавший значительные средства на ирригацию, не хотел ставить себя в зависимость от шатких оснований обычного водопользования. Он требовал для себя твердых, основанных на законе, гарантий постоянного пользования водой. Обычный закон не мог этого обеспечить. Для нормирования вновь возникавших правоотношений требовался новый закон, прочно утверждающий право на воду, — писаный и для всех обязательный закон.

Потребность в скорейшем издании нового водного закона сознавалась уже в начале XX века, и на реальную почву вопрос был поставлен в 1907 г., когда на происходившем в декабре этого года в Ташкенте специальном съезде гидротехников было констатировано хаотическое состояние водного законодательства. О необходимости издания закона говорилось затем и в центре на нескольких совещаниях, происходивших в 1907, 1908, 1909 гг.

В 1910 г. было начато составление проекта водного закона. Составленный в центре, он был рассмотрен на многих совещаниях отдельных организаций и на совместных совещаниях под председательством генерал-губернатора, в междуведомственной комиссии и, наконец, поступил на окончательное рассмотрение междуведомственного совещания, откуда и должен был быть внесен в Государственную думу.

Проект водного закона не был утвержден и, следовательно, не получил применения. Однако он представляет собою большой интерес с точки зрения оценки тех изменений, которые произошли в экономической политике царского правительства. Проект закона наиболее рельефно отразил различные взгляды того времени по вопросам водного права.

Он составлялся в эпоху расцвета промышленного капитализма и должен был привести к широкому использованию частного капитала в ирригационном деле.

Вокруг этого проекта в свое время возникла дискуссия, соответственно отраженная в печати[1].

Орошение новых земель в Средней Азии для более широкого развития хлопководства и подъема местной экономики составляло задачу первостепенной государственной важности.

Для осуществления этой задачи одной казной потребовалось бы ассигнование нескольких сот миллионов рублей, что по состоянию бюджета было невозможно. Самым целесообразным представлялось в этих условиях привлечь к указанным работам частных предпринимателей с их значительными капиталами.

В Главное управление землеустройства и земледелия поступило 21 заявление от частных предпринимателей, изъявивших желание оросить пустующие земли Туркестана. Из этих заявлений-предложений, весьма различных по характеру и значению предполагаемых работ и условиям их выполнения, особо следует отметить заявления: уполномоченного группы представителей московской хлопчатобумажной промышленности инженера-технолога А. И. Кузнецова, предложившего оросить на частные средства до 300 000 дес. земли в Ферганской области; Панкова-Воейкова об орошении 80 000 десятин земель в Голодной и Дальверзинской степи; кн. Лобановой-Ростовской об орошении 22 800 дес.; инженера фон-Габера об орошении 50 000 дес. земель в Голодной степи[1]; военного инженера М. Н. Ермолаева, пытавшегося осуществить использование вод Аму-Дарьи для орошения земель Закаспийской области.

[1] *С. П. Покровский.* Развитие водного права в Средней Азии. «Вестник ирригации», 1926; *Н. Синельников.* Упорядочение водного хозяйства в связи с колонизацией орошаемых площадей. «Вопросы колонизации», 1910, №4; *Ор. Шкапский.* Организация водного хозяйства в Туркестане. «Вестник Европы», 1914; *Г. Чиркин.* Водное право, как основа колонизации и культурно-капиталистических предприятий Туркестана. «Торгово-промышленная газета», 1909, №256; *Г. Чиркин.* Водный закон. «Туркестанский курьер», 1909, №262—263; *Г. Гинс.* Основные начала проекта водного закона. «Вопросы колонизации», 1911; № 8, *Его же.* Действующее водное право Туркестана и будущий водный закон. «Вопросы колонизации», 1910, № 7.

Статьи эти отражают борьбу феодально-помещичьих и буржуазных тенденций в деле орошения земель Туркестана в видах развития хлопководства.

В отличие от других концессионеров, ходатайствовавших об отводе им государственных земель для орошения и ограничивавшихся лишь указанием территорий, намечавшихся для орошения, полковник Ермолаев не только произвел на собственные средства изыскания и составил схематический проект вывода вод из Аму-Дарьи для орошения земель Мервского и Тедженского оазисов, но и опубликовал результаты своих изысканий в виде книги: «Пропуск вод р. Аму-Дарьи в Мервский и Тедженский оазис с целью орошения 516 000 дес. земель в восточной части Закаспийской области».

Совещание 15 июня 1907 г. под председательством начальника инженеров военного округа, ознакомившись с предложением департамента земледелия об отводе казенных земель под орошение, пришло к следующим основным положениям:

1) о необходимости предоставить оживление земель путем устройства орошения частным лицам, обществам, не исключая и иностранных капиталистов;

2) для этого необходимо предоставление предпринимателям как различного рода льгот, так и содействие со стороны правительства и должностных лиц;

3) без этих главных условий пустынные пространства будут оставаться такими же мертвыми, какими они оставались до сего времени[2].

Что касается основных условий привлечения частного капитала в дело орошения, то совещание высказалось за нежелательность каких бы то ни было ограничений, «могущих затормозить оживление пустующих земель, не приносящих пока как населению, так и казне пользы» (ограничение площади орошения 50 тыс. дес., ограничение срока действия концессии, запрещение посева риса, право на возобновление аренды и т. д.). Однако совещание высказало также мнение о том, что «привлечение частного

[1] *Ор. Шкапский.* К вопросу об орошении земель в Туркестане. (По поводу проекта привлечения частных капиталов для орошения свободных земель). Спб, 1909, стр. 5.

[2] «Туркестанское сельское хозяйство», 1907, № 8.

капитала не должно с государственной точки зрения исключать возможности для государства вопроса колонизации края и участия в орошении земель за счет средств казны».

Состоявшееся в Москве (июнь 1909 г.) совещание по вопросу об орошении земель в Туркестанском крае также высказалось за необходимость привлечения к делу орошения пустующих земель частных предпринимателей.

Все это побудило главноуправляющего земледелием и землеустройством А. В. Кривошеина распорядиться о разработке соответствующих проектов закона об орошении земель частными предпринимателями и проектов договоров по крупным и мелким оросительным предприятиям.

В процессе обсуждения этих проектов выяснились точки зрения правительства и частных капиталистов.

На междуведомственном совещании по вопросу об орошении земель в Туркестане 5 июня 1908 г., под председательством Кривошеина с участием представителей промышленности, частные капиталисты в лице Г. А. Крестовникова в основу концессионных договоров положили тип концессии в виде оросительных компаний, которым предоставлялось право распродажи орошаемых участков, т. е. передачи их не в аренду, а в собственность отдельным лицам.

Таким образом, предприниматель мог, не затрачивая очень крупных капиталов, путем продажи орошаемых земель и возмещения таким путем затраченных средств, продолжать дальнейшее орошение участков[1].

[1] ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, оп. 27, д. 1723в., лл. 2—4.
Совещание было созвано главноуправляющим землеустройством и земледелием Кривошеиным летом, 4—5 июня 1908 г., при участии представителей министров императорского двора, финансов, торговли и промышленности, путей сообщения, внутренних дел, государственного контроля и от промышленности—члена Государственного совета, председателя Московского биржевого комитета Г. А. Крестовникова, барона А. А. Кион и полковника М. Н. Ермолаева. Поэтому совещание именовалось «Междуведомственное совещание об орошении земель в Туркестанском крае и Закавказье в видах развития районов хлопководства». Совещание пришло к заключению:
«В целях оживления пустующих земель Туркестанского края и Закавказья, пригодных для развития хлопководства, безотлагательно приступить к более широкой постановке оросительного дела в названных местностях, как путем непосредственных правительственных мероприятий, так и в особенности посредством привлечения к этому делу частных предпринимателей» («Вопросы колонизации», 1910, № 6, стр. 438—439).

Признание права собственности на орошенные участки выражало сущность позиции капиталистов.

Правительство разделяло эту точку зрения и считало со своей стороны, что «начало частной собственности, несомненно, явится в данном случае, как и во всех других отраслях народного хозяйства, главным двигателем, обеспечивающим затрату необходимых денежных средств и труда». Поэтому, по мнению Кривошеина, «не должно встретиться препятствий к проведению этого начала и в применении к оросительным устройствам».

Несмотря на различные точки зрения по вопросу об орошении земель Туркестана, общая идея сводилась к тому, что орошением должны заниматься и государство, и частный капитал, так как в развитии хлопководства интересы царского правительства и торгово-промышленной буржуазии совпадали. Эту общую политику в деле орошения новых земель очень ярко выразил сам Кривошеин:

«...Нельзя не отнестись с невольным недоумением к нередким у нас спорам о том, казне или частным предпринимателям следует предоставить орошение Туркестана.

Оросить можно еще не менее 3 млн. десятин, с затратою нескольких сот миллионов рублей. Казалось бы, и казне и частным предпринимателям открывается достаточно широкое поле деятельности. Даже при совместных усилиях достижение цели растянется на десятилетия.

Одной казне взять на себя все орошение Туркестана немыслимо. Но, с другой стороны, трудно согласиться с теми, кто видит выход в отстранении казны от этого дела и в привлечении к нему исключительно частной предприимчивости, «по примеру Америки». Прежде всего, и в Америке много было сделано в области орошения федеральною властью и отдельными штатами. А затем, в России нет того обилия предприимчивых, вооруженных энергией, инициативой и техническими знаниями капиталистов, которые есть в Соединенных Штатах. Нет у нас и того класса крепких фермеров, которые обычно являются там покупателями орошенных земель у частных компаний и возвращают им наличными деньгами, с лихвой, все затраты. При таких условиях американская постановка дела на поверку оказалась бы иллюзией, за которой скрывается та же русская действительность. «Америки без американцев» искусственно сделать нельзя.

С другой стороны, орошение и заселение пустынных земель имеет для нас не одно только экономическое значение, как в Америке, но и политическое: укрепление русских людей на окраине. Поэтому сохранить, в известных пределах, преимущественное право распоряжения орошенной землей за государством необходимо»[1].

Этими общими соображениями и определено было принципиальное решение вопроса об орошении и привлечении к нему частного капитала.

А. В. Кривошеин предлагал, кроме того, в соглашениях с предпринимателями включить и другие условия: подчинение каждого предприятия общему плану орошения Туркестана и техническому контролю казны, соблюдение им плановой нормы расхода воды, переход в казну по истечении срока концессии оросительных сооружений, соблюдение порядка раздела орошаемых земель между казной и частными предпринимателями; установлением правил использования ими доставшейся им части земель (предельная арендная плата и такса на воду и т. п.)[2].

При составлении проекта водного закона точку зрения частного капитала и правительства необходимо было увязать с существовавшим в Туркестанском крае обычным водным правом, не допускавшим распоряжения водой отдельно от земли.

При разрешении этого вопроса учитывались следующие обстоятельства, а именно:

1) нормы обычного права обязательны лишь в применении к уже существующим оросительным системам туземного населения и они, следовательно, не могут иметь применения при устройстве новых оросительных сооружений на казенных землях, где казна является хозяином;

2) нормы обычного права уже претерпели существенные изменения, так как право на воду уже передается из рук в руки, продается, переходит по наследству и вообще является предметом юридических сделок;

3) в Туркестанском крае имеются уже, наряду со старыми владениями, частные хозяйства, возникшие на купленных землях, и эти хозяйства сдают и продают другим лицам не только отдельные участки земли, но и право пользования водой;

[1] *А. В. Кривошеин.* Записка..., 1912, стр. 37—38.
[2] Там же, стр. 40.

4) право казны на распоряжение водой новых оросительных систем вытекает из самого факта оживления ранее пустовавших земель[1].

Невзирая на эти основания, привлечение частного капитала заставило выдвинуть вопрос об изменении самого Положения об управлении Туркестанским краем, которым определялось, что вода предоставляется населению в пользование по обычаю.

Этому праву населения на воду противопоставлялась точка зрения берегового права: свободно текущие в реках воды, не принадлежащие береговым владельцам по береговому праву, находятся в распоряжении государства, и право его в этом отношении не может быть ограничено и в Туркестанском крае, где большая часть земель остается к тому же собственностью казны. Положение же об управлении Туркестанским краем предусматривает лишь сохранение за местным населением фактического водопользования, поскольку последнее освящено обычаем, а, следовательно, оставшаяся по удовлетворении фактических потребностей свободная вода может быть использована государством так, как оно признает наилучшим.

Возникал, однако, другой вопрос, а именно: «как быть с укоренившимся воззрением населения о том, что «земля и вода слиты вместе, кто владеет водой, тот владеет и землей»? Могут ведь ныне образоваться компании, имеющие своей задачей только одни оросительные работы. В таком случае, по мнению правящих кругов, необходимо было установить в законе право распоряжения водой отдельно от земли при выполнении новых оросительных работ. Таким образом, и частное владение в крае землей должно было, в связи с введением концессий, получить существенное ограничение.

Как видим, привлечение частного капитала в дело развития орошения затрагивало основы водного права и требовало издания нового водного закона, который выражал бы изложенную выше точку зрения правительства и капиталистов.

Четверть века говорили о водном законе для Туркестанского края, но закон так и не был принят, водохозяйственные проблемы Туркестана остались нерешенными, а

[1] *Е. П. Покровский.* Развитие водного права в Средней Азии. „Вестник ирригации", 1926, стр. 7.

привлечение к орошению частного капитала, участие его в развитии ирригации свелось к нулю. Отечественные промышленные круги не обнаруживали большого стремления вкладывать свои капиталы в орошение новых хлопковых земель, так как орошение земель оказалось делом весьма сложным и требовало больших капиталовложений. Русские же капиталисты привыкли извлекать крупные прибыли более легким способом. Если и появлялись претенденты на получение в концессию государственных земель, вступавшие по этому поводу в переговоры с министерством земледелия, то дело не продвигалось дальше разговоров о всевозможном облегчении условий и предоставлении разнообразных льгот.

Не был привлечен к орошению и иностранный капитал, хотя представители иностранного финансового мира и предлагали свои услуги. Поступило, например, предложение представителей американских финансистов об образовании Русско-Американского акционерного общества для орошения земель в Голодной степи. Но руководители министерства земледелия были тогда настроены очень оптимистически относительно своих собственных возможностей орошения Голодной степи, и поэтому это предложение не было принято. Практическая же организация оросительных работ в Туркестане не двигалась. Зато об орошении Туркестанского края в течение полувека тянулись бесконечные переговоры, неоднократно разрабатывались законодательные предположения по этому вопросу, выдвигались грандиозные планы и технические проекты орошения, но все они остались неосуществленными. За 50—60 лет управления краем не было сделано ничего существенного в деле орошения Туркестана, за исключением двух оросительных сооружений, и то относительно скромного масштаба:

1. Сравнительно крупное оросительное сооружение было построено в мургабском (река Мургаб) царском имении; оно дало возможность оросить 25 тыс. дес. земли.

2. Канал им. Николая I в Голодной степи, построенный по почину Н. К. Романова, оросивший до 12 тыс. дес.

Вот, собственно, и все, что было сделано в области орошения за время колониального господства царской России в Средней Азии[1].

[1] Подробнее об орошении см. ниже, в главе четвертой.

* * *

Главнейшей проблемой экономической политики царской России в Средней Азии было развитие хлопководства, использование ее как сырьевой и прежде всего хлопковой колонии, проблема создания «второго Туркестана».

Сам Кривошеин следующим образом сформулировал задачи этой политики: «Вопрос этот является для края, по вынесенному теперь мною твердому убеждению, действительно центральным, и в нем не одна, а три основных грани. Если на одной из этих граней, ярче всего теперь освещенной русским общественным мнением, стоит надпись «хлопок», то на другой начертано «орошение», а на третьей, пока еще затененной, но, быть может, важнейшей, — «русское заселение».

Обычно, когда говорят о развитии хлопководства в Средней Азии, то его непременно связывают с хлопковым кризисом, вызванным гражданской войной в США в 60-х гг. XIX века. Однако не хлопковый кризис явился решающим фактором бурного роста хлопководства Туркестана в конце XIX века, хотя он и был одной из специфических причин, ускоривших в свое время развитие хлопководства.

Решающим фактором роста хлопководства безусловно являлась заинтересованность русского промышленного капитала в развитии собственного, «отечественного» хлопководства, стремление создать собственную хлопковую базу для быстро растущей русской текстильной промышленности и избавиться от импорта иностранного хлопка.

Немаловажное значение в развитии хлопководства имело железнодорожное строительство и таможенная политика правительства. Две главные причины определяли таможенную политику царского правительства: стремление создать собственную хлопковую базу для развивавшейся в России текстильной промышленности, и второе — финансовые соображения.

Для покровительства развитию отечественного хлопководства правительство обложило привозной иностранный хлопок пошлиной, причем эта пошлина все время возрастала. Если с 1864 по 1878 г. ввозимый в Россию хлопок совершенно не облагался пошлиной, а с 1879 по 1886 г. облагался лишь в размере 40—45 коп. с пуда, то уже в 1887 г. пошлина увеличилась до 1 руб. 15 коп. и, непрерывно

повышаясь в дальнейшем, достигла в 1903 г. 4 рублей с пуда[1].

В. И. Масальский в своей «Записке», оценивая значение покровительственной политики правительства в развитии хлопководства, писал: «Хлопководство стало быстро развиваться в Туркестане в пределах орошаемых земель, вытесняя другие культуры. Могучим стимулом к этому развитию явилась покровительственная пошлина на привозимый из-за границы хлопок, пошлина с 1 р. 20 к. в 1891 году была доведена в 1903 году до 4 р. Под охраной обложения наше хлопководство достигло пышного расцвета и стало давать такое количество волокна, которое покрыло сначала треть, а затем половину всей нашей потребности в сырье»[2].

Русская буржуазия была, конечно, заинтересована в сохранении этой статьи таможенных тарифов, и когда были предприняты попытки к отмене пошлины, она против этого энергично протестовала и настойчиво требовала от правительства сохранения покровительственной пошлины.

Большое значение для развития хлопководства имело и проведение на средства казны Закаспийской (1886), Оренбургско-Ташкентской (1906) и Ферганской (1912) железных дорог. Если строительство среднеазиатских, в особенности Закаспийской, железных дорог имело главным образом военно-стратегическое значение, то не меньшее значение оно имело и для развития хлопководства, усиления экономического влияния метрополии и развития товарооборота между метрополией и колонией.

Строительство железных дорог облегчило массовый вывоз из Средней Азии сырья и ввоз значительного количества сравнительно дешевого хлеба и хлопчатобумажных тканей и усилило в дальнейшем превращение Средней Азии в район хлопковой монокультуры.

Так, за 7 месяцев 1888 г. было перевезено товаров из Европейской России в Среднюю Азию на сумму 607622 руб., из среднеазиатских ханств в Европейскую Россию — на 234 068 руб.[3]

[1] Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, стр. 100.

[2] *В. И. Масальский.* Хлопковый вопрос. «Московские ведомости», 1912, №№ 114—116.

[3] ЦГИА УзССР, ф. 269, д. № 13, л. 54.

Рост железнодорожных перевозок можно показать хотя бы на примере перевозки хлопкового масла из края по двум железнодорожным линиям (Ташкентско-Оренбургской и Закаспийской):

1906 г. —	566 878 пудов	1911 г. —	1 772 186 пудов
1907 г. —	525 685 „	1912 г. —	2 382 818 „
1908 г. —	569 733 „	1913 г. —	2 115 119 „
1909 г. —	1 102 876 „	1914 г. —	1 789 889 „
1910 г. —	1 575 980 „	1915 г. —	2 426 298[1] „

В 1915 г. из Туркестана было вывезено прямым сообщением со станций Среднеазиатской железной дороги 4 086 пудов, дорогами же местного сообщения было перевезено 889 077 пудов хлопковых семян.

В 1915 г. за пределы Туркестанского края по Среднеазиатской дороге было вывезено жмыха 126 822 пуда[2].

Третьим мероприятием, проведенным царским правительством в целях развития «отечественного хлопководства», явилось установление значительных льгот в налоговом обложении. Как известно, согласно Положению 1886 г. обложение дохода от полеводства в Средней Азии производилось путем исчисления валового дохода по всем культурам, а при издании Положения 1900 г. к статье 290 было сделано примечание, которое следующим образом устанавливает обложение посевов американского хлопчатника: «Средняя валовая доходность земель, занятых посевами американского хлопка, отдельно не исчисляется, и земли эти облагаются государственным поземельным налогом в одинаковом размере с орошаемыми посевами».

И, наконец, существенное значение в развитии хлопководства имело повышение цен на хлопок, которые временами бывали исключительно высокими. Так, до начала 1860-х годов пуд среднеазиатского хлопка стоил 4—6 руб., в 1861 г. — 7 руб. 50 коп., в 1862 году — 12—13 руб., в 1866 г. — 24 руб. (повышение, вызванное хлопковым голодом).

Все эти мероприятия правительства безусловно способствовали развитию среднеазиатского хлопководства. Дос-

[1] ЦГИА УзССР, ф. 90, д. № 1, л. 27.

[2] Там же.

таточно указать на движение роста посевных площадей под хлопчатником и выхода хлопкового волокна:

1884 г.	372 дес.	(первый посев хлопчатника в Ташкентском уезде)
1888 „	68 650 „	
1898 „	152 078 „	
1900 „	234 274 „	
1910 „	324 790 „	
1913 „	426 381[1] „	

Наиболее резкий рост посевов хлопчатника был в последние годы перед революцией, что подтверждается следующими данными:

В 1915 г. под посевами хлопчатника было 523 614 дес.
„ 1916 г. „ „ „ „ 533 671 „[1].

Соответственно увеличился и сбор хлопка.

Хлопка-сырца было собрано:

В 1884 г.	100 пудов	(10 кип американского хлопка, впервые вывезенного из Средней Азии московским купцом Кудриным),
„ 1888 г.	873 600 „	
„ 1890 г.	2 673 270 „	
„ 1896 г.	3 500 000 „	
„ 1907 г.	10 700 000 „	

Невзирая на значительное развитие хлопководства, оно все же не достигло того уровня, который обеспечил бы полностью потребности России в хлопке. Удовлетворение этой потребности оказалось невозможным, так как на пути дальнейшего развития хлопководства встали неодолимые трудности.

В трех официальных документах того времени раскрываются причины падения хлопководства и указываются пути его дальнейшего развития. Это:

а) Записка главноуправляющего земледелием и землеустройством статс-секретаря Кривошеина,

б) Записка кн. Масальского «Хлопковый вопрос» и

в) решения I и II съездов деятелей по сельскому хозяйству Туркестанского края (1909 и 1911 гг.).

Первая и основная причина, задерживавшая дальнейшее развитие хлопководства, заключалась в отсутствии новых

[1] *А. П. Демидов.* Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности Туркестана. М., 1926, стр. 43.

орошенных земель, годных для возделывания хлопчатника, в невозможности дальнейшего развития хлопководства за счет существующих фондов орошаемого земледелия, так как посевы хлопчатника занимали уже в среднем около 20% всей орошаемой площади, достигая местами от 50 до 90% (Ферганская область). При таких условиях надеяться на значительное развитие хлопководства без нового орошения, без расширения орошаемой площади было невозможно, а дальнейшее вытеснение продовольственных культур, при условиях высоких цен на хлеб и корма для скота, ставило бы хлопководство в крайне невыгодное экономическое положение и подрывало бы основы хлопковой политики русских помещиков и капиталистов.

Однако рост текстильной промышленности, вызвавшей естественное стремление к созданию собственной хлопковой базы, настоятельно требовал развития хлопководства. Первой мерой для достижения такой цели считалось орошение новых земель. «Я решительно высказываюсь — писал Кривошеин — только против мысли обойтись, при помощи этих мер (речь идет об обеспечении края дешевым хлебом, строительстве железных дорог, мелком сельском кредите и агропомощи — *А. А.*), без новых оросительных работ в Туркестане. Ни железная дорога, ни кредит, ни тем более агрономия—орошения новых площадей не заменят...

Учитывая неизбежное и в будущем увеличение спроса на хлопок, нельзя не прийти к заключению, что без орошения новых земель нам всего нужного количества хлопка не добыть. Попытки разрешить вопрос различными окольными и упрощенными путями, без применения той главной силы, которая прямо и в самом корне его разрешает, должны быть признаны тщетными»[1].

Кривошеин видел большие возможности орошения новых земель. Он считал, что имеющейся в запасе водой можно оросить в одних только хлопковых районах не менее 3 млн. десятин земли, т. е. площадь, равную существующему орошаемому Туркестану, как бы создать «второй Туркестан». Предполагая, что под хлопчатник занята треть поливной площади, он рассчитывал на получение путем нового орошения около 1 млн. дес. хлопковых посевов примерно 18—20 млн. добавочных пудов волокна, что вполне удовлетворило бы потребности страны в хлопке

[1] *А. В. Кривошеин.* Записка..., стр. 27—28.

и обеспечило бы окончательное вытеснение американского ввоза.

Второй важной причиной, препятствовавшей развитию хлопководства, был недостаток и дороговизна хлеба и кормов в тех районах, где хлопчатник занял подавляющую часть поливных земель. Создавалось крайне тяжелое продовольственное положение, в результате чего цены на хлеб и на корм настолько повысились, что культура хлопчатника становилась невыгодной, положение хлопкоробов крайне ухудшилось, в силу чего многие хлопкоробы вынуждены были перейти к производству хлебных и кормовых культур. Кроме того, постоянное использование орошаемых земель под хлопчатник, при отсутствии севооборота и низкой агротехнике, привело к истощению хлопковых земель. Все это вместе взятое сильно сократило посевы хлопчатника и снизило урожайность Следовательно, дальнейшее развитие хлопководства в значительной степени зависело от снабжения Туркестана дешевым хлебом, — хлеб стал тормозом в развитии хлопководства. Поэтому царское правительство, земельные органы видели в хлебной проблеме (в расширении посевов хлопчатника за счет хлебных культур) решение хлопковой задачи. Такое мнение отчетливо сформулировали Кривошеин, Масальский и «Съезд деятелей сельского хозяйства Туркестана». По их мнению, развитие хлопковых плантаций на землях, уже орошенных, далеко не достигло еще крайних, последних пределов. Оно может и должно еще усилиться за счет дальнейшего сокращения зерновых посевов на орошаемых землях. Кривошеин писал:

«Такое направление хозяйственной жизни края с общегосударственной точки зрения совершенно естественно и разумно... Каждый лишний пуд туркестанской пшеницы — конкуренция русской и сибирской пшенице; каждый лишний пуд туркестанского хлопка — конкуренция американскому хлопку. Поэтому лучше дать краю привозной, хотя бы и дорогой хлеб, но освободить в нем орошенные земли для хлопка»[1].

Решающим условием обеспечения Туркестана хлебом считалось создание в степной части Туркестана и Сибири специализированного хлебного района и соединение его

[1] *А. В. Кривошеин.* Записка..., стр. 7.

с хлопковыми районами путем строительства железной дороги Арысь — Верный, связывающей коренной Туркестан с Семиречьем, а также строительства еще более важной Туркестано-Сибирской магистрали: Верный — Семипалатинск—Петропавловск. Только эта линия — отмечал Кривошеин — окончательно и прочно обеспечит Туркестан дешевым продовольствием южной Сибири и освободит от производства дешевого хлеба земли, «как бы природой предназначенные для хлопка». Главной хлебной житницей Туркестана должны быть, по его убеждению, Семиречье и богарные земли самого края[1].

В числе других причин, задержавших развитие хлопководства, следует отметить недостаток рабочих рук, так как высокоинтенсивное хлопковое хозяйство, основанное на примитивной технике, поглощало много рабочей силы; затем почти полное отсутствие агротехнической помощи и отсутствие правительственной организации мелкого крестьянского кредита. В качестве меры для устранения этих помех правительству предлагалось:

а) обеспечить приток в край новой рабочей силы или же механизацию труда; при этом выдвигалось даже предложение о ввозе рабочих из Кашгара и Афганистана, но «Съезд деятелей сельского хозяйства Туркестана» высказался против использования этих рабочих[2];

б) взять в свои руки инициативу кредитования хлопкоробов путем государственной организации мелкого крестьянского кредита. В этом духе высказался и «Съезд деятелей сельского хозяйства»[3];

в) организовать агрономическую помощь хлопководству (улучшение семенного материала, введение машинной обработки, отмена льготного тарифа на вывоз семян и жмыхов и т. д.).

Определяя задачи царского правительства в Туркестане, Кривошеин писал о необходимости орошения земель и русского заселения. Эти задачи сливались в одну: последовательное и упорное «создание нового, русского

[1] *А. В. Кривошеин.* Записка..., стр. 11—12.

[2] Фактически в XX в. в основные районы хлопководства, в частности Фергану, ежегодно наблюдался в летние месяцы прилив сельскохозяйственных рабочих-отходников из Кашгара (кашгарлыки), достигавший в предвоенные годы 60—70 тыс. человек.

[3] Труды I и II съездов деятелей сельского хозяйства Туркестана, 1909—1911 гг., Ташкент, стр. 15—16.

Туркестана», который даст России весь нужный хлопок и много иных экономических и политических выгод.

Для решения этой задачи считалось необходимым осуществить следующие основные мероприятия:

1. Постепенно распространить оросительные работы в Туркестане на всю доступную для орошения площадь (3 млн. десятин); при этом сначала следует улучшить существующие ирригационные системы, использовать воды Сыр-Дарьи в уже проверенных хлопковых районах. Орошение, несмотря на большие затраты, даст громадный экономический эффект, так как удвоит производительную площадь Туркестана, откроет возможность переселения в край полутора миллионов русского населения и с избытком обеспечит хлопком русские фабрики.

2. Привлечь к работам по орошению частный капитал с обеспечением за государством части орошенной площади, что может быть достигнуто на основе соответствующих правил, подлежащих законодательному утверждению.

3. Дать краю, вся хозяйственная жизнь которого зависит от условий пользования водой, водный закон.

4. Все вновь орошенные государством (или передаваемые государству) земли предоставить русским переселенцам. Правила об отводе орошенных земель переселенцам должны быть основаны на началах передачи земель за плату в единоличное владение, с последующей передачей земель в собственность после предварительного использования переселенцами части площади под хлопчатник.

5. Ускорить постройку дороги Арысь — Верный, которая свяжет Туркестан с Семиречьем, обеспечит край дешевым привозным хлебом и позволит использовать под хлопчатник часть орошенных земель, ныне занятых посевами хлебов. В дальнейшем желательно продолжить эту дорогу на север к Алтаю, т. е. построить Туркестано-Сибирскую магистраль.

6. Безотлагательно обсудить вопрос об организации при содействии Государственного банка мелкого кредита хлопководам, создав сеть кредитных товариществ.

7. Обсудить вопрос о распространении на Туркестан деятельности Крестьянского поземельного банка. Поступление на рынок орошенных земель и юридическая возможность их приобретения создавали условия для перехода части земель к русским переселенцам «в самом центре мусульманского Туркестана».

8. Усилить агрономическую помощь, чрезвычайно полезную в Туркестане и особенно важную в будущем для русского заселения, поставив следующие практические задачи:

а) выработку надежных и выгодных приемов сухого богарного земледелия, дающего возможность освободить орошенные земли для более ценных культур;

б) подбор семян скороспелых сортов хлопчатника, позволяющих этой культуре продвигаться на север;

в) введение в хозяйственный обиход края машинной обработки хлопковых плантаций, сокращающее потребность в рабочих руках.

9. Дать краю отвечающую его потребностям сельскохозяйственную школу[1].

Такова была программа, разработанная земельными органами царской России для дальнейшего развития «отечественного хлопководства».

Программа эта не получила осуществления. Хтоя среднеазиатский хлопок в 1912 г. обеспечивал почти 50% потребности текстильной промышленности метрополии, тем не менее проблема хлопка не была решена. Россия 50% своей потребности в хлопке продолжала удовлетворять привозным хлопком, хлопковая независимость не была обеспечена.

Намеченная программа орошения оказалась непосильной для правительства и общественных организаций русских помещиков и капиталистов. «Второй Туркестан» не был создан.

Одной из главных причин провала хлопковой политики царского правительства является чрезвычайно тяжелое положение дехкан, трудоемкость и малодоходность возделывания хлопчатника в условиях мелкого дехканского хозяйства, отсутствие экономического стимула у дехканских масс в повышении производительности труда.

Решающие причины провала хлопковых и иных экономических мероприятий царизма состояли в коренной порочности всей его колониальной политики, в частности в издольной колониальной эксплуатации парцеллярного дехканского хозяйства, и вообще в невероятно тяжелой эксплуатации дехкан со стороны промышленной и торгово-ростовщической буржуазии и местных феодалов и капиталистов.

---

[1] *А. В. Кривошеин.* Записка..., стр. 80 — 82.

Одной из коренных проблем экономической политики царской России в Средней Азии была проблема колонизации, заселения ее русскими переселенцами, для смягчения аграрного вопроса в самой империи.

Обширная территория Туркестанского генерал-губернаторства, включавшая в себя, кроме так называемых коренных областей (Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской), области Семиреченскую и Закаспийскую, рассматривалась царским правительством как важнейший район колонизации.

В. И. Ленин писал:

«Как известно, на переселение крестьян правительство и контрреволюционные партии возлагали особенно большие надежды. Оно призвано было, по мысли всех контрреволюционеров, если не разрешить радикально, то, по крайней мере, значительно притупить и обезвредить аграрный вопрос. Вот почему переселение особенно стало рекламироваться и всячески поощряться именно при приближении, а затем при развитии крестьянского движения в Европейской России»[1].

Однако переселение в Туркестан происходило неравномерно и отношение к нему царского правительства характеризуется постоянными колебаниями — то признанием и поощрением переселения, то его запрещением.

В истории переселенческой политики царизма в Туркестане можно отметить в основном три главных этапа:

1) период с 1868 по 1891 г.,

2) период с 1891 по 1897 г.— год официального закрытия Туркестана для переселения и

3) период с начала девятисотых годов до 1916 г.

Период с 1868 по 1891 г. характеризуется отрицательным отношением правительства к переселению и относительно слабым его развитием: так, с 1868 по 1883 г. в Семиреченской области было образовано лишь 36 русских поселений с водворением в них около 2500 семейств.

Проведение мероприятий по переселению в коренные области Туркестана русских переселенцев началось в 1870 г. Первые русские селения были образованы в б. Аулиеатинском уезде в 1874—1876 гг. К 1881 г. в крае

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 18, стр. 74.

существовало 6 поселков: 5 в Аулиеатинском и 1 в Ташкентском уезде.

Для устройства первых русских переселенцев не было выработано единого порядка, не существовало не только никаких законодательных норм, но даже изданных в административном порядке правил. Поселки устраивались почти всецело по усмотрению областной и уездной администрации. Все это не могло не отражаться тяжело на положении переселенцев и местного населения.

Лишь в 1885 г. были изданы первые законодательные акты, устанавливавшие правила водворения переселенцев в Туркестане. По этим правилам, к переселению в Туркестанский край было разрешено допускать исключительно русских подданных христианских вероисповеданий, принадлежавших к «состоянию сельских обывателей». Переселенцам было предложено отводить, с разрешения генерал-губернатора, участки из свободных государственных земель в размере не свыше 10 десятин на каждого работника.

В законе не было указано, надлежало ли в число 10 десятин включать лишь земли пахотные или вообще удобные. Равным образом не был определен рабочий возраст, дававший право на наделение землей.

Правительство, несочувственно относясь в то время к переселению крестьян из Европейской России в Азию, не оказывало никаких мер содействия устройству новоселов. Никаких особых органов для заведования делом образования русских поселков и их заселения создано не было. Правительственное содействие выразилось лишь в разрешении использовать небольшие суммы — остатки по смете Главного интендантского управления — для выдачи пособий переселенцам.

Такое отношение правительства к делу переселения имело своим следствием то, что самые важные вопросы жизни переселенцев оставались неразрешенными. Полная неуверенность новоселов в праве владения землей исключала возможность хозяйственного преуспевания образованных селений.

Но указанное положение дела не разрешало и другого важнейшего вопроса — урегулирования землепользования новоселов с правами на землю местного населения.

В итоге в течение первых 15 лет после образования в 1874 г. первого в Туркестане поселка число переселенцев

в крае было незначительно. В 1896 г. было образовано 25 поселков с населением около 1300 семей.

Но в 1891 и 1892 гг., в связи с усилением остроты малоземелья среди крестьян и постигшим Европейскую Россию неурожаем, в Туркестан нахлынула небывалая до того волна переселенцев, и администрации пришлось сразу устроить 17 новых поселков, так что в 1892 г. число водворенных в крае русских крестьян составило уже свыше 2500 семей.

В этот период — с 1891 по 1897 г. — царское правительство начинает проявлять интерес к переселенческому вопросу и оказывает переселению некоторое «правительственное содействие».

Правда, в следующие годы наплыв переселенцев в Туркестан заметно сократился. Тем не менее, царское правительство, напуганное волной переселенческого движения 1891—1892 гг., когда оно встретило серьезные затруднения в устройстве переселенцев из-за отсутствия пригодного для заселения земельного фонда, пыталось совершенно остановить прилив переселенцев в край. Царское правительство законом от 15 июня 1896 г. запретило переселение в Семиреченскую область. В 1897 г. генерал-губернатор издал приказ, запрещавший переселение крестьян в Туркестан вплоть до утверждения общего подробного плана колонизации и подготовки органами министерства земледелия и государственных имуществ, в точном соответствии с этим планом, пригодных для этого земель. Чтобы остановить приток в край крестьян из внутренних губерний, генерал-губернатор в 1898 г., не ограничиваясь запрещением переселения, обратился к министру внутренних дел с просьбой отдать распоряжение, чтобы в Астрахани и в других портах Каспийского моря не пропускались в Туркестанский край лица, не имевшие разрешения на переселение.

Таким образом, с 1896—1897 гг. Средняя Азия официально была закрыта для крестьянского переселения. Но и это крайнее средство не помогло. Переселенцы продолжали прибывать в край, и генерал-губернатор вынужден был распорядиться о принятии мер к отводу свободных земель для устройства переселенцев.

В этот период колонизации Туркестана, когда от местной администрации всецело зависело направление всего дела, — на нее было возложено и разрешение вопроса о земельном фонде для образования русских селений.

Приведенные выше законодательные акты 1886 г. не внесли в этот вопрос ясности. Они предписывали отводить переселенцам участки из «свободных государственных земель», но не указывали с достаточной ясностью, какие же площади в крае следует считать свободными для использования под переселение. А между тем, на основании Туркестанского Положения, в районах с оседлым местным населением предстояло еще закрепить этому населению состоявшие в его постоянном потомственном владении угодья и, следовательно, только по окончании работ по закреплению земель за местным населением можно было ожидать здесь выяснения свободной площади, подлежащей передаче в переселенческий фонд.

В пределах кочевых волостей, по Туркестанскому Положению, вся территория полностью состояла в пользовании кочевников, и здесь земли для переселенческих участков могли бы освободиться лишь после перевода кочевников на оседлость, что практически, как это указано выше, не было осуществлено.

Между тем, русские переселенцы в главной своей массе устремлялись именно в населенные кочевниками северо-восточные Чимкентский и Аулиеатинский уезды Сыр-Дарьинской области. Туркестанская администрация нашла «выход» из создавшегося положения в том, что для устройства каждого русского поселка входила в соглашение с кочевниками об «уступке» ими земли под поселок, притом иногда за денежное вознаграждение.

Такого рода сделки с кочевниками были незаконными. Действовавший в крае закон признавал земли, занятые кочевьями, государственными и, следовательно, кочевники не были правомочны распоряжаться принадлежавшими государству землями.

В начале 1900-х годов вопрос об урегулировании переселения в Туркестан был, наконец, поставлен правительством на очередь дня.

При военном министерстве была образована для рассмотрения вопроса особая комиссия, результатом работ которой было издание в 1903 г. в законодательном порядке правил о добровольном переселении «сельских обывателей и мещан» на названные земли в области Сыр-Дарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую.

Но и этими правилами не были созданы условия для упорядочения переселенческого дела в крае, а отсутствие

свободных орошаемых земель продолжало быть решающим препятствием к развитию переселенческого дела в Туркестане.

В. И. Ленин в «Аграрной программе социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» писал: ... «многие миллионы десятин и в Туркестане и во многих других местах России «ожидают» не только орошения и всякого рода мелиораций, они «ожидают» также освобождения русского земледельческого населения от пережитков крепостного права, от гнета дворянских латифундий, от черносотенной диктатуры в государстве»[1].

Местной администрации предлагалось довольствоваться «впредь до разрешения вопроса о назначении казенных земель, искусственно орошенных за счет государственного казначейства в Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областях», землями, состоящими в ведении министерства земледелия и государственных имуществ. Но таких земель в областях Туркестана еще не было, орошенные за счет государственного казначейства земли появились в Голодной степи лишь в 1914 г., да и то они требовали еще дополнительных работ по планировке и созданию мелкой оросительной сети, а в районах оседлого населения, там, где заканчивались поземельно-податные работы, в ведение министерства земледелия отходили лишь небольшие клочки земель. Таких земель в 1911 г. было всего 33 тысячи десятин.

Таким образом, вопрос об отводе земель переселенцам практически не был решен.

Вопреки официальному закрытию Туркестана для переселения накануне революции 1905 г. крестьянское переселение приняло массовый характер. Переселенцы направлялись главным образом в Семиреченскую область.

Из данных Семиреченского областного управления и канцелярии туркестанского генерал-губернатора следует, что в 1906 г. самовольных переселенцев насчитывалось в области 16 тыс., к 1907 г. число их возросло до 23 тыс[2]. В девятисотые годы и в особенности в период после революции 1905 г. происходило усиление массового крестьянского переселенческого движения.

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 13, стр. 229.
[2] Отчет К. Палена «Переселенческое дело», стр. 17.

Царское правительство в этот период активно направляет переселенческое движение, находя в этом один из способов решения «земельной тесноты» в центральной России и «разрешения» аграрного вопроса — ослабления революционного напора крестьянства на помещичьи земли.

Генерал-губернатором в 1906 г. было образовано Совещание, которому предложено было обсудить, каким образом устроить уже прибывших в край переселенцев и как организовать в крае образование переселенческих поселков вообще.

Постановления Совещания были одобрены генерал-губернатором и приведены в действие в части, относившейся к разрешению аренды. Однако на практике аренда земель у кочевников, имевшая весьма широкое применение и до 1906 г., по-прежнему сохраняла крайне беспорядочную форму, ничего общего не имевшую с намеченной постановлениями Совещания, так как малочисленная уездная администрация оказалась не в силах наблюдать за каждым отдельным случаем аренды. При невозможности же удовлетворения земельной нужды переселенцев в районе наибольшего их скопления урегулированием аренды у кочевников естественно возникла необходимость привести в исполнение другую намеченную Совещанием, испытанную уже на долгом опыте меру, — устраивать переселенцев на землях, которые при посредстве администрации могли быть изъяты для этого у кочевников.

Такова была постановка вопроса об устройстве переселенцев в Туркестане и таково было положение переселенческого дела в крае ко времени начала работы вновь образованной Сыр-Дарьинской статистической партии, состоявшей в ведении министерства земледелия и государственных имуществ.

Всего с 1874 г. (когда было устроено первое русское поселение) до 1906 г., т. е. за 21 год, туркестанской администрацией было образовано 65 русских поселков.

Наибольшее число поселков оказалось в Сыр-Дарьинской области, куда, как мы уже сказали, направлялись главные массы переселенцев, а именно: в Чимкентском уезде — 18, в Аулиеатинском — 25, в Перовском — 4, в Ташкентском — 11. Водворилось в этих поселках около 3500 семей.

В Ферганской области было устроено 7 поселков: по одному в б. Скобелевском и Наманганском уездах, два —

в Ошском и три—в Андижанском. Поселилось в них до 650 семей.

Наконец, в Самаркандской области администрация устроила два поселка: один, из 180 дворов, в б. Ходжентском уезде, и другой, на 100 дворов, в Катта-Курганском уезде.

Кроме того, в Ходжентском уезде, начиная с первой половины 80-х годов прошлого века, когда Н. К. Романов приступил к оросительным работам в Голодной степи, новоселы, прибывшие из разных мест и производившие эти работы, самостоятельно образовали на правобережье Сыр-Дарьи 7 селений с 400 дворов.

Всего к 1906 г. в так называемых коренных областях Туркестана было 74 русских селения, в которых было водворено до 4800 семейств.

Задача выселения как можно большего количества крестьян из районов «земельной тесноты» и большой наплыв в Туркестан «самовольческой» переселенческой массы ставили перед царским правительством вопрос об открытии Туркестана для свободного переселения и форсирования этого движения.

В связи с этим в 1903 г. изыскание и подготовка земель под переселенческие участки была возложена в законодательном порядке на представителей министерства земледелия и государственных имуществ по соглашению с туркестанским генерал-губернатором.

В 1905 г. для производства хозяйственно-статистических, агрономических и гидрологических исследований была учреждена особая статистическая партия, заведующий которой был подчинен Переселенческому управлению и действовал под руководством местного начальника управления земледелием.

В 1905 г. Переселенческое управление было передано из министерства внутренних дел в ведение Главного управления земледелия и землеустройства. В Средней Азии были созданы два переселенческих района: Семиреченский и Сыр-Дарьинский.

Несмотря на то, что правилами 1903 г. было предусмотрено издание Главным управлением земледелия и землеустройства, по соглашению с туркестанским генерал-губернатором, инструкции о согласованной деятельности в области переселения чинов администрации и ведомства землеустройства, — никакой инструкции

издано не было, и отношения Сыр-Дарьинской переселенческой организации и краевой администрации представляли совершенную путаницу и ведомственную неувязку, крайне вредно отражавшуюся на положении дела. Достаточно указать, что ни в Чимкентском, ни в Аулиеатинском уездах ни один из вновь водворенных переселенцев не был причислен по новому месту жительства, водворение нередко происходило самовольно и на разрешение переселенческих чинов администрацией передавались вопросы, не только связанные с устройством новых поселков, но и относившиеся к селениям, образованным в прежнее время. Возникавшие на этой почве пререкания чиновников из-за границ их ведения отражали хаотическое положение в переселенческом деле. Переселенческое управление оставляло без разъяснения основные вопросы, касавшиеся переселенческого дела в крае, и в таких условиях местная администрация не могла устраниться от работ по переселенческим делам.

В крае проживало до 2000 семей самовольных переселенцев, не имевших земельных наделов и настойчиво требовавших своего земельного устройства. В Чимкентском и Аулиеатинском уездах имелась, кроме никуда не причисленных переселенцев, категория безземельных крестьян старожительских селений из отделившихся от своих семей женатых сыновей, не в меньшей степени нуждавшихся в земельном устройстве. Но и земельное устройство многих уже существовавших поселков признавалось уездной администрацией незаконным, и, вместе с тем, по ее признанию, крестьяне старых селений также нуждались в улучшении их земельного положения.

Как было уже выше сказано, после длительного обсуждения вопроса в разных совещаниях и комиссиях, остановились на той мысли, что единственным способом помочь как самовольным переселенцам, так и заявляющим претензии на дополнительные прирезки крестьянам старожильческих селений, является предоставление им права арендовать землю у кочевников на срок не свыше трех лет и притом не более двух десятин на каждого члена семьи, безотносительно к полу и возрасту.

На практике аренда земель кочевого населения, разрешенная генерал-губернатором, несмотря на то, что

она была беззаконна, производилась в формах и на основаниях, не имевших ничего общего с установленными для того правилами. Уездная администрация оказалась не в силах наблюдать за действительным проведением в жизнь сложных требований, которыми была обставлена узаконенная аренда земель кочевников и возложение на переселенцев платежей за арендуемые угодья. Установленный порядок мог бы получить осуществление лишь при условии производства подробного расследования по каждому отдельному случаю аренды и при наличии довольно многочисленного штата чиновников, которые занимались бы этим делом специально, с постоянными разъездами по стойбищам кочевого населения.

После революции 1905 г. переселенческое движение усилилось. «Земельная теснота» в России, потеря вспыхнувших было надежд на помещичью землю после поражения революции заставляли крестьян массами уходить на новые места. В Средней Азии переселенцы преимущественно направлялись в Семиреченскую область, которая считалась обширным районом колонизации. Но в действительности орошаемый земельный фонд в области был крайне ограничен. Создание колонизационного земельного фонда могло идти только тем же путем «изъятия излишков» у коренного населения.

«В 1907 г. при министерстве внутренних дел... было образовано Междуведомственное совещание для проведения землеустройства казахов. Совещание без какого-либо предварительного статистического обследования установило нормы земельного надела кочевых и полуоседлых казахов, излишние же земли решено было передать для устройства переселенцев»[1].

Совещание разработало проект специальной статьи закона о землях, не подлежащих изъятию. Причем изъятию, согласно проекту этой статьи закона, не подлежали:

«а) земли, занятые зимними жилищами киргиз с хозяйственными при них постройками и огородами;

б) водные сооружения колодцы, пруды, орошенные арыками площади и т. д.;

[1] *П. Шарова*. Переселенческая политика царизма в Средней Азии в 1906—1916 годах. «Историк-марксист», 1940, № 6, стр. 92.

в) искусственные насаждения: сады, защитные рощи и т. д.;

г) обрабатываемые земли, не сдаваемые в аренду: огороды, пашни и т. п.;

д) кладбища, продолжающие служить местом погребения, и отдельные могилы особо чтимых умерших;

е) караванные и скотопрогонные дороги и площади, служащие для выпаса содержимого в карантинах скота»[1].

По существу такое изъятие «излишков» означало фактическое лишение коренного населения давно насиженных и используемых им земель.

По данным, приведенным в цитированной нами работе П. Шаровой, переселенческие чиновники предполагали только в одной Семиреченской области разрушить свыше 5100 оседлостей с населением более 30 000, с целью получения 250 тыс. дес. удобной земли для обеспечения примерно 6500 переселенческих хозяйств, из расчета по 40 дес. на хозяйство[2].

У местного населения фактически изымались не только «излишки» земли, но и кибитки, мечети и фруктовые сады.

Царское правительство создавало земельный фонд для колонизации не путем расширения орошаемой площади, а за счет экспроприации земель местного населения, разрушая их хозяйство.

По данным Н. Н. Жемчужникова[3], до 1917 г. было изъято земель у киргизов в степной части:

Семипалатинская	14 174 376 дес.
Акмолинская	8 682 786 „
Кустанайская	3 701 986 „
Актюбинская	2 330 234 „

В общей сложности из всей площади более 200 млн. десятин изъято удобных земель в степных районах края около 30 млн. десятин, или 15%. Но если учесть, что при-

[1] *П. Шарова*, цитир. работа, стр. 92 — 93.

[2] ЦХУ УзССР, ф. 73, Туркестанского края, д. № 6593, л. 97, 1907.

[3] *Н. Н. Жемчужников*. Движение на Восток, М., 1927, стр. 39.

годные для земледелия земли составляли здесь всего около 15—20% всей площади, то оказывалось, что почти вся лучшая, пригодная для земледельческой культуры земля была изъята из пользования киргизского населения.

Большие размеры приняло изъятие излишков в Семиреченской области. «Об обширности, богатстве и тучности земель этого края ходили самые преувеличенные слухи, сложившиеся в силу малой его изученности... В силу этого изъятие излишков земель у семиреченских киргизов, особенно поощряемое сверху, превратилось, после поездки двух министров (речь идет о поездке на Урал и в Туркестан Столыпина и Кривошеина — *А. А.*), в какую-то «вакханалию изъятия»[1].

В коренных областях Туркестана колонизация земель кочевого населения в большем или меньшем размере охватила уезды Сыр-Дарьинской области, горные районы Ферганской, Самаркандской областей и частично Закаспийской области.

Общие итоги работы по изъятию земель местного населения в Туркестане, по данным того же Жемчужникова, следующие:

В Сыр-Дарьинской области .	476 000 дес.
В Ферганской . .	75 000 „
В Самаркандской . .	3 000 „
В Закаспийской . .	7 000 „
Всего	561 000 дес.

Таким образом, как уже указывалось выше, для образования переселенческих колонизационных участков изымались у киргизов не только необработанные земли, но сплошь и рядом обработанные или поливные и богарные земли, клеверники, площади с искусственными древонасаждениями, сады, отбирались арыки и вода для орошения.

В 1911 г. численность устроенных Сыр-Дарьинской переселенческой партией и туркестанской администрацией переселенцев в коренных областях Туркестанского края определялась:

по Сыр-Дарьинской области .	1111 семей
по Самаркандской „ .	224 „
по Ферганской „ .	64 „
Всего	1399 семей

В Семиреченской области численность переселенцев достигала:

В 1905 г. .	23 000 чел.
В 1907 „ .	24 700 „
В 1908 „ .	30 000 „

Каково было хозяйственное положение переселенцев? Основная масса переселенцев состояла из разорившихся середняков, выходцев из районов относительного «аграрного перенаселения». Не имея хозяйственного опыта в ведении поливного хозяйства, не обладая необходимыми средствами и хозяйственным инвентарем, они были вынуждены вести самые примитивные формы полеводства (главным образом зернового хозяйства) при полном отказе от интенсивных форм хозяйства и севооборота.

Насколько ничтожную роль играли в хозяйстве переселенцев ценные технические культуры, видно из того, что в Константиновском, Черняевском и Кауфманском поселках, расположенных в 20—30 км от Ташкента, хлопковыми посевами было занято только 315 дес., хотя эти селения получили в надел 2032 дес. орошенной земли. За 15 лет своего хозяйствования они потеряли орошение $^1/_3$ площади, которая частью была обращена в сенокос, а частью заросла камышом. Хозяйственное положение переселенцев ухудшалось еще и тем, что переселенцам не оказывалась агрономическая помощь, а скудные средства, ассигнованные правительством на дело переселения, тратились не по назначению.

Переселенческое движение способствовало дифференциации крестьянства. Как правило, в большинстве переселялись середняцкие слои крестьянства, крайние же группы — беднота и кулачество — оставались на родине. Это усиливало расслоение крестьянства и на местах выхода переселенцев, и на местах их нового водворения.

[1] *Н. Н. Жемчужников*, Движение на Восток, М., 1927, стр. 37.

Многие переселенцы в хозяйственном отношении оставались неустроенными. Так, в 1908 г. из 30 тыс. переселенцев в Семиреченской области более или менее устроенных в земельном отношении было только 5 тыс. 113 человек, осталось неустроенными около 25 тыс. переселенцев. Это же имело место в Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областях, неустроенные крестьяне-переселенцы окончательно разорялись и вынуждены были идти наниматься в батраки к старожильцам-кулакам.

В старых селениях Аулиеатинского уезда в 1909 г. проживало около 700 неустроенных семейств. Но большую часть самовольно водворившихся в уезде крестьян составляли жители постоянно возникавших новых поселков, легализация которых задерживалась разными причинами. В одном только Аулиеатинском уезде было 14 таких поселков, в которых числилось свыше 800 дворов.

Вдоль линии Оренбургско-Ташкентской железной дороги образовались при станциях многочисленные железнодорожные поселки (Туркестан, Кармакчи, Аральское море, Казалинск и др.). В этих «стихийно» возникших поселках уже в 1908 г. числилось свыше 800 дворов, количество которых в последующие годы быстро увеличилось.

В Ташкентском уезде в трех неустроенных поселках проживало свыше 250 семейств.

В Фергане приток новых самовольных переселенцев в Курартскую и другие смежные с ней волости не прекращался, и уже весной 1909 г. в районе неустроенных поселков проживало более 200 семейств, сверх тех 637 дворов, которые особой комиссией были зачислены в списки имеющих право на водворение. Отношения между водворенными и «самовольцами» были обострены до того, что происходили даже драки. Продолжались также и новые захваты киргизских земель.

Для упорядочения все более и более запутывавшегося положения необходимы были экстренные меры. Но ничего в этом направлении предпринято не было.

К 1905 г. число самовольцев возросло до 23 тыс. чел., к концу 1907 г. — до 24 700 и к августу 1908 г. — до 30 тыс. чел[1]. Из этого числа к указанному сроку были

[1] Отчет К. Палена, Переселенческое дело, стр. 17.

удовлетворены землей 5113 чел., так что неустроенных в земельном отношении было, как отмечено, около 25 тыс. чел.

По мнению местной администрации, на ответственности которой лежало прежде всего сохранение в крае спокойствия, обработанные трудом киргизов земли не подлежали изъятию под переселенческие участки, и для образования таковых надлежало прежде всего устроить в земельном отношении коренное население, а затем уже приступить к орошению земельных пространств, впустую лежавших из-за отсутствия воды. Со своей стороны Переселенческое управление, утверждая без достаточного основания, что в области имеется значительное количество земель, вполне пригодных для ведения оседлого хозяйства и ненужных для обеспечения хозяйственного быта местного населения, настаивало на сохранении впредь принятого ею способа образования участков, с обеспечением киргизов по норме и с отводом под участки обработанных киргизских земель[1].

19 декабря 1910 г. был объявлен закон, дополняющий статью 270 Положения об управлении Туркестанским краем. Эта статья предоставляла Главному управлению земледелия и землеустройства право изымать из пользования кочевников областей Туркестана «излишки» земель для создания переселенческого земельного фонда и для нужд государства.

При практическом осуществлении изъятий в самых широких размерах производилось смещение не только единичных хозяйств и мелких хозяйственных аулов кочевого населения с зимовкой стойбищ, но многих десятков и даже сотен таких хозяйств. Такие массовые смещения происходили отчасти вследствие того, что отчислялись сразу в одном крае громадные площади в размерах, нередко превышавших 10 тыс. дес. Главная причина таких смещений заключалась в том, что земли, действительно свободные, могли быть обращены для нужд переселения большей частью лишь после более или менее значительных затрат на орошение, для чего требовались время, труд и денежные средства. Между тем, гораздо проще и дешевле было образовать селения на землях,

[1] Отчет К. Палена. Переселенческое дело, стр. 31, 1910.

обработанных «туземцами», ссылаясь на обеспеченность их другими землями по норме, проверить которую местная администрация была не в силах.

В результате такой деятельности переселенческой партии к осени 1909 г. было предположено сместить свыше 5100 очагов оседлости местного населения, с общим числом подлежащих перемещению в другие места около 30 тыс. чел. Такое смещение было намечено для получения около 250 тыс. дес. удобной земли, достаточных для обеспечения приблизительно 6,5 тыс. переселенческих хозяйств, по расчету 40 дес. на хозяйство[1]. Однако, как об этом свидетельствовала практика заселения участков, образованных переселенческой партией в предшествовавшие годы, заселялось лишь около 38% заготовленных полей, занятие же остальной площади, вследствие малой пригодности ее для ведения сельского хозяйства, задерживалось на неопределенные сроки. Эти данные свидетельствуют, что на указанных выше 250 тыс. дес. в действительности могли устроиться не более $2^1/_3$ тыс. переселенческих хозяйств, для чего требовалось сместить едва ли не двойное число фактически оседлых и полуоседлых хозяйств местного населения[1].

Новый подъем революционного движения в России в 1910—1914 гг., хозяйственная неустроенность массы крестьянских переселенцев, тяжелое экономическое положение, в котором они очутились в новых местах, и хаотическое состояние переселенческого дела вообще обусловили массовое обратное движение переселенцев из Сибири и Средней Азии в Европейскую часть России.

Наступил период кризиса всей переселенческой политики царизма. Это наглядно подтверждается данными, приведенными В. И. Лениным в его статье «Значение переселенческого дела»[2].

Годы	Число переселенцев, тыс.	Обратные переселения, %
1908	665	6
1909	619	13
1910	316	36
1911	183	60

[1] *К. Пален*, Переселенческое дело, Спб, 1910, стр. 57.
[2] *В. И. Ленин*, Соч., т. 19, стр. 46.

Обратное движение переселенцев в большой степени относится и к Средней Азии, где число «обратников» по отношению к общему числу переселенцев составляло в 1909 г. 12%, а в 1911 году — 81%.[1]

В работе П. Шаровой читаем:

«...Развитие переселенческого движения дает громадный толчок разложению крестьянства и особенно земледельческого крестьянства. Известно, что переселяются главным образом крестьяне из губерний земледельческих (из промышленных эмиграция совершенно ничтожна) и притом именно из густонаселенных центральных губерний, в которых всего более развиты отработки (задерживающие разложение крестьянства). Это во-первых. А во-вторых, из районов выселения идет главным образом крестьянство среднего достатка, а на родине остаются главным образом крайние группы крестьянства. Таким образом, переселения усиливают разложение крестьянства на местах выхода и переносят элементы разложения на места вселения (батрачество новоселов в Сибири в первый период их новой жизни)»[2].

Но царское правительство видело в колонизации одну из главных задач своей политики в Средней Азии. Эту политику весьма ярко выразил главноуправляющий земледелием и землеустройством Кривошеин: «главнейшей задачей», по его мысли, должно быть не выселение крестьянских масс из центральной России, а «заселение окраин русскими людьми». Он рассматривал переселение, как «самодовлеющую государственно важную задачу, а не как средство разрешения земельного вопроса в центральных губерниях». Поэтому Кривошеин считал необходимым выделить несколько сот тысяч десятин земли в Голодной степи, приступить к ее орошению и заселению «крепким русским элементом», т. е. создать в завоеванной колонии политическую и экономическую опору царской власти в Туркестане в лице кулацкой прослойки русского крестьянства.

В. И. Ленин в своей статье «Аграрный вопрос в России к концу XIX в.» четко указал: «Русскую колонизацию *тормозят* остатки крепостничества в центре России, Иначе как аграрным переворотом в Евр. России,

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 15, стр. 64
[2] *П. Шарова*, цитированная работа

иначе как освобождением крестьян от гнета крепостнических латифундий *нельзя* освободить и урегулировать русской колонизации. Это урегулирование должно состоять не в бюрократических «заботах» о переселении и не в «организации переселений»..., а в устранении тех условий, которые осуждают русского крестьянина на темноту, забитость и одичание в вечной кабале у владельцев латифундий»[1].

Так, создавшееся в переселенческом движении в Средней Азии положение обусловило изменение курса переселенческой политики царизма. Колонизация края «крепкими русскими людьми» становилась центральным пунктом переселенческой политики. Недаром эти «переселенцы» находились в особых условиях: им отводились самые лучшие участки земли, размеры наделов были значительно больше, чем у крестьянских переселенцев. Правительство стремилось к тому, чтобы переселенцы в местах их расселения были более зажиточными, чем местное крестьянское население.

Кривошеин писал: «Среди зажиточного мусульманского населения русские переселенцы не могут являться хозяевами бедными, захудалыми и приниженными. Политическое преобладание в Туркестане русской народности должно быть закреплено и хозяйственной ее силой. Нельзя не признать, что сарт-рабочий на земле русского переселенца-хозяина — явление более приятное и желательное, чем обратно: русский батрак у сарта»[2].

Из нашего краткого обозрения можно убедиться в том, что переселенческая политика царизма последнего периода фактически преследовала две цели: удаление после «аграрных беспорядков», в угоду крупным землевладельцам, избыточного крестьянского населения из районов «земельной тесноты» и одновременно — колонизация и руссификация окраин, т. е. заселение ее русским кулацким элементом, при совершенном игнорировании интересов местного населения.

Приведенные выше данные о положении переселенческого дела в Средней Азии в дореволюционные годы свидетельствуют, с одной стороны, о незначительности, в общем, в смысле числа переселенных, достигнутых результатов, а, с другой, — о том, что правительственная политика, не оживляя края в промышленном отношении, крайне необдуманно готовила в ближайшем будущем для царизма серьезные затруднения, вызывая недовольство широких слоев местного населения и подготавливая тем самым почву для революционных выступлений масс.

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 15, стр. 64.
[2] *А. В. Кривошеин*, цитированная «Записка», стр. 4.

Обстоятельное знакомство с местными почвенными, климатическими и этнографическими условиями сделало бы совершенно ясным, что в Средней Азии свободных земель, пригодных для зерновой культуры, знакомой большинству переселенцев, прибывавших из внутренних губерний, в сколько-нибудь значительных размерах не имелось, что земельные богатства края могли быть вводимы в хозяйственный оборот лишь при условии крупных затрат на орошение, что эти крупные затраты могли окупиться лишь при условии переселения на орошенные земли таких засельщиков, которые способны вести на этих землях интенсивное хозяйство, соответствующее стоимости орошения земли и, наконец, что население, именовавшееся кочевым, числилось таковым только на бумаге, а в действительности большая часть его вела оседло-скотоводческий образ жизни, наиболее соответствовавший местным условиям. Если бы все это своевременно было принято правительством во внимание, то едва ли министерство земледелия решилось бы столь оптимистически смотреть на Туркестан, как на край, куда можно направлять переселенцев в таком же порядке, какой применялся в степных областях или в Сибири.

Областная и краевая администрация пыталась предпринять меры к упорядочению такой важной для страны области правительственной деятельности, как переселение, столь существенно затрагивавшее интересы местного населения.

Однако ни военный министр, в ведении которого находился край, ни генерал-губернаторы не настояли на своевременном исполнении требований закона, допустив при этом наиболее существенные и вопиющие его нарушения, не основанные на законе, а, следовательно, беззаконные способы определения излишков землепользования местного населения по так называемой норме, для проверки которой в их распоряжении не имелось никаких средств. Не было устранено самовольное водворе-

ние на участках хозяйств, не имевших права на водворение и искавших только легкой наживы и повторного получения ссуд.

Другой причиной хаотического и опасного по своим последствиям развития переселения явилось явно неправильное применение в крае приемов определения государственного земельного фонда, практиковавшихся в заселявшихся районах степных областей. На основании скороспелых заключений и некоторых сообщений с мест переселенческих работников Туркестанский край рассматривался как обширный район, вполне пригодный для перемещения в него избытка населения из малоземельных губерний. Не было произведено предварительного сколько-нибудь подробного исследования края, не были выяснены наивыгоднейшие способы использования его свободных земельных богатств и водных запасов. Не выработано было и такого способа ограничения земель, который не нарушал бы жизненных интересов местного населения и обеспечивал бы подъем производительных сил края.

Как писал сенатор К. Пален, «водворение на новых переселенческих участках производилось без соблюдения очередности, без проверки прав водворяемых на получение дарового надела, что не могло не поощрять самовольных захватов усадебных участков»[1]. Ссудная помощь оказывалась с отступлениями от всех установленных правил. Ссуды нередко выдавались людям никому неизвестным, никогда в местах водворения не бывавшим и неизвестно где находившимся. Часто ссуды выдавались с превышением власти, в размерах, в два-три раза превышающих законные. Столь легкая возможность получения сотен рублей казенных ссуд, при дешевизне хлеба в кочевых районах, не могла не усиливать стремления переселенцев степного края и Сибири, уже водворенных и получивших своевременно ссуды, покидать места своего водворения и отправляться на юг, в более теплые края, где так легко было оседать на землях кочевого населения и повторно получать ссуды на водворение.

Не подлежало сомнению, что в этих условиях вновь образованные селения очень быстро истощат нерациональным хозяйничанием отведенные им земли и будут искать новых земель для их хищнической распашки.

[1] *К. Пален*, Переселенческое дело, Спб, 1910, стр. 409.

Из всех окраин бывшей империи именно в Средней Азии (и отчасти в Закавказье) переселенческое дело до революции обнаружило все бессилие самодержавия разрешить, хотя бы в минимальной степени эту часть аграрного вопроса. И описанное выше бюрократическое разложение было, разумеется, не причиной неуспеха дореволюционного переселения, а одним из проявлений общей неспособности, беспомощности социальной системы, невозможности для нее разрешения основных социальных вопросов и в частности аграрного вопроса, как исчерпывающе показал это в своей работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX в.» В. И. Ленин: «... Колонизационный вопрос в России есть подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны. Конец XIX в. ставит перед нами альтернативу: либо решительная ликвидация крепостничества в «исконных» русских губерниях: тогда быстрое, широкое, американское развитие колонизации наших окраин обеспечено. Либо затяжка аграрного вопроса в центре: тогда неизбежна долгая задержка в развитии производительных сил, сохранение крепостнических традиций и в колонизационном деле»[1].

Процесс дореволюционной колонизации Средней Азии вполне подтверждает блестящий анализ В. И Ленина.

Конечно, для основной части Средней Азии вопрос о переселении до революции упирался, даже при решении вопроса о ликвидации крепостничества в центре, в вопрос орошения новых земель, который, как мы видели, царизм также не мог разрешить.

Итоги дореволюционного переселения оказались, как видим, крайне незначительными (в коренных областях края в 1911 г. было устроено 1419 семей, а в Семиреченской области в 1905 г. было 30 000 переселенцев), но революционизирующее значение его было огромно, что показало восстание 1916 г.

Все эти вопросы были совершенно по-новому поставлены в условиях развития не буржуазного, а более высокого, социалистического строя, и разрешены на благо трудящихся масс страны.

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 15, стр. 65.

О том, как описанные выше основные линии экономической политики царизма находили отражение в хозяйственном развитии Средней Азии, показано в следующих разделах нашей работы.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ТУРКЕСТАНА ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

Развитие народного хозяйства Туркестана в период промышленного капитализма

Выше мы отмечали, что экономическое развитие Средней Азии после присоединения к России обусловливалось воздействием на него капиталистических отношений и определялось экономической политикой царского правительства. Царская Россия, включив Среднюю Азию в круг капиталистического развития империи, стремилась превратить ее в аграрно-сырьевой придаток метрополии. Попытаемся здесь кратко осветить практическое отражение экономической политики царизма в развитии народного хозяйства края, выяснить, какие изменения в его экономике произошли после присоединения Средней Азии к России.

До присоединения Средняя Азия вывозила в Россию главным образом промышленные товары, источником же сырья являлась в значительно меньшей степени; 45% стоимости вывозимой из Средней Азии продукции представляли готовые изделия (текстиль, шелковые изделия, ковры и т. д.) и лишь 30% — пряжу и хлопок-сырец; присоединенная к России, оказавшись под воздействием ее капиталистической экономики, Средняя Азия становится рынком сбыта промышленных товаров метрополии, еще большее значение она приобретает по преимуществу как источник сырья для метрополии[1]. Строительство и ввод в эксплуатацию Среднеазиатской железной дороги ускорили превращение Средней Азии в рынок различных видов сельскохозяйственного сырья.

Общее число населения Туркестана по 5 областям в 1915 г. составляло 6 млн. 779 тыс. 783 чел., из которых

[1] *Е. В. Бунаков.* Развитие капитализма в Узбекистане, рукопись, стр. 209—210.

русских было всего 7,6%. Распределение населения по областям характеризуется следующими данными[1]:

Области	Всего населения	% русск. населения
Сыр-Дарьинская	1 950 243	11,0
Семиреченская	1 260 392	6,5
Ферганская	2 211 864	2,8
Самаркандская	886 392	7,6
Закаспийская	470 892	19,0
Всего . . .	6 779 783	7,6

Городское население, коренное и русское, не превышало 10%. Русское население в подавляющей своей части было сосредоточено в городах. Сельское русское население, возникшее в результате переселения крестьян из Европейской России, составляло немногим более 1% населения. Таким образом, как уже было отмечено выше, практические результаты колонизации были ничтожны. Коренное население было представлено узбеками, таджиками, киргизами, туркменами, казахами, каракалпаками.

Кроме указанных народностей, в состав коренного населения Туркестана входили еще некоторые национальные меньшинства.

Общая территория Туркестана (включая Хиву и Бухару) составляла 1 млн. 730 тыс. кв. верст. Но из этой громадной территории искусственно орошаемые земли не превышали 2%.

Общая посевная площадь по пяти областям Туркестана составляла в 1915 г. 3 млн. 288 тыс. 331 дес., из которых посевы на орошаемых землях охватывали 73,3% и богарные посевы — 26,7%.

По отдельным областям посевные площади распределялись следующим образом[2]:

Область	Вся посевная площадь, дес.	% поливных посевов
Сыр-Дарьинская	894 649	77,0
Ферганская	886 933	77,9
Самаркандская	682 363	59,7
Закаспийская	170 797	95,8
Семиреченская	653 589	70,5
Всего . .	3 288 331	73,3

[1] *А. Асаткин.* Очерки хозяйственной жизни Туркреспублики, изд. ЦСНХ. Ташкент, 1921, стр. 66, 67.

[2] *А. Асаткин.* Указанн. работа, стр. 47.

Первый опыт посева американского хлопчатника был осуществлен в 1883 г. известным селекционером-хлопководом А. Вилькинсом под Ташкентом.

Вскоре появились первые капиталистические плантаторские хозяйства русских торговых и промышленных фирм. «Плантация Белякова» имела до 620 дес. земли, «Большая Ярославская Мануфактура» — 400 дес., Тарсина — 200 дес. и т. д. В Самаркандской области наиболее крупной была плантация т-ва Мейеркорта, имевшая до 200 дес. В Ферганской области были плантации Томича, фирмы Кудрина — до 150 дес., «Большой Ярославской Мануфактуры» и др. В общей сложности всем плантаторам принадлежало по краю около 4 800 дес.[1]

Благоприятные климатические условия Туркестана и первые удачно проведенные опыты по разведению хлопчатника дали возможность шире внедрять американский сорт хлопчатника. В 1889 г. почти вся хлопковая площадь в Туркестане засевалась уже американским хлопчатником. Только за 5 лет посевные площади под ним увеличились почти в 5 раз, что подтверждается статистикой.

Американским хлопчатником были засеяны:

1886 г.	12 000 дес.
1887 „	14 338 „
1888 „	68 650 „
1889 „	85 922 „
1900 „	92 888 „[2]

Характеризуя развитие хлопководства в этот период, А. П. Демидов писал: «Восьмидесятые и девяностые годы прошлого столетия — заря восходящего хлопкового солнца — была порой американизма в русском хлопководстве. Сотни чиновников, офицеров, прочего служилого элемента и купечества бросились разводить хлопок... Призраки золотого дождя, мечта об американском богатстве в Туркестане затмили все. Хлопок сеяли всюду, где только можно было найти клочок орошенной земли»[1]. С ростом посевной площади увеличился и вывоз в Россию хлопка.

[1] *А. П. Демидов.* Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности Туркестана. Москва, 1926, стр. 42—43.

[2] Там же.

В 1889 г. Беляковым для торгового дома Кудриных было отгружено 8 или 10 кип американского хлопка, что составило не более 100 пудов волокна[2].

Увеличение вывоза хлопка отражено в следующих данных:

В 1888 г. было вывезено		873 092	пуда
„ 1889 „	„	1 470 503	„
„ 1890 „	„	2 673 270	„

Хлопчатник в 1915 г. занимал 523 тыс. 614 дес. и составил от общей посевной площади (поливной и богарной) в целом 15,9%, доходя до 38% в Ферганской области и снижаясь до 8,2% в Самаркандской. Но в хлопковых районах Ферганы на поливных землях посевы хлопчатника занимали от 60 до 80% всей поливной посевной площади, доходя в ряде волостей Ферганы даже до 95%. Таким образом, в Ферганской долине была внедрена монокультура хлопчатника.

Нижеследующая таблица дает представление об интенсивном росте площади посева хлопчатника в Туркестане. С 1888 по 1913 г. посевы хлопчатника выросли:

по Ферганской области с 34 669 до 278 897 дес., т. е. на 700%;
по Самаркандской области с 7 980 до 31 858 дес., т. е. на 298%;
по Сыр-Дарьинской области с 25 841 до 62 691 дес., т.е. на 139%.

В 1916 г. в Ферганской области из 878 тыс. дес. поливной земли 378 тыс. 873 дес., или 43% всей поливной площади было занято под хлопчатником.

В 1914—15 гг. из Средней Азии было вывезено хлопкового волокна 15 млн. 572 тыс. пуд. и из Закавказья в этом же году—1 млн. 750 тыс. пудов. При общей потребности текстильной промышленности России в этом году в 24 млн. 635 тыс. пуд. хлопкового волокна отечественным хлопком было покрыто около 70% ее. Этот год был в этом отношении исключительным. В среднем же по-

[1] *А. П. Демидов.* Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности Туркестана. Москва, 1926, стр. 42—43.

[2] *А. И. Шахназаров.* Сельское хозяйство в Туркестанском крае, Спб, 1908, стр. 144 — 145.

[3] *А. Асаткин.* Очерки хозяйственной жизни Туркреспублики. Изд. ЦСНХ, Ташкент, 1921, стр. 48.

требность в хлопковом волокне России удовлетворялась за счет отечественного хлопка, начиная с 1909—1910 гг., в размере около 50% и, таким образом, как уже отмечалось, около половины нужного стране хлопкового волокна приходилось ввозить из-за границы.

Из других технических культур дореволюционного Туркестана надо отметить табаководство, разведение ряда второстепенных технических растений, а также сахарной свеклы, первоначально лишь в Ташкентском уезде. Но гораздо большее значение имело, по сравнению с этими второстепенными культурами, садоводство и виноградарство. Промышленное крупное садоводство в хозяйствах, располагающих площадью от 10 до 50 десятин садов, развилось в Ташкентском уезде Сыр-Дарьинской области. Виноградарство, искони существовавшее в Туркестане, получило дальнейшее развитие во всех областях, особенно в Самаркандской области.

Животноводство дореволюционного Туркестана — это прежде всего овцеводство, в частности каракулевого и курдючного направления, а также коневодство и верблюдоводство. Крупный рогатый скот разводился главным образом вокруг русских городов.

Среднее количество овец по России на 100 душ населения составляло 62,6 головы, в дореволюционном Туркестане — 223,8 головы. Обширнейшие пастбища сухих степей, полупустынь и пустынь давали широкие возможности для развития кочевого и полукочевого животноводства. По данным 1915 г., из указанного выше общего количества населения дореволюционного Туркестана на кочевое и полукочевое население приходилось 1 млн. 850 тыс. 711 чел.

Туркестан имел значение не только как главный поставщик хлопка, но и как источник многих других видов сельскохозяйственного сырья (шелк, каракуль, шерсть, фрукты и т. д.). Крупное значение имело шелководство — древнейшая отрасль народного хозяйства Средней Азии.

В колониальном Туркестане шелководству было уделено недостаточное внимание. По разным причинам, в частности из-за эпизоотии шелковичного червя (пебрины), занесенной вместе с греной из Западной Европы, шелководство здесь упало. В период 1910—1914 гг. средний ежегодный сбор коконов не превышал 240 тыс.

пудов сырых или 80 тыс. пудов сухих коконов, что давало в размотке только около 20 тыс. пуд. шелка-сырца.

В 1913—1914 гг. в Туркестане было 11 гренажных заведений и 31 кокономорильня и коконосушильня. Размотка шелка, шелкопрядение и шелкоткачество носили кустарный характер. В 1915 г. было оживлено 200 000 коробок грены.

Шелководство получило значительное развитие в 60-е годы. Этому способствовал быстрый рост торговых связей Средней Азии с Россией и упадок шелководства в европейских странах.

Во второй половине XIX века, т. е. после завоевания Средней Азии, шелководство стало усиленно развиваться в большинстве районов Средней Азии и главным образом в Ферганской долине, в Ташкентском оазисе, в бассейнах рек Зеравшана, Сыр-Дарьи, Аму-Дарьи и Мургаба, продукция его (коконы) стала по значению вторым после хлопка предметом вывоза в империю.

Усиленный интерес русской текстильной буржуазии к шелководству Туркестана, возросший в начале XX века, способствовал развитию шелководства; это подтверждается ростом валовой продукции коконов за период 1900—1910 гг.

В 1900 г.	было	заготовлено	коконов	389 000	пудов
„ 1910	„	„	„	450 000	„
„ 1911	„	„	„	388 800	„
„ 1912	„	„	„	333 200	„
„ 1913	„	„	„	295 140	„[1]

Сокращение производства коконов с 1910 г. объясняется падением урожайности, явившимся в значительной мере результатом зависимости шелководства Средней Азии (как в отношении снабжения греной, так и в отношении сбыта коконов) от заграничных рынков.

Среднеазиатские шелководы, производившие выкормки большей частью из привозной, зачастую недоброкачественной, забракованной заграничными контрольными учреждениями, грены, получали низкие урожаи, а нередко совершенно лишались их. Полученные же

[1] *М. А. Трудов, В. И. Дегтярь.* Производство коконов в Средней Азии. Ташкент, 1912, стр. 8.

коконы в подавляющей массе вывозились за границу, так как в Средней Азии не было ни одной шелкомотальной фабрики.

Вывоз коконов из Средней Азии за границу и отчасти в центральные промышленные районы России составлял около 60—80% всего производства коконов в Средней Азии; остальная часть перерабатывалась кустарной размоточной и ткацкой промышленностью на месте.

Среднеазиатское сырье в общем вывозе коконов из России составляло 80—90%[1], что видно из следующих цифр:

	1907 г.	1908 г.	1910 г.	1911 г.
Вывоз коконов (в тоннах) из России	4 570	4 674	4 963	4 472
В том числе из Средней Азии	4 170	4 230	4 448	3 661
В общем вывозе в %	90,5	90,4	89,1	81,9

Снижение удельного веса среднеазиатских коконов в вывозе за границу за последние 1910—1911 годы объясняется повышением роли новых районов шелководства.

Приведенные выше цифры вывоза коконов из России за границу приводят нас к выводу, что среднеазиатское коконное сырье, обеспечивая шелковую промышленность метрополии, в то же время служило важной статьей экспорта.

Основная масса коконов, экспортировавшихся из Средней Азии, вывозилась из районов Ферганской долины (80—85%), так как шелководство было размещено главным образом в этих районах.

Кроме хлопка и шелка, Средняя Азия поставляла еще один важный экспортный товар—каракулевые шкурки. Вывоз их составлял:

В 1854 г. —150 000 шкурок
„ 1900 „ — 900 000 „
„ 1913 „ — 1 800 000 „

[1] *М. А. Трудов, В. И. Дегтярь.* Производство коконов в Средней Азии. Ташкент, 1912, стр. 8.

Для обеспечения вывоза из Туркестана сырья необходимо было строительство железных дорог.

В докладной записке об экономической важности постройки железной дороги, соединяющей Ср. Азию с центрами России, туркестанский генерал-губернатор писал: «В экономическом отношении железная дорога в Ташкент, облегчив сбыт местных произведений, притянув в край капиталы, вызовет производительные силы страны, разовьет ее естественные богатства, и со временем усиление хотя одного хлопкового производства будет немало содействовать и освобождению России от коммерческой зависимости от иностранцев». И действительно, Среднеазиатская железная дорога явилась первым звеном, соединившим Туркестан с российским рынком, приобщила Туркестан к товарному обращению, сделав его внутренним рынком России. Она сократила расходы по транспортировке товаров, дала толчок к развитию хлопководства и других отраслей хозяйства Туркестана, усилила ввоз в Среднюю Азию товаров из промышленных районов России.

В 1883 г. из Закаспийской области было вывезено товаров на сумму 465 тыс. 493 руб. и ввезено на 1 млн. 107 тыс. 121 руб., а в 1889 г., т. е. через три года после постройки железной дороги, из Закаспийской области было вывезено товаров на 3 млн. 600 тыс. руб., а ввоз составил около 6 млн. рублей.

Железные дороги способствовали обеспечению края продовольственными товарами, в частности хлебом. Сельское хозяйство края пошло по пути одностороннего развития, с преобладанием хлопководства. Это, в свою очередь, повышало промышленное значение сельского хозяйства Туркестана и сделало Туркестан более зависимым от рынков продовольственных и промышленных товаров России.

Из отраслей, имевших существенное значение в экономике страны и производивших товары, которые составляли важную статью вывоза в Россию, как уже было сказано выше, следует отметить шелководство, пастбищное овцеводство и особенно каракулеводство.

Вывоз шелка и коконов составлял:

В 1870 г. 1734 пуда на 124 393 руб.
„ 1871 „ 1260 „ „ 100 502 „
„ 1872 „ 2562 „ „ 222 883 „

В 1873	2407	„	224 838 руб.
„ 1874	2293	„	289 273 „[1]

Вывоз каракулевых шкурок:

1854 г. —	150 000 штук
1900 г. —	900 000 „

В сельском хозяйстве Туркестана в первый период после присоединения господствовали докапиталистические формы присвоения прибавочного продукта (издольная и отработочная аренда). Капитализм проник еще неглубоко, применение наемного труда существовало в зачаточной форме, внутренний рынок только складывался, но, несомненно, ощущалось уже развитие товарно-денежных отношений, распространение ростовщических операций; начался процесс обезземеливания крестьян и классовой дифференциации в кишлаке.

Развитие монополистического капитализма в России в конце XIX и в начале XX в. и конкретный учет сложившейся мировой хлопковой конъюнктуры (опасность сокращения импорта хлопка из Америки) в связи с увеличением переработки хлопка в США, реальная угроза прекращения русско-американского торгового договора в сочетании с большими возможностями расширения производства текстильных тканей в России требовали того, чтобы по-прежнему все внимание российской «текстильной буржуазии» было сосредоточено на Средней Азии — основной и фактически единственной по мощности базе отечественного хлопководства.

В условиях, когда хлопководство в силу указанных обстоятельств заняло такое большое место в экономике страны, усилия царского правительства и его чиновников в Средней Азии были направлены к тому, чтобы любым путем расширить посевы хлопчатника, увеличить производство хлопка.

[1] «Ежегодник Министерства финансов», Спб., 1876, стр. 507

Рост посевных площадей под американским хлопчатником виден из следующих данных:

1883 г.	33 дес.	1893 г.	136 000 дес.
1884 „	300 „	1895 „	150 000 „
1885 „	1 090 „	1896 „	217 600 „
1886 „	13 100 „	1903 „	172 816 „
1887 „	15 644 „	1905 „	191 111 „
1888 „	68 650 „	1910 „	324 790 „
1889 „	44 500 „	1915 „	573 614 „[1]

Развитие хлопководства шло главным образом за счет сокращения поливных посевов продовольственных культур, и это вызвало сильное удорожание цен на хлеб. Малейшее колебание хлебных цен отражалось на хлопководстве, которое уже в 1902—1903 гг. испытывало нечто вроде «предупредительного» кризиса.

Сокращение посевных площадей под хлопчатником в 1903 г. объясняется исключительно высокой ценой на пшеницу, которая доходила до 3 р. 50 к. за пуд (вместо 1 р. 10 к.), а для 1905 г. оно объясняется падением цен на хлопок, обусловленным конъюнктурой мирового хлопкового рынка. Усиленное развитие посевов хлопчатника в годы войны объясняется колоссальными потребностями военной экономики.

С ростом посевных площадей увеличились производство и вывоз хлопка-сырца из Средней Азии. Так, вывоз среднеазиатского хлопка из гибридов американских сортов составлял:

В 1888 г.	873 072 пуда
„ 1889 „	1 470 503 „
„ 1890 „	2 673 207 „

В 1913 г. было произведено 684 тыс. 700 тонн хлопка сырца, из которых 516 тыс. 400 тонн производилось на территории Узбекистана. В 1914—1915 гг. производство хлопкового волокна составило 15 млн. 572 тыс. пудов.

С ростом производства туркестанского хлопка соответственно сокращалось потребление хлопчатобумажной

[1] *В. Масальский*, Основные тенденции развития и падения туркестанского хлопководства. Сборник статей «Борьба за хлопок», М., 1918, стр. 9.

промышленностью России иностранного хлопка. Процентное соотношение ввоза иностранного хлопка и производства туркестанского хлопка составляет[1].

	1908—1909 г.	1909—1910 г.	1910—1911 г.	1911—1912 г.	1912—1913 г.	1913—1914 г.	1914—1915 г.
Ввоз иностранного хлопка в % . .	56	51	46	48	45	49	30
Производство среднеазиатского хлопка в % .	44	49	54	52	55	51	70

Как уже было отмечено нами выше, хлопчатник географически был размещен неравномерно. Районами наибольшего его распространения являлись Ферганская, Сыр-Дарьинская, Самаркандская и отчасти Закаспийская области. Удельный вес отдельных хлопковых районов виден из табл. 1[2].

Таблица 1

Годы	Области				
	Всего о краю	Ферганская	Сыр-Дарьинская	Самаркандская	Закаспийская
1890	92 889	51 141	23 500	17 348	900
1895	142 527	109 701	14 104	15 223	3 500
1900	234 274	186 326	15 123	22 825	10 000
1905	191 111	166 789	13 312	18 737	11 000
1910	324 790	235 891	35 675	25 224	28 000
1915	523 614	336 525	74 050	55 573	57 466

Из приведенной таблицы видно, что основным районом хлопководства является Ферганская область. Такое сосредоточение хлопководства именно в Ферганской долине обусловлено благоприятными природными условиями, особенностями исторического развития Ферганы, как района древней земледельческой культуры и наиболее ярко выраженного относительного «аграрного перенаселения».

Густонаселенность, малоземелье и карликовый характер дехканского хозяйства (в Фергане почти 50% хозяйств имело по 3 танапа или около $^1/_2$ дес. орошаемой земли) ограничивали хозяйственную деятельность ферганского дехканства. Но невзирая на это, дехкане были поставлены в условия, при которых они вынуждены были развивать хлопковое, более доходное и более трудоемкое, хозяйство. Вряд ли это позволяет делать вывод, что мелкий характер крестьянского хозяйства послужил «фактором развития хлопководства», как это утверждали некоторые дореволюционные специалисты хлопководства (Юферев и др.)[1]. Отметить это тем более важно, что в колониальном Туркестане дехкане, задавленные безжалостной эксплуатацией, опутанные тяжелыми налогами, ростовщической кабалой, издольщиной, в конечном счете не получали выгод от хлопководства. Узбекский дехканин-хлопкороб разорялся, обезземеливался, шел в кабалу к местным баям. Несомненно, что такое парцеллярное дехканское хозяйство не могло способствовать долгое время развитию хлопководства. Этим и объясняется, что хлопководство накануне революции пришло в упадок и наступил его кризис, обусловленный общей деградацией сельского хозяйства дореволюционного Туркестана.

Значение парцеллярного дехканского хозяйства для хлопководства надо понимать в том смысле, что малоземелье в колониальном Туркестане, в особенности в Фергане, по необходимости толкало дехкан на хозяйственное применение своего труда (труда всей семьи) для выращивания хлопчатника, как культуры более доходной по сравнению с продовольственными культурами.

В своих «Очерках» А. Демидов писал:

«Итак, внутренние причины туркестанского хозяйства, связанные с парцеллярностью владений и возможностью повышения трудоинтенсивности хлопковой куль-

[1] *А. Асаткин.* Очерки хозяйственной жизни Туркреспублики, изд. ЦСНХ, Ташкент, 1921, стр. 48.
[2] *А. П. Демидов* указанн. работа, стр. 43.

[1] *М. П. Федоров.* Хлопководство в Средней Азии, Спб, 1898, *В. Масальский.* Хлопковый вопрос в Средней Азии, Спб, 1912, *В. Юферев.* Труд в хлопковом хозяйстве Спб, 1914, *А. П. Демидов.* Экономические очерки хлопководства... Москва, 1926.

05-1с

туры, были могущественным средством развития хлопководства в мелких хозяйствах... Поэтому парцеллярность владений для довоенного периода выступает как фактор развития хлопководства».

Мы знаем, что в дореволюционном Туркестане парцеллярный характер дехканских хозяйств, с их примитивной техникой и тяжелой колониальной эксплуатацией, был, напротив, фактором деградации дореволюционного хлопководства. Крупное капиталистическое плантаторское хлопковое хозяйство оказалось «нежизнеспособным», потому что капиталисты предпочитали варварские полуфеодальные формы эксплуатации дехкан. Всеобще же в условиях колониального режима и в обстановке ростовщической кабалы и байско-кулацкой эксплуатации мелкое хлопковое хозяйство было убыточно и обречено на гибель.

Для развития хлопководства в Ферганской долине особое значение имело строительство в 1906 г. Ферганской железной дороги, соединившей Фергану с двумя железными дорогами Средней Азии и обеспечившей вывоз хлопка из Ферганской долины. Фергана становилась житницей «русского отечественного хлопководства». Насколько большое значение имела культура хлопчатника для Ферганы, можно судить уже потому, что из общей посевной площади орошенных земель Ферганской области (исключая нехлопковый Ошский уезд) в 662 тыс. 516 дес. на долю хлопчатника приходилось 320 730 дес., что равно около 50% всей посевной площади.

Для отдельных уездов посевы хлопчатника составили: по Андижанскому — 57%, Скобелевскому — 53%, Наманганскому — 39% и по Кокандскому — 41%.

Среди 54 волостей 8 имели под посевами исключительно хлопчатник, т. е. 100%, 10 волостей — 80%, 16 волостей — 75% и только 20 волостей — 50% посевов хлопчатника[1].

Как видим из этих цифр, сельское хозяйство Туркестана, и в особенности Ферганы, превращалось в односторонне развитое хлопковое хозяйство, что вполне соответствовало политике царского правительства, направленной на превращение Туркестана в монокультурный хлопковый район, в сырьевую, главным образом хлопковую базу метрополии.

[1] *А. П. Демидов.* Указанн. работа, стр. 52.

Кокандский биржевой комитет в своих отчетах за 1911 год писал: «Фергана и вообще Туркестан только тогда исполнят свое предназначение в экономике империи и только тогда будут заслуженно носить наименование «жемчужины» России, если используют всю потенциальную мощь сельского хозяйства, по преимуществу хлопка и шелка, получая в обмен на это из России хлеб, корма, продукты обрабатывающей промышленности; и всякая препятственная мера, способная остановить поступательное движение хлопководства в Фергане, была бы так же неразумна с точки зрения имперского хозяйства, как например, были бы смешны меры к насаждению хлебов в Баку и Донецком бассейне»[1].

Такое направление хозяйства Туркестана было не только губительно для всей экономики, но и сильно отражалось на положении узбекского дехканства. Так как развитие хлопководства в Фергане шло главным образом за счет вытеснения поливных продовольственных культур, то при условии отсутствия севооборота сокращались продовольственная и кормовая базы животноводства. Сокращение хлебных культур и кормов вызывало безудержное повышение цен.

Капиталистические круги и царское правительство пытались обеспечить край «дешевым» хлебом, намечалось много мероприятий — создание специализированных хлебных районов в сопредельных с Туркестаном областях, строительство железной дороги Верный—Ташкент—Турксиб, которая связала бы Семиречье с Сибирью, и т. д. Но все эти мероприятия не были осуществлены.

Говоря об общих результатах развития народного хозяйства Туркестана, необходимо прежде всего констатировать, что развитие промышленного производства коренным образом изменило направление всей хозяйственной жизни края.

Туркестан оказался втянутым в кругооборот капиталистических отношений России. С ростом вывоза сельскохозяйственной продукции, взамен которой ввозились товары фабрично-заводского производства,

[1] Кокандский Биржевой комитет. Отчет за 1911 г.

сельское хозяйство края, ранее имевшее натуральный характер и рассчитанное на местное потребление, теперь, по мере развития товарно-капиталистических отношений, стало приспосабливаться к требованиям всероссийского рынка.

Происходило то, о чем писал В. И. Ленин в «Развитии капитализма в России», определяя основные признаки колонии:

«1) наличность незанятых, свободных земель, легко доступных переселенцам;

2) наличность сложившегося мирового разделения труда, мирового рынка, благодаря которому колонии могут специализироваться на массовом производстве сельскохозяйственных продуктов, получая в обмен за них готовые промышленные изделия...»[1].

Дореволюционный Туркестан представлял собою аграрный район. Основные отрасли промышленности были связаны с первичной обработкой сельскохозяйственного сырья, необходимой для того, чтобы сделать его пригодным для перевозки. Крупнейшей отраслью промышленности являлась поэтому хлопкоочистительная промышленность. Общее число хлопкоочистительных заводов равнялось 235, из которых 159 заводов находилось в Фергане, 22 — в Сыр-Дарьинской области, 31 — в Самаркандской и 23 — в Закаспийской. В хлопкоочистительной промышленности в 1915 г. было занято 15 000 рабочих[2]. Хлопкоочистительные заводы представляли собою тогда смесь полукустарных предприятий и технически хорошо оборудованных предприятий крупных фирм.

Маслобойная промышленность, возникшая после хлопкоочистительной, была представлена сравнительно крупными капиталистическими предприятиями и давала в 1915 г. около 2 млн. пудов масла, свыше 5 млн. пудов жмыха, около 5 млн. пудов шелухи. Технический уровень маслобойных заводов был крайне низок. Так, мощность пресса составляла в среднем не более 4—5 л. с. В среднем на одно предприятие общая мощность силовых установок составляла 240 л. с. и средняя мощность одного двигателя — 108,7 л. с., а общая мощность силового хозяйства 22 маслозаводов равнялась 5300—5400 л. с. Стоимость же основных фондов маслобойной промышленности в 1913 г. была равна сумме 4 млн. 400 тыс. руб., или 220 тыс. рублей на один маслозавод.[1]

Количество перевозок по Среднеазиатской железной дороге хлопкового масла из Туркестана дает некоторое представление о значении Туркестанской маслобойной промышленности.

По данным Управления Среднеазиатской железной дороги за 1913 г. вывоз в прямом направлении хлопкового масла из Туркестанского края составил 2 млн. 115 тыс. 119 пудов и в местном направлении — 252 тыс. пудов, всего — 2 млн. 367 тыс. 119 пудов.

В отдельные годы вывоз масла составил:

1906	г. —	556 878	пудов
1907	„ —	525 685	„
1908	„ —	569 733	„
1909	„ —	1 102 876	„
1910	„ —	1 575 980	„
1911	„ —	1 772 186	„
1912	„ —	2 382 818	„[2]

Основным районом размещения маслобойной промышленности была Фергана, откуда в 1913 г. было вывезено 1 млн. 912 тыс. 899 пудов хлопкового масла.

Винодельческая промышленность была представлена 34 заводами, из которых 28 находились в Самаркандской области. Заводы вырабатывали около 500 000 ведер вина. Из этой выработки 85,4% приходилось на Самаркандский уезд, 11,3% — на Ташкентский, 1,8% — на Ходжентский, 1,4% — на Катта-Курганский и 0,1% — на Скобелевский[3].

Коньячно-винокуренные заводы вырабатывали свыше 3 млн. 500 тыс. ведер спирта.

Продукция животноводства (кроме шелководства) перерабатывалась на кустарных кожевенных заводах,

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 520.

[2] *А. Асаткин.* Очерки хозяйственной жизни Туркреспублики, изд. ЦСНХ, Ташкент, 1921, стр. 128.

[1] *В. В. Заорская* и *К. А. Александер.* Промышленные заведения Туркестанского края. П г., 1915, стр. 146.

[2] Кокандский биржевой комитет. Отчет за 1915 г., стр. 21 — 22.

[3] *А. Асаткин*, указанная работа, стр. 129 — 130.

выделывавших в год свыше 150 000 кож (главным образом коровьих).

Кроме кожевенных, работали кишечно-очистительные заводы, перерабатывавшие около 1 500 тонн кишок (90% бараньих), шедших большей частью на экспорт в Германию (заводы принадлежали фирме Дюршмидта).

Горнодобывающая промышленность находилась в зачаточном состоянии. Главными ее отраслями были: каменноугольная, нефтяная, озокеритовая и добыча некоторых цветных металлов.

Добыча каменного угля в Туркестане началась в 70—80-х годах прошлого века. Сначала добывалось 200—250 тыс. пудов в год, причем эта добыча шла главным образом на удовлетворение нужд войсковых частей. С 1895 г. в связи с развитием некоторых отраслей промышленного производства (винокуренно-винодельческой, сантониновой, хлопкоочистительной, маслобойной) и в связи с открытием железной дороги от ст. Самарканд до ст. Ташкент добыча угля начинает постепенно увеличиваться и, наконец, доходит в 1910 г. до 12 млн. пудов — своей наибольшей цифры, а затем начинает постепенно падать, понижаясь в 1921 г. до 8 млн. пудов.

До 1917 г. разрабатывались следующие каменноугольные районы:

1) Сулюктинский (копи Сулюкта, Кош-Булак и Кокансайские, находящиеся в 30 верстах от Драгомирова);

2) Шурабский, в 45—50 верстах от ст. Мельниково Среднеазиатской железной дороги;

3) Кизил-Кийский, в 35—45 верстах от ст. Фергана;

4) Андижанский, в 25—35 верстах от ст. Джалал-Абад;

5) Нарынский, на расстоянии 30—40 верст от ст. Уч-Курган;

6) Зеравшанский, в 100—130 верстах от ст. Самарканд;

7) Черняевский (копи Лянгар, Кельт-Машат, Бурундай), находящийся недалеко от линии Семиреченской железной дороги.

Из всех каменноугольных районов наиболее интенсивно работали копи Сулюкта и Кизил-Кия, как имевшие свои подъездные пути и добывавшие в 1911 г. до 5 млн. пудов каждая.

По предварительным данным, геологические запасы названных выше каменноугольных районов исчисляются в размере не менее 25—26 миллиардов пудов. Почти все разрабатываемые месторождения находились в отдалении от линии железной дороги и от пунктов потребления и отчасти из-за этого развитие угольной промышленности не могло совершаться быстрыми темпами.

Динамика добычи угля, начиная с 1901 г., выражается в следующих данных:

1901 г.	720 338 пудов	1909 г.	2 713 785 пудов
1902 „	849 639 „	1910 „	3 427 540 „
1903 „	1 027 346 „	1911 „	6 631 622 „
1904 „	1 463 064 „	1912 „	5 994 464 „
1905 „	2 404 919 „	1913 „	8 406 562 „
1906 „	2 376 367 „	1914 „	9 900 879 „
1907 „	1 951 376 „	1915 „	10 314 214 „
1908 „	2 097 437 „	1916 „	12 315 105 „[1]

Значительное повышение добычи, начиная с 1911 г., объясняется тем, что к некоторым копям (Кизил-Кия и Сулюкта) были проведены углевозные узкоколейные железные дороги, на рудниках установлены паровой подъем и достаточное техническое оборудование. С этого времени добыча с каждым годом увеличивалась и в 1916 г. достигла максимума.

В каменноугольных копях Туркестана работало значительное число рабочих (что не всегда учитывается при определении численности рабочего класса в дореволюционной промышленности). К концу 1916 г. здесь было занято 2820 рабочих да 1200 военнопленных, итого 4020 человек[2].

Промышленная разработка нефти начинается в Туркестане с 1901 г. Максимальная добыча (1913 г.) достигла 13 млн. пудов, затем в 1914 г. добыча упала до 5 млн. пудов, в 1915 г. — до 4 млн. и в последующие военные годы снизилась до 2 млн. пудов. Нефть добывалась на месторождениях Санто и Чимион в Фергане и на острове Челекене в Каспийском море. Нефтепромыслы Санто

[1] Краткий отчет ЦСНХ Туркреспублики за 1922 год, стр. 7—8.
[2] Там же, 1921 год, стр. 11.

и Чимион имели свои нефтеперегонные керосиновые и бензиновые заводы.

Из других полезных ископаемых добывалась соль в количестве около 5 млн. пудов, из которых около 3 млн. пудов приходилось на Закаспийскую область и около 2 млн. пудов — на остальные.

Кроме перечисленных полезных ископаемых, велась добыча урано-радиевых руд в Туя-Мукне (Фергана), кустарная добыча озокерита на острове Челекене, серы в Камыш-Баши (Фергана) и золота.

Для колониального Туркестана характерно, что при наличии хлопка, шелка, шерсти и различного рода промышленного сырья обрабатывающая промышленность была развита слабо, в частности не было построено ни одной текстильной фабрики.

Известна резолюция бывшего генерал-губернатора Туркестанского края Самсонова, который на прошении одного из предпринимателей об открытии текстильной фабрики в Самарканде написал:

«...Дать заключение неблагоприятное. Кроме того, указать, что развитие в крае бумагопрядильной фабричной промышленности является вопросом чрезвычайной важности, имеющим невыгодную сторону — подрыв этой промышленности в Центральной России и лишение железных дорог грузов»[1].

Такие отрасли фабрично заводской промышленности, как металлообрабатывающая, строительных материалов, машиностроения, не получили никакого развития.

В период 1903—1905 гг. в Туркестане стали появляться небольшие металлообрабатывающие предприятия (завод Сойфера в Ташкенте, Пелищенко в Коканде и «Общий труд» в Самарканде), но они до 1914 г. влачили жалкое существование, и только война несколько оживила их деятельность.

Фабрично-заводская промышленность дореволюционного Туркестана (кроме добывающей) охватывала 702 предприятия с 20 925 рабочими, из которых около 16 000 приходилось на коренное население.

В Туркестане существовало развитое кустарно-ремесленное производство, правда, терявшее постепенно свои экономические позиции под влиянием конкуренции

[1] ЦГИА УзССР, д. № К—22, 1916 г., отд. III.

с предприятиями фабрично-заводской промышленности России. Таковы шелковое, ковровое производства, гончарные промыслы, промыслы «на коня и всадника», металлообработка, деревообработка, ювелирное дело и другие кустарно-ремесленные производства.

Хлопководство и некоторые другие отрасли народного хозяйства Туркестана в эпоху монополистического капитализма

Важнейшим экономическим процессом, характеризующим эпоху монополистического капитализма в истории колониального Туркестана, является активное вмешательство монополистического капитала метрополии в развитие народного хозяйства Туркестана в целях превращения его в хлопковую базу русской промышленности, в связи с чем роль финансового капитала приобрела особенно большое значение.

В период промышленного капитализма участие банковского капитала в хлопководстве было незначительным.

В Средней Азии, богатой сырьевыми ресурсами и горными богатствами, банковский капитал нашел широкое поле для своей деятельности.

В эпоху монополистического капитализма банки стали распространять свое влияние на наиболее важные и перспективные участки народного хозяйства. О том, с какой быстротой развернулись банковские операции в хлопководстве, свидетельствуют следующие данные. На ноябрь 1912 г. задолженность населения банкам составила: Государственному банку —27 млн 500 тыс. руб. и частным банкам — 129 млн. 200 тыс. руб. (в том числе задолженность по Ферганской долине составила 80 млн. 300 тыс. руб., или 51 % всей задолженности). Прежние посреднические операции банков вскоре утратили свой удельный вес. Условия колониального режима являлись питательной средой для финансового капитала.

Сосредоточив свои усилия прежде всего на хлопководстве, банки, в особенности частные банки, от посреднических функций перешли к самостоятельным хлопковым операциям. Одновременно финансовый капитал все шире охватывает в Средней Азии и другие доходные участки — хлопкоочис-

тительную и маслобойную промышленность, приступает к разработке горных богатств, проявляет интерес к ирригационным концессиям, железнодорожному строительству и т. д.

В. И. Ленин, характеризуя роль банков в эпоху империализма, указывал:

«По мере развития банкового дела и концентрации его в немногих учреждениях, банки перерастают из скромной роли посредников в всесильных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большею частью средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде стран»[1].

На примере Средней Азии представляется возможным проследить, как финансовый капитал в течение короткого срока превратился в подлинного монополиста прежде всего хлопкового сырьевого рынка, затем хлопкоочистительной и маслобойной промышленности, внедрился в добывающую промышленность и т. д.

Текстильные фабриканты также стремились расширить сферу своей деятельности, проникая в хлопкоочистительную и маслобойную промышленность в Средней Азии. В качестве организаторов и владельцев хлопкоочистительных и маслобойных заводов при активном участии банков выступали крупные хлопковые фирмы.

Российские хлопковые фирмы и текстильные фабриканты, используя банковский капитал, стремились освободиться от посреднического аппарата при скупке хлопка. Скупочный аппарат реорганизованных (в основном расширенных) объединений фабрикантов должен был заменить местных посредников.

В годы империалистической войны было организовано несколько крупных российских объединений по скупке хлопка.

В 1916 г. было организовано «Российское хлопкопромышленное т-во», которое объединяло 23 текстильных фабриканта (Эмиль Циндель, Воскресенская мануфактура, Красильщиков, представитель фирмы Морозовых). Указанное объединение предполагало заняться, кроме скупки хлопка, также строительством хлопкоочистительных и маслобойных заводов.

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 22, стр. 198.

К 1916 г. в Туркестане насчитывалось 9 торгово-промышленных хлопковых фирм, владевших 58 хлопкозаводами с 430 джинами и 15 маслозаводами с 91 прессом. Это из 201 хлопкозавода и 38 маслозаводов, имевшихся на территории трех областей Туркестана.

Важнейшими из этих фирм были:

1) Андреевское т-во — торговый дом Вадьяевых, имевший 30 хлопкозаводов и 5 маслозаводов;

2) Фирма «Беш-Бош» состоявшая из:

а) Большой Ярославской мануфактуры,

б) Московского торгово-промышленного т-ва,

в) Т-ва для торговли с Персией и Средней Азией,

г) Торгового дома «Бр. Шлосберг»,

д) фирмы «Вл. Алексеев».

Хлопковая фирма «Беш-Бош» владела 28 хлопковыми и 4 маслобойными заводами.

3) Торговый дом «Бр. Крафт»,

4) Фирма «Потеляхов»,

5) Фирма «Симхаев».

Наряду с этим из представителей местного торгово-ростовщического капитала образовалась группа крупных влиятельных хлопковых фирм (бывшие «чистачи», мануфактуристы, посредники). При посредстве банков они также расширили свои операции как по скупке среднеазиатского хлопка, так и по непосредственной его реализации на московском рынке. Местные объединения скупщиков хлопка вскоре заняли прочные позиции в хлопкоочистительной и маслобойной промышленности. Некоторые из них становились также участниками текстильных предприятий. Так, торговым домом «Бр. Вадьяевы» в 1916 г. была приобретена половина паев товарищества Иваново-Вознесенской мануфактуры.

В хлопкоочистительной промышленности, как и в маслобойной, наблюдалась борьба конкурирующих групп хлопковых фирм, среди которых многие являлись владельцами значительной части хлопкоочистительных заводов. В условиях, когда хлопковые фирмы сбывали приобретенный хлопок-сырец в виде волокна, наиболее крупные фирмы стремились иметь также заводы, чтобы обеспечить более выгодные условия очистки приобретенного ими хлопка. Это ускоряло процесс оборота капитала, позволяло обеспечить сбыт сырья в короткие сроки.

Такая же конкурентная борьба наблюдалась и в смежной отрасли — маслобойной промышленности.

Экономически она была теснейшим образом связана с хлопководством. Дело в том, что при калькуляции цены волокна из его стоимости вычитывалась стоимость семян, которые по своему весу занимали около $^2/_3$ общего веса хлопка-сырца. Кроме того, семена представляли большую и непосредственную ценность в маслобойном производстве. Отсюда заинтересованность крупных хлопковых фирм в приобретении маслобойных заводов, чтобы одновременно удешевить себестоимость хлопкового волокна и увеличить прибыли при эксплуатации маслобойных заводов.

Финансируя операции российских торгово-промышленных предприятий и местных торговых и промышленных объединений в области хлопководства, банки, как было отмечено, расширяли свои операции по скупке хлопка и его сбыту в центре. Частные банки стали также участвовать в операциях маслобойной промышленности.

Русский финансовый капитал в Средней Азии активно участвовал в ограблении дехканства и других трудящихся, особенно широко охватывая наиболее важные отрасли и районы. Например, в г. Бухаре в период первой империалистической войны было 7 отделений частных банков (кроме отделения Государственного банка). Масштаб операций банков в Бухаре определяется тем, что средние балансы (в 1915 г.) по шести банкам составили 20 млн. 300 тыс. руб.[1] Агентура русского финансового капитала в Бухаре, как и в других областях края, специализировалась на обслуживании промышленных отраслей народного хозяйства. Так, Азовско-Донской банк в своей деятельности был тесно связан с хлопчатобумажной промышленностью Петербурга.

«Русский для внешней торговли банк» в области сырьевых операций занимался кредитованием торговли каракулем. Отделение Сибирского банка широко проводило хлопковые операции, а также операции по хлопчатобумажным тканям. Русско-Азовскому банку в 1912 г. удалось получить разрешение на сооружение Бухарской железной дороги; в 1913 г. через одного из своих агентов

[1] См. ст. А. Рябинского «Царская Россия и Бухара в эпоху империализма» в журн. «Историк-марксист», 1941, № 4, стр. 4.

Бухарское правительство сдало этому банку в концессию 10 тыс. дес. земли, а в 1915 г. через того же банковского агента была получена от Бухарского правительства вторая концессия на 34 тыс. дес. и передана в эксплуатацию созданному при участии банка «Торговопромышленному товариществу».

На примере бухарских филиалов банков представляется возможным проследить тесную связь русского финансового капитала с финансовым капиталом крупных стран Европы. Большая часть указанных банков находилась в зависимости от французского финансового капитала. «Русский для внешний торговли банк» и «Сибирский торговый банк» зависели от немецкого финансового капитала, а «Русский торгово-промышленный банк» — от английского капитала. Только «Московский учетный банк» являлся представителем русского капитала.

В области горной промышленности банковский капитал наиболее значительные операции проводил в Закаспийской области (нефть, озокерит, соль). Масштаб этих операций с каждым годом увеличивался. Так, на Челекене добыча нефти в 1912 г. составила 239 тыс. 200 тонн, в 1907 г. в Закаспийской области было добыто 12 тыс. 600 тонн нефти.

В основном хозяйничал на нефтяных промыслах Челекена иностранный капитал — английский и немецкий. По некоторым данным, английскому капиталу удалось также проникнуть в нефтяной район Ферганской долины.

Добыча каменного угля в Ферганской области в 1913 г. достигла 88 тыс. 700 тонн, увеличившись почти в три раза сравнительно с 1908 г. В Бухарском ханстве в горную промышленность (в частности в золотопромышленность) русский финансовый капитал проник в незначительной мере; большую роль здесь играли некоторые мелкие капиталисты, бывшие чиновники, военные и т. д.

В целом в горном деле (где были получены такие блестящие достижения в послеоктябрьский период), банковский капитал в рассматриваемое время не производил крупных операций.

Особо следует выделить участие финансового капитала в железнодорожном строительстве.

Разоблачая оборотную сторону сооружения железных дорог в колониях и полуколониях европейских государств, В. И. Ленин писал:

«Постройка желездорог кажется простым, естественным, демократическим, культурным, цивилизаторским предприятием: такова она в глазах буржуазных профессоров, которым платят за подкрашивание капиталистического рабства, и в глазах мелкобуржуазных филистеров. На деле капиталистические нити, тысячами сетей связывающие эти предприятия с частной собственностью на средства производства вообще, превратили эту постройку в орудие угнетения *миллиарда* людей (колонии плюс полуколонии), т. е. больше половины населения земли в зависимых странах и наемных рабов капитала в «цивилизованных» странах»[1].

Строительство основных железнодорожных линий, соединивших Россию со Средней Азией, было в значительной мере продиктовано военно-стратегическими соображениями. Однако в дальнейшем эти дороги приобрели огромное экономическое значение и открыли возможности для широкой эксплуатации российским торгово-промышленным капиталам производительных сил Средней Азии.

Новые железные дороги, содействовали усилению товарности сельского хозяйства, росту посевных площадей хлопчатника, усилению торговых связей с промышленными районами России.

В эпоху финансового капитала строительство железных дорог обеспечивало огромные прибыли не только русским и иностранным банкам, но также местным помещикам и капиталистам. Так, для постройки Бухарской железной дороги эмиром Сейид Мир-Алимханом было «безвозмездно» отчуждено под полотно дороги и необходимые сооружения 6 тыс. дес. земли. Такая щедрость объяснялась тем, что эмир бухарский — первый помещик в своем ханстве — был непосредственно причастен к строительству этой дороги.

Проведение в крае частных железных дорог также иллюстрирует, какое развитие в эпоху финансового капитала получил местный торгово-промышленный капитал, также принявший непосредственное участие в строительстве отдельных железнодорожных ветвей. Например, в 1913 г. владелец местной хлопковой фирмы (Торговый дом Р. Потеляхова), имевший также хлопкоочистительные заводы, построил узкоколейную железную дорогу от Ассаке до ст. Ванновской.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 22, стр. 178—179.

Таким строительством занимались и некоторые другие владельцы крупных предприятий. Например, от угольных копей Кизил-Кия до ст. Горчаково Среднеазиатской железной дороги была проведена железнодорожная линия владельцем этих копей.

На Аральском море было создано пароходство и в результате этого хорезмский хлопок стал поступать непосредственно на ст. Аральское море Ташкентской железной дороги, вместо того чтобы направляться кружным путем через Чарджоу, куда он ранее доставлялся гужом и на каюках. Финансовый капитал, следовательно, охватил и в Средней Азии ряд наиболее выгодных отраслей народного хозяйства, приносивших высокую прибыль.

В добывающей промышленнности участие финансового капитала было менее значительным. В обрабатывающей промышленности русский финансовый капитал концентрировал свое внимание на тех отраслях, которые были тесно связаны с хлопководством, либо обеспечивали производство возрастающего количества ценного сырья для его дальнейшей переработки на промышленных предприятиях метрополии.

А над всем этим господствовал все тот же хлопок. Такое уродливое и однобокое развитие промышленности Туркестана вполне соответствовало колониальной политике царизма и русской буржуазии, тормозившей индустриальное развитие национальных районов, чтобы удержать их в роли аграрно-сырьевых придатков метрополии, где была сконцентрирована основная масса обрабатывающей промышленности государства. Как известно, доля восточных районов империи и Средней Азии во всей промышленной продукции России в 1913 г. составляла только 10%, а доля Туркестана — всего лишь 1,8%.

При указанном участии банков, в том числе и Государственного банка, в хлопководстве и связанных с ним отдельных отраслях промышленности, т. е. в тех отраслях народного хозяйства, в которых был наиболее заинтересован русский и иностранный финансовый капитал, — в крае по-прежнему почти ничего не было предпринято, чтобы организовать кредитование хлопководческих хозяйств (хотя бы в размерах кредитования сельского хозяйства в центральных областях России).

Первые кредитные товарищества в крае появились тогда, когда отчетливо стали обозначаться тревожные

симптомы в хлопководстве. Они появились через продолжительный срок после того, как на съездах и совещаниях хлопководов настойчиво отмечалась необходимость обеспечения производителей сырья «дешевым» кооперативным кредитом, чтобы хоть немного ослабить гнет кредита ростовщического.

В конце концов царское правительство разрешило приступить к организации кредитной кооперации, а Государственному банку в Ташкенте были даны указания чтобы товарищества были организованы на основе устава не кредитных, а ссудо-сберегательных товариществ (хотя последняя форма объединений доказала свою несостоятельность в центральных областях России).

В первый период своего развития товарищества были большей частью организованы не в Ферганской долине — основном районе хлопководства, — а в Сыр-Дарьинской области, где было много русских переселенческих поселков (в Голодной степи и др.). Так, в 1912 г., через четыре года после возникновения кредитных товариществ, удельный вес их в Фергане составил 28,2% (63 товарищества из 223), тогда как по общей посевной площади хлопчатника Фергана занимала 65,6%.

Трудно объяснить такое размещение низовой сети плохой осведомленностью чиновников Государственного банка о том, в каких именно областях края хлопководы испытывали острую нужду в кредите.

При наличии в Средней Азии значительной сети частных банков кредитование товариществ не представляло трудностей ни для частных банков, ни для Государственного банка. Частные банки в известной мере были даже заинтересованы в этом, поскольку некоторые из них непосредственно занимались также скупкой хлопка.

Контора государственного банка приступила к весьма ограниченному финансированию кредитной кооперации. Но и такое финансирование встретило неожиданное препятствие.

По данным «Туркестанского общества сельского хозяйства» помощь кредитной кооперации, в частности со стороны кокандского отделения Государственного банка, не встретило одобрения в центре, и дальнейшие операции банка, отмечается в одном из докладов Туркестанского общества сельского хозяйства, были прекращены циркуляром графа Витте, известившим, что деятельность банка должна

быть направлена на развитие операций крупных торговых и промышленных учреждений, а не на мелкие ссуды, лишь обременяющие банк[1].

Здесь сказалась не только забота министра финансов России о крупных торговых и промышленных предприятиях. Организация кредитных товариществ, даже при ничтожной их роли в оказании реальной помощи дехканству, могла нанести заметный ущерб интересам торгово-ростовщического капитала путем снижения процентных ставок кишлачных ростовщиков.

Царское правительство определенно встало на защиту интересов торгово-ростовщического капитала, с которым, как уже отмечалось, банки были тесно связаны

С другой стороны, наблюдалось энергичное проникновение кулацко-байской верхушки, т. е. представителей сельской буржуазии и торгово-промышленного капитала, в руководство кредитными товариществами. Именно кулацко-байские группы в Средней Азии отлично сумели использовать в своих интересах значительную часть денежных сумм, поступивших в кредитные товарищества, в целях дальнейшего умножения своих капиталов.

При рассмотрении вопроса об отношении местных органов царской власти к организации кредитной кооперации надлежит отметить, что в отдельных областях Туркестана были попытки несколько расширить сеть кредитных товариществ, но это также не встретило сочувствия в центре. Когда такое расширение сети кредитных товариществ пытался осуществить военный губернатор Ферганской области в 1911 г., ему вскоре было дано указание, что этого не следует делать, так как нельзя, мол, распространять практику центральных областей России на Туркестан, где население «покоренное», «неграмотное», и т. д.

В таких условиях кредитная кооперация в Туркестане, конечно, не могла нормально развиваться.

Лишь к началу империалистической войны (1914 — 1918 гг.) сеть кредитных товариществ увеличилась до 460 единиц. Потребовалось чувствительное проявление новых затруднений с хлопком, чтобы временно отпали препятствия к расширению сети кредитных товариществ. Только поэтому в 1917 г. в крае насчитывалось уже 786 кредитных товариществ.

---

[1] Журнал «Туркестанское сельское хозяйство», 1911, № 6, стр. 353.

Деятельность кредитных товариществ определялась по существу не количественным ростом их сети, а степенью их реального участия в кредитовании хлопководческих хозяйств. В этом удельный вес товариществ оказался ничтожным; так, в 1912 г. хлопковые фирмы и хлопкоочистительные заводы имели в банках кредит в сумме 50 млн. 744 тыс. руб. (в частных банках — 45 млн. 657 тыс. руб. и в государственном банке — 5 млн. 087 тыс. руб.). Кредитные же товарищества имели в Государственном банке кредит в 2 млн. 572 тыс. руб. или примерно 5% всех кредитов хлопковых предприятий (собственные средства кооперации были ничтожны).

Надо также учесть, что кредитные товарищества выдавали ссуды дехканским хозяйствам не только на операции, связанные с хлопководством. Кроме того, как мы уже отмечали, социальная засоренность кредитных товариществ имела своим результатом использование части поступивших сумм в интересах кулацко-байской верхушки кишлака.

Таким образом, система кредитной кооперации и в период своего «расцвета» не оказывала по существу никакого влияния на тяжелое состояние хлопководческих хозяйств. Таковы природа кооперации и ее реальные возможности в капиталистическом хозяйстве вообще, не говоря уже об условиях колониального режима.

В. И. Ленин, критикуя программу народников, которые думали переделать сельское хозяйство такими мероприятиями, как дешевый кредит и т. п., указывал, что они целиком становятся на почву капиталистических порядков и хотят отделаться штопанием и починкой их, не понимая, что дешевый кредит, улучшение техники, банки и т. п. в состоянии только усилить и развить буржуазию.

Капиталистическое кредитование в условиях колониального режима, являясь детищем капиталистической экспансии, не могло изменить своей классовой природе. Мы видим, что не помощь и облегчение, а большие потрясения внес русский финансовый капитал в экономику сотен тысяч мелких хлопководческих хозяйств.

Одной из проблем, неразрешенность которой сказывалась на развитии сельского хозяйства Ферганской долины, являлся недостаток земли.

Уже в 1900-х годах дехканство Ферганской долины остро испытывало малоземелье. Только из Наманганского уезда, по данным местной администрации, ежегодно уходило

на полевые работы в Сыр-Дарьинскую область и в Семиречье до 20 тыс. человек.

В остальных хлопковых районах Ферганы с земельной обеспеченностью дело обстояло не лучше.

Когда приближались весенние полевые работы, тысячи трудолюбивых людей, прекрасных «мастеров хлопка», направлялись в другие районы и области, чтобы в качестве батраков обрабатывать чужие поля. Очевидно, труд мардикера кормил их лучше, чем собственный клочок земли. В то же время из Западного Китая в Фергану тысячи других людей переходили в наиболее крепкие хлопководческие хозяйства, так как на своей родине эти люди имели еще худшие условия.

Ни в одной области не было такой высокой урожайности хлопчатника, как в Фергане; ни одна область не получала таких больших денежных доходов от хлопка, как Фергана, и вместе с тем ни в одной области не наблюдалось такого интенсивного процесса пролетаризации дехканских масс. Здесь начался этот процесс ранее, чем в других областях Туркестана. Между тем из Ферганы — богатейшей хлопковой долины, — в годы подъема хлопководства направлялось на тесктильные фабрики России до $^2/_3$ всего туркестанского хлопка.

Рост богатства капиталистической верхушки кишлака и хлопковых дельцов, орудовавших в области, процесс концентрации поливных земель в руках байско-кулацких элементов и обнищания производителей хлопкового сырья совершался одновременно, при этом в исключительно короткие сроки.

О все возраставшем обнищании широких масс дехканства свидетельствует статистика роста кредитных операций среди дехканского населения Ферганской области за 1917 г., а также сведения о числе операций по продаже за деньги земельных имуществ. Из этих данных явствует, что у 211 народных судей области было совершено следующее количество сделок по долговым операциям:

1) по займам под расписки	140 200
2) по займам с залогом	83 100
3) по займам недвижимых имуществ	44 000[1]

[1] *Е. В. Бунаков.* Развитие капитализма в Узбекистане (рукопись), стр. 300.

Предъявлено судебным приставом для производства денежных взысканий в 1912 г. 5337 исполнительных листов. За 1909—1912 гг. зарегистрировано в среднем за год 249 случаев продажи земель. Стоимость проданной земли за 1 год составляла 372 616 руб. В одном из номеров журнала «Туркестанское сельское хозяйство» за 1909 г. дается такое описание кредитных операций:

«Фергана — большой край, но население ее не богатеет, а все больше и больше беднеет и закабаляется, вводимое коммерсантами в весьма невыгодные сделки.

Но беда в том, что хлопковые фирмы не находят нужным иметь сношения непосредственно с дехканом, поэтому хотя и кредитуют их, но через ими же самими созданный штат посредников, получивших уже себе название: маклера, комисс онера, чистача, арбакеша и т. п., эти господа, получая деньги по 12%, раздают мелким землевладельцам уже под %% сколько бог на душу положит...

Этим именно и объясняется, что дехкан из-за одной только возможности кредитоваться у фирм сеет американский хлопчатник везде, где только можно, вытесняя пшеницу, люцерну и даже рис, хотя бы это даже и не было полезно для общего севооборота»[1].

Наконец, ярким свидетельством массового разорения дехкан-хлопкоробов области служат данные о безземельных дехканах.

По этим данным, безземельные хозяйства составляли: в Маргеланском уезде 22%, в Андижанском — 15%, в Наманганском — 11%.

Дехканство Ферганской области ранее других областей края подверглось обнищанию, так как царское правительство здесь прежде всего занялось широким внедрением хлопчатника.

Хлопчатник был действительно весьма доходным делом для байских и кулацких хозяйств, которые имели возможность засевать его в сочетании с другими сельскохозяйственными культурами и сбывать его в те сроки, какие они считали для себя выгодными, не будучи авансированы на ростовщических условиях хлопковыми фирмами.

Десятки же и сотни мелких хлопководческих хозяйств продолжали заниматься культурой хлопчатника только

[1] *А. П. Демидов*, указанная работа, стр. 118.

потому, что они оказались в тисках торгово-ростовщического капитала, из которых уже не могли вырваться.

Характерная деталь: когда среднеазиатская дорожная экспедиция (в 1894 г.) посетила Бухару, она была поражена не только высоким уровнем цен на зерновые продукты, но и стремлением дехкан засевать больше зерновые, нежели хлопчатник.

Бухарский эмир в беседе с принятой им комиссией прямо предсказал сокращение посевов хлопчатника, «мотивируя его тем, что его подданные, несомненно, будут надеяться на большую, сравнительно с хлопком, выгодность хлебных запашек»[1].

Нет ни одного исследователя дооктябрьского хлопководства, который бы не отметил, что в создавшихся для мелких дехкан условиях сбыта хлопка и покупки хлебопродуктов зерновые культуры успешно конкурировали с хлопчатником.

Что же представляло собой среднеазиатское хлопководство в эпоху финансового капитала, накануне гибели самодержавного режима? И в каком состоянии находилось в то время сельское хозяйство края в целом?

...«Перед нами ныне вырисовывается в Туркестане безотрадная картина заживо разлагающегося сельскохозяйственного труда, в котором копошатся, кишат и быстро увеличиваются в числе паразиты-ростовщики, самое существование коих может вызываться только обеднением и обездолением населения»[2]...

Так писало Туркестанское общество сельского хозяйства в своем докладе, представленном сенатору Палену.

При таком положении некоторые деятели хлопководства считали возможным делать прогнозы о пауперизации в ближайшем будущем сотен тысяч мелких дехкан-хлопкоробов.

Сам Пален высказался о положении дехкан, конечно, куда более сдержанно:

«Чтобы сохранить Туркестан, как колонию, способную доставлять нужные нам продукты и как большой рынок для продуктов фабрично-заводской промышленности

[1] *М. П. Федоров*. Хлопководство в Средней Азии, Спб., 1898, стр. 137.

[2] См. журнал «Туркестанское сельское хозяйство», 1911, № 4, стр. 175—176.

Европейской России, необходимо вырвать туземное земледельческое население из рук ростовщиков и задаткодателей»[1].

В качестве способствующей этому меры он предлагал «мелкий кредит, и ипотечный, мелиоративный кредит».

Но мы уже отмечали, что «проблема» кредита, как и другие, поставленные царским правительством основные задачи, не получила удовлетворительного разрешения.

Фактически русской буржуазии предоставлена была до конца возможность беспощадного ограбления богатейшего края путем хищнической эксплуатации сотен тысяч дехканских хозяйств.

Таковы были итоги хозяйничания русского военно-феодального империализма в Туркестане. Так они расценивались и некоторыми весьма умеренных воззрений военными людьми, служившими в Средней Азии и отлично видевшими как эти социальные паразиты разъедали народное хозяйство края.

Автор книги «Соперничество России и Англии в Средней Азии», подводя итоги деятельности царизма в Бухарском ханстве, с горечью отмечает:

...«За тридцать три года нашего протектората мы только и добились того, что провели таможенное объединение, которое, между прочим, приносит нашему государственному казначейству не плюс, а минус, если принять во внимание и необходимый расход на содержание пограничной стражи, — имеем сомнительных качеств единственную русско-туземную школу в Бухаре, да еще добились отмены варварского способа смертной казни (зарывание в землю заживо) и некоторого улучшения бухарских тюрем»[2].

Плачевные результаты хозяйничания царизма в ханстве М. Грулев не считает случайными: при «совершенно диких первобытных началах», на которых базировалась податная система, неудивительно,— заключает он, — что «население из года в год нищает настолько, что, по показаниям самих властей бухарских, давно остановился естественный прирост населения, и оно клонится к естественному вымиранию»[3].

---

[1] *К. К. Пален.* Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, 1911, ч. 1, стр. 232.

[2] *М. Грулев.* Соперничество России и Англии в Средней Азии, Спб., 1900, стр. 223 — 224.

[3] *М. Грулев.* Названн. книга, Спб., 1900, стр. 225.

Автор дает краткую, но красочную, характеристику сановникам царского правительства, причастным к управлению эмиратом. Он заканчивает главу о Бухаре следующими словами:

«Не хочется верить, чтобы на пути этих реформ встретились бы препятствия в виде щедрых подарков, раздаваемых эмиром нашим сановникам»[1].

Механика управления царского правительства своими колониями была такова, что на пути «реформ», которые, понятно, ничего не могли изменить в самом существе, — стояли те же «препятствия» не только в Бухаре, но и в других областях Средней Азии.

Край в целом страдал не от того, что не осуществлялись обещанные реформы, а от колониального грабежа, который привел к разорению и обнищанию Туркестана.

Заканчивая анализ процессов, которые произошли в русском земледелии, когда оно было превращено в товарное производство, В. И. Ленин указывал:

«Капитализм в громадной степени расширяет и обостряет среди земледельческого населения те противоречия, без которых вообще не может существовать этот способ производства. Но, несмотря на это, земледельческий капитализм в России, по своему историческому значению, является крупной прогрессивной силой»[2].

Подчеркивая исторически прогрессивную роль капитализма в земледелии, В. И. Ленин далее писал: ... «мы нисколько не забываем ни об исторически преходящем характере этого экономического режима, ни о присущих ему глубоких общественных противоречиях»[3].

Эти общественные противоречия неразрешимы в условиях капитализма.

Они получили свое разрешение лишь в результате Великой Октябрьской социалистической революции. Великий Октябрь разрешил эти противоречия и в бывшей царской колонии — Средней Азии.

***

Экономические и политические связи Средней Азии с Россией восходят к древнейшим временам (VII — VIII вв.).

---

[1] *М. Грулев,* названн. книга, Спб., 1900, стр. 225.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 268—269.

[3] Там же, стр. 273.

Уже с тех пор народы Средней Азии и России поддерживали тесные отношения, весь ход развития которых подготовил присоединение Средней Азии к России.

Мы считаем, что традиционный взгляд, согласно которому Средняя Азия уже в период завоевания ее царизмом рассматривалась как новый обширный рынок сбыта промышленных товаров и источник сырья, колонизационная область для «избыточного» крестьянского населения внутренней России, выгодная сфера приложения капитала и объект финансовой эксплуатации — не соответствует характеру экономического развития Средней Азии и империи в период, непосредственно предшествовавший завоеванию и в первое время после завоевания.

В колониальной политике царизма в отношении Средней Азии следует различать три этапа.

На первом этапе (XVIII в.) Средняя Азия рассматривается не как самостоятельный объект завоевания, а как плацдарм для создания «великого азиатского торгового пути в Индию» и ослабления влияния Британской империи на Востоке. Самой же по себе Средней Азии в этот период придавалось значение лишь района возможного расширения русской торговли.

Второй этап (конец XVIII в. — первая половина XIX в.) характеризуется тем, что «индийская» ориентация царской колониальной политики в Средней Азии сменяется ориентацией собственно «среднеазиатской», как таковой. Среднеазиатские ханства рассматриваются с этого времени уже как самостоятельный объект завоевания, а не как плацдарм для продвижения к Индии.

Начиная со второй половины XIX в., т. е. после реформ 60-х гг., когда интересы развивающегося русского капитализма стали играть большую роль в колониальной политике царизма, среднеазиатский вопрос приобретает для России самостоятельное и прежде всего экономическое значение. Это — третий этап в колониальной политике царского правительства в Средней Азии. Сравнительно быстрое развитие капитализма в России в пореформенный период стало преобладающей силой среди других побудительных причин, толкавших царизм к завоеванию Средней Азии.

По мере освоения вновь завоеванной территории начинается ее экономическая эксплуатация, и уже в 80-90-е гг. Средняя Азия становится сырьевой хлопковой базой империи. С этого времени возрастает значение Средней

Азии как рынка сбыта промышленных товаров метрополии, а в конце XIX и в начале XX в. Средняя Азия становится районом частичного размещения крестьянской переселявшейся массы, а также объектом финансовой эксплуатации и резервуаром громадных прибылей для капиталистов метрополии.

Присоединение Средней Азии к России в современных ему исторических условиях было объективно наилучшим выходом из тяжелого экономического и политического кризиса, который переживали в то время среднеазиатские ханства.

Источником положительного воздействия на Среднюю Азию служило экономическое, политическое и культурное общение народов Средней Азии с великим русским народом. Присоединение к России имело своим результатом разрушение патриархально-феодальных и развитие капиталистических отношений, сравнительно значительное развитие производительных сил, возникновение и рост фабрично-заводского производства, образование промышленного пролетариата, усиление экономических отношений Средней Азии с Россией, включение Средней Азии в орбиту капиталистического развития России и образование на этой основе внутреннего национального рынка. Все эти социально-экономические изменения создали предпосылки для экономической и политической консолидации узбекского народа, для формирования узбекской буржуазной нации.

Присоединение к России оказало большое влияние на духовную жизнь узбекского народа, который приобщился к передовой русской культуре (распространение печати, создание культурных очагов, проникновение революционных идей). Демократическая литература узбекского народа развивалась под благотворным влиянием передовой русской культуры.

Наконец, присоединение к России создало условия для совместной борьбы русского пролетариата и трудящихся угнетенных национальностей против общего врага — царизма.

Объективно признание прогрессивного значения присоединения Средней Азии к России отнюдь не ведет к затушевыванию реакционной сущности империалистической природы, целей и колониальной политики царизма, служившей интересам господствующих классов России, стремившихся к получению максимальных прибылей путем ограбления богатств Средней Азии хотя бы

за счет истощения ее трудовых и иных производительных сил. Колониальная политика царизма тормозила развитие производительных сил Средней Азии. На территории Средней Азии был установлен жестокий колониальный режим, который равно противоречил интересам угнетенных национальностей и интересам русского рабочего класса. Признание объективно прогрессивного исторического значения присоединения Средней Азии к России не исключает раскрытия и разоблачения реакционной сущности колониальной политики царизма.

Экономическое развитие Средней Азии после присоединения к России обусловливалось воздействием на него русского капитализма и определялось экономической политикой царского правительства. Царизм, с одной стороны, нуждался в Средней Азии, как сырьевой, прежде всего хлопковой базе, а, с другой стороны, видел в Средней Азии арену для укрепления экономических и политических позиций оскудевшего пореформенного дворянско-помещичьего землевладения.

Экономическое развитие Средней Азии было направлено по пути внедрения капиталистических отношений при одновременной консервации феодально-патриархальных элементов. Царское правительство, хотело оно этого или не хотело, способствовало развитию капиталистических отношений в Средней Азии и на других окраинах, так как оно не могло остановить объективного хода экономического развития России, с которой Средняя Азия, как и другие колонии России, была уже тесно связана.

Железнодорожное строительство в Средней Азии, покровительственная хлопковая пошлина, введенная царским правительством, усиленное развитие в крае хлопководства и другие мероприятия убедительно подтверждают высказанное выше положение.

Основные линии экономической политики царского правительства были направлены на превращение Средней Азии в сырьевой придаток империи, в район сбыта промышленных товаров метрополии и в район русской колонизации. Мероприятия, проводившиеся царским правительством в административно-политической и хозяйственной жизни края, отражали основные тенденции экономической политики царизма.

Завоевав Среднюю Азию, царское правительство стремилось переустроить край в административно-политическом отношении с целью укрепить свои военно-политические позиции, ослабить влияние местной земельной и духовной аристократии и предотвратить народные восстания. Оно установило в крае «военно-народную» форму управления, сущность которой заключалась в том, что внутреннее управление по всем делам, не имеющим политического характера, предоставлялось «выборным из среды самого народа (казиям, баям, аксакалам, арык-аксакалам и т. д.—*А. А.*) применительно к его нравам и обычаям». Все остальные правительственные функции в колонии сосредоточивались в руках военной администрации. По этим соображениям Туркестанское генерал-губернаторство находилось в ведении военного министерства.

Земельная политика царского правительства, закрепившая за оседлым населением право постоянного потомственного владения, пользования и распоряжения землею «на установленных местным обычаем основаниях», разрушала в отдельных районах феодальное деление земель на отдельные виды и привела к созданию фактической частной земельной собственности, значительно подорвав влияние феодальной светской и духовной земельной аристократии и способствуя мобилизации земель в руках байско-кулацких элементов деревни. В то же время земли кочевого населения были признаны государственной собственностью, предоставленной кочевникам только в пользование по обычаю.

Водохозяйственная политика царского правительства первоначально установила принадлежность воды в арыках, каналах и реках государству, а местному населению было предоставлено право пользования ею «по обычаю». Однако с развитием капиталистической промышленности России, в особенности текстильной промышленности, в связи с необходимостью обеспечения ее отечественным хлопком, возникла потребность в орошении новых земель, что потребовало разработки писаного водного закона (1910), который открыл бы возможность широкого использования частного капитала для орошения. Крупный капиталистический предприниматель, затрачивавший средства на ирригацию, не хотел ставить себя в зависимость от шатких обычаев. Он требовал твердых, основанных на законе, гарантий спокойного и прочного пользования водой для извлечения из этого как можно большей выгоды. Действо-

вавший же вместо закона обычай не мог этого обеспечить. Таким образом, для нормирования вновь возникавших правоотношений требовался новый водный закоан, прочно утверждавший право на воду, — закон обязательный для всех.

Однако царское правительство так и не сумело провести новый водный закон, а попытки орошения новых земель, обширные изыскательские и проектные работы не нашли применения в осуществлении ирригационных сооружений. Вместе с тем проект нового водного закона представляет определенный интерес с точки зрения оценки тех изменений, которые произошли в экономической политике царского правительства. Он составлялся в эпоху расцвета промышленного капитализма в России и должен был стимулировать широкое использование частного капитала для ирригации в Туркестане.

Царское правительство пыталось реорганизовать и налогово-податную систему. Если земельная политика царизма затушевывала процесс насаждения в сельском хозяйстве института частной земельной собственности и проникновения в него капиталистических отношений, то налогово-податная политика носила более открытый характер. Ст. 285 Положения об управлении Туркестанским краем гласила, что «земли как населенные, так и ненаселенные, принадлежащие частным лицам, обществам и установлениям или состоящие только в постоянном их владении, пользовании и распоряжении, облагаются в доход казны государственным поземельным налогом по правилам, установленным в уставе о прямых налогах». Размер государственного поземельного налога устанавливался в 10% со средней валовой доходности земель. Кроме государственного поземельного налога, были введены земельные повинности (земские налоги — денежные и натуральные).

Помимо государственного поземельного и земских налогов, существовал еще третий вид обложения — оброчная подать, представляющая собой остатки той податной системы, которая была установлена в первые годы после присоединения Средней Азии.

Налоги с сельского населения составляли главные источники доходов бюджета Туркестанского края. В 1917 г. общая сумма налоговых доходов составляла более 33 млн. рублей.

Кроме основных видов налогов, были введены различные сборы и обложения, акцизные налоги, таможенные сборы, промысловый налог, особый сбор (налог) с хлопка и другие.

Не представляет сомнения, что после присоединения Средней Азии к России налоговая система была значительно упрощена и налоговый гнет был сравнительно облегчен по сравнению с ханским периодом, но едва ли является правильным утверждение некоторых авторов (Гирс, Остроумов, Лобысевич и некоторые советские историки), что экономическое положение дехкан, якобы, благодаря проведенной царским правительством налогово-податной реформе, улучшилось. На наш взгляд, налоги и различные сборы, дополненные злоупотреблениями местной администрации и сельских налогосборщиков, были крайне тяжелы, и с этой стороны не могло существенно улучшиться экономическое положение дехкан. Если же принять еще во внимание усиление эксплуатации трудовых масс феодально-байскими элементами, торгово-промышленной и ростовщической буржуазией, то можно полагать, что экономическое положение трудовых масс фактически ухудшилось.

Центральной проблемой экономической политики царизма было создание в Средней Азии сырьевой хлопковой базы империи. Для форсированного развития хлопководства в Туркестане царское правительство предприняло целую систему мероприятий (установление таможенной пошлины на иностранный хлопок, строительство за счет казны железных дорог, введение льготного налогового обложения хлопка и т. п.).

Все эти мероприятия, способствуя значительному развитию хлопководства, тем не менее не обеспечивали России хлопковой независимости. Более того, накануне первой мировой войны в хлопководстве обозначились признаки кризиса.

Причинами провала хлопковой политики царизма и факторами, определившими предкризисное состояние хлопководства, служили невозможность дальнейшего развития хлопководства за счет существующих фондов орошаемых земель, ввиду значительного распространения монокультуры хлопчатника, отсутствие новых орошенных земель, дороговизна хлеба и кормов, падение урожайности истощенных монокультурой земель, общий упадок опутанного долгами и доведенного эксплуата-

цией до нищеты парцеллярного дехканского хозяйства.

Дальнейшее вытеснение зерновых культур с поливных земель, создание специализированного хлебного района в Семиречье и Сибири с проведением Туркестано-Сибирской железной дороги, организация мелкого государственного кредита, обеспечение края дешевым хлебом и рабочей силой (ввиду несоответствия трудового баланса страны), организация агрономической помощи и т. д.,— все эти выдвигавшиеся тогда мероприятия не могли разрешить хлопковой проблемы, к тому же часть их не могла быть осуществлена из-за войны.

Процесс развития народного хозяйства Средней Азии после ее присоединения к России отражает как основные линии экономической политики царизма, так и ее конечные результаты, которые объективно привели к развитию производительных сил страны и, прежде всего, к развитию более передового, капиталистического уклада, что нашло свое выражение в росте товарно-денежных отношений, в вовлечении мелких дехканских хозяйств в мировое товарное обращение, в развитии товарного хлопководства, в большем разделении труда и превращении края в специализированный район хлопководства.

В результате развития капиталистических отношений цеховая организация ремесла оказалась разрушенной, большинство отраслей кустарной и ремесленной промышленности приходило в упадок под влиянием конкуренции более дешевых фабрично-заводских товаров метрополии и самой колонии и попадало в зависимость от торгово-ростовщической и торгово-промышленной буржуазии, что сопровождалось значительной пролетаризацией мелких производителей.

Под влиянием экономики России в крае создавались очаги фабрично-заводского производства, преимущественно по первичной обработке колониального сырья, что способствовало формированию, хотя немногочисленного (около 60 тыс. человек), промышленного пролетариата.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СРЕДНЯЯ АЗИЯ — СЫРЬЕВАЯ БАЗА РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ЗНАЧЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ТОРГОВОГО И ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛА В ПЕРИОД ЗАВОЕВАНИЯ КРАЯ ЦАРИЗМОМ

Во второй главе нашей работы мы отмечали, что царское правительство, торговая и промышленная буржуазия России рассматривали Среднюю Азию не только как внутренний рынок сбыта промышленных товаров, но главным образом как важнейший сырьевой район, и экономическая политика царизма была направлена на превращение Средней Азии в сырьевую, прежде всего хлопковую, базу. Касаясь экономических интересов российского капитала в Средней Азии, один из царских сановников подполковник Глуховский весьма определенно заявил: «Хлопок, шелк, морену и проч. мы будем всегда получать у бухарцев, несмотря на всю их враждебность к нам, потому что эти произведения в Средней Азии дешевле, чем в Европе, и мы крайне нуждаемся в них». Это высказывание военного специалиста отражало то значение, какое уже в середине XIX столетия имела Средняя Азия для русской буржуазии, классовые интересы которой царизм обслуживал своим вторжением силою оружия не в одной только Средней Азии.

В процессе завоевания Средней Азии отчетливо выкристаллизовались интересы российского торгового и промышленного капитала.

Торговые сношения России с Туркестаном, будучи значительными уже в первой половине XIX столетия, в дальнейшем все больше расширялись. Так, за десятилетие 1840—1850 гг. торговые обороты России со Средней Азией составили 15 млн. 700 тыс. руб. В ше-

стидесятых годах, т. е. в период проведения активных военных операций в Туркестане, торговые его связи с Россией в огромной степени увеличились. С 1857 по 1867 г. ввоз товаров из России в Среднюю Азию увеличился больше чем в два раза. Но еще более возрос вывоз из Средней Азии: в 1867 г. вывоз сырья и прочей продукции за то же десятилетие превысил почти в 4,5 раза размер вывоза в начале этого десятилетия (в 1857 г.). При этом в той же мере, в какой с каждым годом увеличивался ввоз в Среднюю Азию российских хлопчатобумажных тканей, — в вывозе из нее все более возрастающее значение приобретало сырье, прежде всего хлопок.

Наряду с заинтересованностью России в Средней Азии значительное влияние на рост торговых оборотов в шестидесятых годах оказала гражданская война в Америке, исключительно резко сказавшаяся на состоянии мирового хлопкового рынка. В то время как в 1860 г. урожай хлопка в США, которые являлись на мировом рынке основным поставщиком хлопкового сырья, достиг около 8 млн. кип, сбор хлопка в США в 1864—1865 гг. снизился до 400—300 тыс. кип. В 1870 г. урожай хлопка составил лишь 3 млн. кип[1].

Неудивительно, что при таком потрясении мирового хлопкового рынка цена на хлопок за период 1860—1864 гг. в Нью-Йорке повысилась в 8—9 раз (с 5 р. 15 к. до 47 р. 50 к. за пуд), а в 1869 г. цена пуда хлопка достигала 13 р. 60 к., т. е. по окончании гражданской войны цены оставались в два с лишним раза выше, чем в 1860 г.

Такой исключительно резкий подъем цен на хлопковое волокно, естественно, побудил российскую «текстильную буржуазию»[2] почти полностью переключиться в эти годы на среднеазиатский хлопок.

Происшедшие изменения на мировом хлопковом рынке, которые совпали с завоеванием царизмом Туркестанского края, в конечном итоге определили устойчивый интерес русской «текстильной буржуазии» к среднеазиатскому сырью, а затем стремление к созданию собственной сырьевой базы в новой колонии царской России.

[1] Довоенный урожай хлопка (1860 г.) в США был достигнут только в 1875 г., а довоенный уровень вывоза из США хлопка — только в 1880 г.

[2] Условное наименование текстильных фабрикантов.

Российскому торговому капиталу это позволяло установить и расширить теснейшие связи с одной из основных групп промышленной буржуазии — текстильными фабрикантами — в целях монопольного использования рынков Средней Азии. Одновременно российский капитал установил весьма выгодные для себя связи с местным национальным капиталом, с эксплуататорскими классами Средней Азии в интересах наиболее «эффективной», т. е. выгодной эксплуатации широких дехканских масс.

Рост значения Средней Азии, как крупной сырьевой базы (хлопок, шелк, шерсть, каракуль и пр.), при условии, когда важное место в оплате основного вида сырья — хлопка — принадлежало хлопчатобумажным тканям (хлопководы при расчетах за сдаваемое сырье частично получали эти ткани), определил все большее воздействие интересов промышленной буржуазии метрополии на экономическую политику царизма в крае.

Уже в 70-х годах по указанию туркестанского генерал-губернатора Кауфмана были предприняты работы по орошению Голодной степи в целях развития хлопководства, еще ранее были начаты первые посевы американских сортов хлопчатника, а с 1871 г. в более или менее организованном порядке проводились систематические опыты с посевами американского хлопчатника, после чего американские сорта хлопчатника стали все шире внедряться в Средней Азии[1]. Это свидетельствует о том, что представители царского правительства в крае были озабочены расширением для русской промышленной буржуазии сырьевой базы и внедрением более высоких по качеству сортов хлопчатника.

Интересы помещиков, торгового и промышленного капитала на новой окраине России теснейшим образом переплетались. Вместе с тем у представителей помещичьего землевладения, у дворян-помещиков в захвате восточных окраин и эксплуатации вновь завоеванных областей были свои особые задачи, непосредственно связанные с их классовыми интересами в метрополии.

Для правящих классов *развитие капитализма вширь*, как увидим из дальнейшего изложения, означало вре-

[1] *С. Понятовский.* Опыт изучения хлопководства в Туркестане и Закаспийской области, Спб., 1913, стр. 78.

менное смягчение некоторых порождаемых капитализмом противоречий.

Среднеазиатская окраина представляла для помещичьего землевладения метрополии интерес и в качестве района потребления зернопродуктов. В пореформенную эпоху наблюдался усиленный рост в стране зернового хозяйства и торгового земледелия в целом, который способствовал увеличению емкости внутреннего рынка и развитию промышленности в центральных областях.

Усиленное развитие в стране торгового земледелия наблюдалось на окраинах — в степных и нижневолжских губерниях, куда в дальнейшем (в 80-х годах) из среднечерноземных губерний переместился центр производства зерна.

«Развитие промышленности в центральной России и развитие торгового земледелия на окраинах,— отмечал В. И. Ленин,— стоят в неразрывной связи, создают взаимно рынок одно для другого»[1].

В районах специализированного торгового земледелия и развития производства технических культур («промышленных растений») внутренний рынок расширялся и за счет обмена между земледелием и промышленностью и одновременно в результате обмена между отдельными видами торгового земледелия, в частности — путем вывоза хлебопродуктов в районы технических культур.

Для хлопководческих районов Туркестана с развитием хлопководства все большее значение приобретал вопрос о завозе хлебопродуктов.

Торгово-промышленные круги России считали, что ввоз 25 млн. пудов хлеба освободит под культуру хлопчатника значительное количество посевных площадей. При этом предполагалось, что из Европейской России будет ввозиться хлеб в количестве около 12 млн. пудов, а остальные 13 млн. пудов — из Семиреченской области. Однако, по официальным данным[2], по Среднеазиатской железной дороге за 1907 г. из Европейской России в Туркестанский край было вывезено всего 2 млн. 775 тыс. пудов, а по Ташкентской железной дороге за 1908 г. ввезено хлеба и муки 1 млн. 458 тыс. пудов. Итого за два года по обеим дорогам ввезено хлеба 4 млн. 233

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 219.

[2] Материалы для изучения хлопководства, вып. II, Спб, 1912, стр. 28.

тыс. тонн. В то же время (за 1908 г.) из Средней Азии вывезено в Европейскую Россию по Ташкентской железной дороге, наряду с другими продуктами, пшеницы в количестве 2 млн. 848 тыс. пудов. «Вывозилась крепкая — «богарная» (под дождь) пшеница, из которой выходят особо тонкие номера крупчатки»[1].

Таким образом, хлопкоробы Туркестана не были обеспечены дешевым привозным хлебом из Европейской России; это весьма тормозило освобождение под культуру хлопчатника значительного количества площадей, занятых зерновыми культурами.

Уже в период завоевания Средней Азии и в особенности в последующем выявление новых районов сбыта зернопродуктов для царской России представлялось весьма важной задачей. Так, после реформы 1861 г., при возраставшей роли крестьянства в качестве производителя товарного хлеба, усилились позиции России на мировом хлебном рынке. Вывоз из России всех хлебов, например, за второе пятилетие 1860-х годов достиг 130 млн. пуд., а за пятилетие 1871—1876 гг. вывоз увеличился до 194 млн. пудов. В то же время вывоз всех хлебов из Соединенных Штатов Америки за 1866—1876 гг. составлял только 125 млн. пудов.

Однако с 1870-х годов Россия начинает заметно вытесняться с мирового хлебного рынка Соединенными Штатами и другими заокеанскими странами[2].

Мировой зерновой кризис 1870—1880 гг., как отмечает П. И. Лященко, «для русского сельского хозяйства превратился в затяжной кризис всей его хозяйственной системы, как отсталой производственной системы, но неразрывно связанной с мировым капиталистическим рынком»[3].

Расширение внутреннего хлебного рынка при таком положении представлялось весьма важным, так как оно снижало удельный вес зерна, экспортируемого на мировые рынки.

В восьмидесятых и девяностых годах удельный вес Средней Азии, как потребителя зернопродуктов из центральных областей России, с каждым годом возрастал.

[1] Материалы для изучения хлопководства, вып. II, Спб., 1912, стр. 29.

[2] *П. И. Лященко.* Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М., 1927, стр. 274.

[3] Там же, стр. 275.

Кроме того, для районов хлопководства царская Россия стремилась в дальнейшем создать зерновую базу в Семиреченской области и Сибири с тем, чтобы таким образом обеспечить сбыт излишков зернопродуктов переселенческих хозяйств.

Для промышленной буржуазии завоз извне хлеба означал расширение площади под хлопчатник без затрат на новое орошение.

Все это в своей совокупности позднее приобрело немалое значение в политике царизма в Средней Азии. Но в годы завоевания Туркестанского края и закрепления за царской Россией весьма ёмких среднеазиатских рынков не они являлись решающими. В тот период имели значение указанные выше основные факторы: возможность создания собственной сырьевой хлопковой базы, расширение буржуазией и царизмом рынка сбыта текстильных и других изделий промышленности путем полного закрепления за собой внутренних рынков и усиления своих позиций на рынках, находящихся за пределами Туркестанского края. Для торгово-промышленной буржуазии и для царского правительства это было исключительно важным фактором в учете сложившегося в тот период торгового баланса России. За период 1866—1870 гг. пассивное сальдо торгового баланса составило 400 тыс. руб., а за период 1871—1875 гг. — уже 95 млн. 100 тыс. руб. При таком общем состоянии внутреннего рынка России и ее торгового баланса и при непрерывном росте российской промышленности, при возрастающем удельном весе текстильной промышленности рынки Средней Азии представляли для торговой и промышленной буржуазии и для царского правительства большой интерес. Состояние мирового хлопкового рынка, реальная возможность укрепить свои торговые позиции в сопредельных странах (которые были теснейшим образом связаны с рынками Средней Азии) явились дополнительными факторами, которые учитывало царское правительство.

СОЗДАНИЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ КРУПНОЙ СЫРЬЕВОЙ БАЗЫ И СИСТЕМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ ДЕХКАНСКИХ ХОЗЯЙСТВ

В своем труде «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин отмечал, что обрабатывающая промышленность «раскалывается на отдельные, совершенно самостоятельные отрасли, посвященные исключительно производству одного продукта или одной части продукта. Земледельческая же промышленность не раскалывается на совершенно отдельные отрасли, а только специализируется на производстве в одном случае — одного, в другом случае — другого рыночного продукта, причем остальные стороны сельского хозяйства приспособляются к этому главному (т. е. рыночному) продукту»[1].

Эти черты развития сельского хозяйства России сказались в пореформенный период в районах технических культур — льноводческих, свекловичных и других.

Можно проследить, с какой отчетливостью подтверждается правильность этого ленинского положения на примере Средней Азии, где происходила специализация обширных районов на культуре хлопчатника. В течение небольшого отрезка времени после завоевания края главный местный рыночный продукт — хлопок — оказался продуктом ведущим, производству которого было подчинено остальное сельское хозяйство, а в дальнейшем и основные отрасли всего народного хозяйства. Интересам развития хлопководства служила и вся экономическая политика царизма в Средней Азии, в хозяйственной жизни Туркестана они стали доминировать. В этом нашел свое отражение и тот немаловажный факт, что развитие хлопководства соответствовало интересам не только торгового и промышленного капитала России, но и местных эксплуататорских групп, прежде всего интересам крупного феодально-байского землевладения и торгово-ростовщического капитала. Экономическая политика, направленная на преимущественное развитие хлопководства, вполне отвечала также общим целям колониального угнетения. В результате ее сотни тысяч мелких дехканских хозяйств были втянуты в водоворот мирового хлопкового рынка.

Несколько ранее аналогичная стадия развития была пройдена русским крестьянином в зерновой полосе.

«Земледельцу волей-неволей,— писал В. И. Ленин,— под угрозой разорения пришлось считаться со всей совокупностью общественных отношений и в его стране и в других странах, связанных всемирным рынком. Даже

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 3, стр. 267.

обработочная система... оказалась теперь не в силах спасти его от конкуренции американского фермера»[1].

Еще интенсивнее этот процесс совершался в колонии царизма — Средней Азии, где хлопкороб, владеющий 3—5 танапами, уже в восьмидесятых годах оказался в непосредственной зависимости от уровня цен на мировом хлопковом рынке, главным образом от цен на американский хлопок. Хлопководческое хозяйство одновременно оказалось в прямой зависимости от российского рынка, в частности от цен на зернопродукты. Затянувшееся устойчивое повышение этих цен (в Туркестане) наносило огромный ущерб бюджету дехканина-хлопкороба. Мелкое хлопководческое хозяйство, таким образом, вынуждено было в условиях колониального режима, считаться «со всей совокупностью общественных отношений», когда в осуществлении жесточайшего колониального грабежа военщина соперничала с гражданскими чиновниками. И те, и другие были непосредственно заинтересованы в расширении посевов хлопчатника: для них белоснежный хлопок действительно превращался в настоящее золото. Выполняя миссию агентов российского промышленного капитала, военные власти действовали весьма активно в смысле распространения в крае монокультуры хлопчатника, объективно способствуя развитию хлопководства.

Один из исследователей туркестанского хлопководства М. П. Федоров указывал, что деятельность торговых хлопковых фирм дала бы мало результатов, «если бы местная администрация, не проникаясь сознанием важности насаждения хлопководства в крае, не шла впереди движения и не направляла его сознательной инициативой и рядом разумных мероприятий»[2].

Военные и гражданские власти, агенты царского правительства внедряли хлопчатник методами жадных колонизаторов — защитников интересов текстильной буржуазии и русского купечества, имея в виду и интересы чиновного мира, вскоре составившего в крае значительную прослойку. Колонизаторские методы хозяйничания некоторые дореволюционные авторы пытаются затушевать. Например, М. П. Федоров полагает, что только с внешней стороны

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 269.
[2] *М. П. Федоров.* Хлопководство в Средней Азии. Спб., 1893, стр. 96—97.

культурная (?) деятельность начальника края (ген. Куропаткина) имеет характер военно-административный. Но он не может отрицать, что интересы тружеников-дехкан — непосредственных производителей хлопка — приносились в жертву интересам капиталистов.

Показательно, что тот же М. Федоров вынужден был признать грабительский характер колонизации края. Когда в результате внедрения американских сортов хлопчатника русские текстильные фирмы стали получать крупные прибыли, это вызвало «настоящую хлопковую горячку: на возделывание хлопка бросились решительно все, кто имел хоть небольшой запас денег. Увлечение охватило не только торговых людей, но и служащих в местной администрации и в войсках, из которых многие даже оставили службу»[1].

Методы внедрения хлопчатника в дальнейшем менялись, но самый рост хлопководства привел к тому, что в него оказались вовлеченными сотни тысяч мелких дехканских хозяйств. По мере расширения в крае посевной площади возрастало закабаление дехканских хозяйств.

М. П. Федоров приводит исключительно яркие факты закабаления, обвешивания производителей хлопка, факты грабительской наживы на хлопке представителей всех звеньев торгового и ростовщического капитала. Естественно, этот процесс своим неизбежным результатом имел возрастающее обезземеливание и разорение дехкан, в первую очередь мелких хозяйств. Вся система скупки хлопка и сопровождающие ее при этом злоупотребления и мошенничества на окраине царской России, отмечает М. Федоров, напоминают «обычные плутни при скупке хлеба у крестьян на наших южнорусских базарах, только, разумеется, с несколько иным, местным колоритом»[2].

Хлопковые фирмы, крупные комиссионеры наладили разветвленный низовой аппарат (контролеров-объездчиков, наблюдавших за выполнением хлопкоробами их обязательств, приемщиков хлопка, артельщиков), который в свою очередь стремился нажиться на хлопке — частенько без ущерба для своих хозяев. В частности «низовому звену» — весовщику и его «чудодейственным» весам на скупочном пункте отводилась весьма ответственная роль.

[1] *М. П. Федоров*, указан. работа, стр. 99 — 100.
[2] Там же, стр. 101.

Благодаря обвешиванию сдатчиков хлопка и всяким другим манипуляциям у поверенных фирм и других агентов образовались громадные суммы, исчисляемые в тысячах рублей, которые ни по каким книгам не проводились. Но и хозяева при этом оставались не в ущербе.

Обвешивание проводилось буквально повсеместно — как прочно установившаяся система. В корреспонденции из Ферганы в областной газете «Окраина» в 1893 г. по этому поводу писалось следующее: «Хотя вопрос этот щекотливый, но к прискорбию привычка (?) обвешивания превратилась для многих «хлопко-покупателей» в хроническую болезнь».

Если и приходилось иногда хлопковым фирмам платить за хлопок чуть подороже, то на системе обвешивания это с лихвой перекрывалось.

Хлопковые фирмы и посредники имели фактически гарантированный доход.

В сопоставлении с фактическими рыночными ценами на хлопковое волокно (например, на Нижегородской ярмарке) разница по отношению к ним стоимости среднеазиатского хлопка обычно составляла не менее одного рубля на пуд. При отправке на ярмарку или в Москву 200 — 250 тыс. пудов хлопка получался, таким образом, изрядный доход для хлопковых фирм и для разных комиссионеров. Однако все это были лишь «детали» в сложившейся системе закабаления дехканства со стороны российского промышленного и местного торгово-ростовщического капитала.

Авансирование хлопкоробов проводилось из расчета посевной площади на десятину (танап), либо из расчета будущего урожая на срок (в пудах). Если при первом варианте хлопкороб получал не более 16 руб. на десятину, то во втором случае ему выдавали до 100 рублей.

При нужде в средствах мелкие хлопкоробы стремились получить крупные авансы безотносительно к возможности погасить в срок свои обязательства. Хлопкоробы старались использовать конкуренцию среди покупателей хлопка, которые охотно давали авансы, вербуя себе этим постоянный круг сдатчиков сырья.

В такой системе авансирования и заключался надежный метод закабаления дехкан. К обусловленному сроку часть мелких хлопкоробов обычно не имела возможности полностью погасить свои обязательства, часть выданного аванса переходила на следующий год и т. д. Эти группы

дехкан в конечном итоге оказывались в безвыходном положении неоплатных должников. Хлопковые фирмы выступали с бесконечными жалобами на таких должников и часть выданных авансов действительно оказывалась под угрозой. Но, конечно, такие «потери» капиталистов не следует преувеличивать. Существовала надежная система контролеров хлопковых фирм, которым энергично содействовала краевая администрация, защитница интересов торгового и промышленного капитала. Кроме того, авансирование обеспечивалось подписью поручителей, в роли которых обычно выступали волостные старшины (аксакалы) и другие влиятельные в кишлаке или волости лица, получавшие за это определенную мзду.

В вассальных ханствах (Бухаре, Хиве) положение и вовсе «упрощалось». Например, в Бухарском ханстве жалобы на недобросовестное выполнение обязательств (в отношении качества хлопка, непогашения аванса и т. п.) передавались властям — главе бухарского правительства «достопочтенному кушбеги»—через политического агента царского правительства. Претензии подлежали немедленному исполнению. Неаккуратные должники нередко отправлялись в тюрьму («зиндан»). В качестве примера практиковавшейся расправы с должником может служить нижеследующая телеграмма, отправленная от имени кушбеги каршинскому беку: ...«Должник Даратдай Колимбетов здесь арестован. Предписываю немедленно, описав движимое и недвижимое имущество его семьи в сумме 1242 руб., продать с публичного торга, вырученные деньги представить мне вместе с описью и оценкой. 11 октября 1915 г. Кушбеги»[1].

Исключительно быстрый рост задолженности хлопководческих хозяйств — точный показатель бедственного положения мелких хлопкоробов. Приведенные факты отражают лишь один из элементов системы эксплуатации и надувательства, а именно ограбление хлопкоробов в момент сдачи хлопка. Но ведь огромная часть мелких хозяйств подвергалась тяжелой эксплуатации и до того, в сфере производства — в качестве чайрикеров, арендаторов, лишенных орудий труда и живого тягла, в качестве непосредственных производителей сырья.

---

[1] ЦГИА УзССР. Архив Бухарского кушбеги, ф. № 12, оп. 78, д. № 89 а.

Хлопкоробы страдали и от того, что хлопковые фирмы непосредственно и через свою агентуру рассчитывались с ними частично не деньгами, а мануфактурой, в бо́льших размерах, чем это было им нужно для потребления. Мануфактура затем продавалась хлопкоробами, как правило, в убыток по пониженной цене.

Мелкие хлопководческие хозяйства при мизерной земельной площади вынуждены были вовсе не сеять хлебных культур, переходить на выращивание одной лишь культуры хлопчатника, т. е. к монокультурному хозяйству. Недостающие им хлебопродукты они должны были приобретать по более высокой цене на базарах, либо в байских хозяйствах, с которыми значительная их часть была связана земельными отношениями (чайрикерство и проч.).

Все это показывает, что уже на первом этапе развития хлопководства культура хлопчатника внедрялась в интересах российского торгового и промышленного капитала методами давления и принуждения со стороны административного аппарата управления колонией.

Экономическое закабаление дехканских хозяйств в дальнейшем осуществлялось российским капиталом и местной эксплуататорской верхушкой города и кишлака, торгово-ростовщическими и феодально-байскими элементами и практически поддерживалось военными и гражданскими властями.

Расширение посевных площадей хлопководства обеспечивало всем им огромные доходы.

Только положение непосредственных производителей хлопка, оказавшихся в тисках полукрепостнических отношений с одной стороны и тяжелой колониальной эксплуатации российских капиталистов, кооперировавшихся с местными торгово-ростовщическим капиталом, с другой — с каждым годом становилось все более тяжелым. В таких условиях стала неизбежной все возраставшая земельная экспроприация мелких хлопководческих хозяйств.

Процесс специализации Туркестанского края на хлопковом сырье совершался исключительно быстро. Темпы специализации сельского хозяйства на хлопчатнике характеризуются следующими данными: в 1888 г. посевная площадь хлопчатника в четырех областях края (Ферганской, Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Закаспийской) составляла 68 650 дес. Но уже через 7 лет, в 1895 г., посевная площадь увеличилась до 142 127 дес., т. е. удвоилась, а в 1900 г. достигла 234 274 дес. Таким образом, за 12 лет посевная площадь под хлопчатником увеличилась больше чем в три раза. При этом в основной хлопковой области, Фергане, посевная площадь с 34 669 дес. в 1888 г. увеличилась до 190 701 дес. в 1895 г[1].

В 1900 г. посевы хлопчатника в Ферганской области достигли 186 326 дес., увеличившись с 1888 г. более чем в 5 раз. Американские сорта хлопчатника заняли доминирующее положение. Среднеазиатское хлопководство резко повысило свой удельный вес в снабжении хлопком российской текстильной промышленности.

По официальным данным, полученным Кокандским биржевым комитетом, посевы хлопчатника в Ферганской области (с Ходжентским уездом Самаркандской области) занимали в 1913/14 г. площадь в 301 825 десятин, а по данным управления Среднеазиатской железной дороги, урожай сезона 1913/1914 г. равнялся 7 млн. 871 тыс. 717 пудов (брутто) очищенного хлопка. Сезон 1914/15 г. был в истории туркестанского хлопководства самым высокоурожайным. Фергана дала в этом сезоне 8 млн. 226 тыс. 600 пудов (брутто) очищенного хлопка[2].

Приблизительная общая стоимость урожая хлопка сезона 1914/15 г. выражалась (в руб.):

70%	первого сорта	5 425 000 пудов	по 14 р.	= 75 950 000 руб.
10%	минус	775 000 „	по 13 р. 30 к.	= 10 307 500 „
15%	межеумка	1 162 500 „	по 13 р.	= 15 112 500 „
5%	второго и третьего сортов	387 500 „	по 11 р.	= 4 262 500 „
	линтера	350 000 „	по 6 р. 50 к.	= 2 275 000 „
	семян	16 000 000 „	по — 53 к.	= 8 480 000 „
			Итого . . .	116 387 500 руб[3].

В 1888 г. текстильная промышленность всего получила 8 млн. пудов волокна, в том числе среднеазиатского — 1 млн. 400 тыс. пудов; в 1895 г. количество полученного волокна увеличилось до 11 млн. 100 тыс. пудов, причем сред-

[1] *А. П. Демидов*, указанн. работа, стр. 36.
[2] Кокандский биржевой комитет. Отчет за 1915 г., стр. 10.
[3] Там же, стр. 16.

неазиатское волокно составило уже 2 млн. 900 тыс. пудов; в 1900 г. текстильные фабрики получили 15 млн. 300 тыс. пудов волокна, в том числе среднеазиатского 5 млн. пудов.

Следовательно, количество импортированного за эти годы хлопка увеличилось почти на 50% (с 6 млн. 900 тыс. пудов до 10 млн. 300 тыс. пудов), тогда как количество полученного фабриками среднеазиатского хлопка увеличилось почти на 400% (с 1 млн. 100 тыс. пуд.). Стоимость ежегодно вывозимого из Средней Азии хлопкового волокна уже в тот период определялась в десятки миллионов рублей. Вскоре стоимость хлопкового сырья превысила 100 млн. рублей.

Из этих огромных сумм при системе хищнической эксплуатации хлопкоробов только небольшая часть поступала в качестве чистого дохода в бюджет производителей сырья. Основная же часть доходов присваивалась эксплуататорскими группами в кишлаке и торгово-ростовщическим капиталом. К этому необходимо добавить, что в Средней Азии за сравнительно короткий период широкого внедрения культуры американского хлопчатника исключительное развитие получил ростовщический кредит. Мелкие хлопководческие хозяйства совершенно изнывали под бременем ростовщического кредита, который внедрился в хлопководческие хозяйства вместе с развитием хлопководства.

Один из исследователей туркестанского хлопководства отмечает: «Разорительное ростовщичество обратило на себя серьезное внимание уже за 30 лет тому назад (т. е. в восьмидесятых годах), когда ростовщичество, однако, имело лишь спорадический характер»[1].

Спорадический характер кабального кредита в указанный период объясняется тем, что широкое внедрение американских сортов хлопчатника обозначилось именно в восьмидесятых-девяностых годах. Так, в Ферганской области посевная площадь хлопчатника в 1889 г. составила 50 тыс. 396 дес. (местных сортов — 22 тыс. 490 дес. и американских сортов — 27 тыс. 906 дес.). Но уже в 1901 г. площадь сева достигла 233 тыс. 785 дес., в том числе местных сортов — 12 тыс. 125 дес., а американских сортов — 211 тыс. 660 дес. В восьмидесятых годах торговый капитал еще не успел по-настоящему развернуться, не имел в своем распоряжении железнодорожного транспорта, который весьма ускорил темпы развития хлопководства в Средней Азии. Это и создало условия, вполне благоприятные для развития ростовщичества. Карликовые хозяйства основную часть своих земельных участков были вынуждены засевать хлопчатником. С каждым годом эти хозяйства испытывали все большую потребность в оборотных средствах.

Основной район хлопководства — Ферганская область — был соединен железной дорогой с Самаркандом в 1898 г. До того продукты в Фергану подвозились лишь наполовину железнодорожным транспортом, а наполовину — гужевым и вьючным.

При таком положении, как отмечает автор книги о Ферганском хлопководстве[1], «хлопководческое хозяйство не могло быстро реагировать на те или иные явления хозяйственной жизни, например на уровень цен на зерно продукты, достаточный их запас и т. д.». Обычно, в случае неурожая хлопчатника, мелкие хозяйства, будучи не в состоянии приобретать дорогой привозной хлеб, в следующем году засевали поля главным образом зерновыми — пшеницей, джугарой — и этим обеспечивали себя от голодовки. Они лишь видоизменяли структуру посевов, заменяя хлопчатник его «соперником» — зерновыми культурами. Неурожай хлопчатника настолько подрывал благосостояние хозяйств, что они не в состоянии были в следующем году снова приступить к обработке хлопковых полей. Необходимый хозяйствам на потребительские нужды кредит при таком «маневрировании» не имел еще того решающего значения, какое он приобрел в дальнейшем. К тому времени, когда хлопковые фирмы и кишлачные ростовщики сумели закрепить свое воздействие на хлопкоробов, Фергана была уже связана железной дорогой с Россией. Авансирование стали теперь проводить только при условии выдачи дехканами обязательств засеять поля хлопчатником. Вместе с тем дело заключалось не столько в выданных обязательствах, сколько в создавшейся уже объективной необходимости для мелких хлопкоробов засевать до крайних пре-

[1] *И. М. Слуцкий.* О земледельческом кредите в Туркестане Журн. «Туркестанское сельское хозяйство», 1911, № 6, стр. 349.

[1] *С. А. Мелик-Саркисян.* Хлопковое дело в Ферганской области, 1909.

делов свою крохотную земельную площадь под наиболее доходную культуру, под которую можно было получить аванс. Дехканские хозяйства, получив кредит, могли оборачиваться лишь до определенного времени. Затем наступал неизбежный крах. Запутавшись в долгах, они лишались земли, и в дальнейшем использовались заимодавцами в качестве мардикеров в родном или соседнем кишлаке. Еще чаще они уходили на период сельскохозяйственных работ в соседние районы или сопредельные страны.

Эксплуатация хлопкоробов баями, торговой и промышленной буржуазией была настолько тяжела, что мелкие хлопкоробы вынуждены были и в дальнейшем время от времени прибегать к испытанному средству — сокращать посевную площадь хлопчатника. Сокращение посевной площади хлопчатника в Туркестане отмечается не только в 1894, но и в 1898, а затем в 1902 и в 1903 гг. За два года произошло сокращение посевной площади по краю на 32% (с 249 тыс. 013 дес. до 169 тыс. 887 дес.). По Ферганской области посевная площадь за тот же срок уменьшилась на 30%. Такое уменьшение посевной площади последовало после того как в 1901 г. расширение посевов достигло известной кульминации. В свою очередь резкое снижение площади сева зерновых сказалось на уровне цен на хлебопродукты. Цена на местную муку в 1902 г. повысилась до 1 р. 40 к. — 1 р. 80 к. за пуд, а на привозную — до 2 р. 50 к. Хлопководческие хозяйства сокращали посевные площади хлопчатника также и в связи с низкими ценами на хлопок на мировом хлопковом рынке (обычно при высоких урожаях хлопка в США).

В такие годы выгодность возделывания хлопчатника, рентабельность хлопководства в сопоставлении с культурой зерновых становилась весьма сомнительной. Даже в условиях высокой конъюнктуры для хлопкового волокна на московском рынке и предельно высокой пошлины на иностранный хлопок (до 4 р. 15 к. с пуда в 1901 г.) в 1902 и 1903 гг. происходило сокращение посевов хлопчатника. Следовательно, над основной частью хлопководческих хозяйств ежегодно висела реальная угроза либо высоких хлебных цен, либо низких цен на хлопок, либо одновременно и того и другого. Вместе с тем резкое изменение удельного веса важнейших сельскохозяйственных культур — хлопчатника и зерновых — требовало от дехкан дополнительной затраты труда и средств и вело к упадку и дезорганизации дехканских хозяйств.

В такой сложной для мелких хлопководческих хозяйств обстановке ростовщический капитал в кишлаке имел все необходимые условия для своего развития. Исследователи дооктябрьского хлопководства[1] отмечают, что гнет ростовщического кредита становится все более реальной помехой развитию хлопководства. Некоторые деятели «Туркестанского общества сельского хозяйства» пытались привлечь к этому злу внимание общественного мнения но беда была в том, что общество это было тесно связано с аппаратом колониального угнетения в крае. «Факт чудовищного развития ростовщичества, с одной стороны, — отмечает один из исследователей — и колониальный характер задолженности сельского населения, с другой, доказывают, что все общественные условия оказались бесполезными в борьбе с этим двусторонним злом и что при ясно поставленном диагнозе не только не было принято серьезных мер к излечению злокачественной болезни, но она свободно и непомерно развивалась на наших глазах, и за 15 лет (с 1890-х гг. до 1910 г.) не было принято никаких практических мер к излечению народного бедствия»[2]. Другой исследователь туркестанского хлопководства и деятель «Туркестанского общества сельского хозяйства» С. Понятовский отмечает, что арендная плата в районах хлопководства достигала 150 руб. в год за десятину. Хлопкоробам приходилось оплачивать полученные ими займы из чудовищных процентов (60—140%).

«Тяжелые условия кредита, — писал Понятовский, — уже создали экономическую закабаленность туркестанских плантаторов разными посредниками хлопковых королей Туркестана в лице туземцев-баев или самими фирмами, если деньги выдаются без посредников». Это приводило к тому, что хлопководческие хозяйства оставались к зиме без средств: «из громадных валовых поступлений от реализации урожая плантации отчисляется в пользу земледельца лишь весьма скромный остаток, плохо обеспечи-

---

[1] *Н. Севастьянов.* Основные тенденции развития и падения туркестанского хлопководства. Сборник статей «Борьба за хлопок». М., 1918; *А. К. Силонов.* К вопросу о роли ростовщического капитала в сельском хозяйстве Средней Азии. Ташкент. 1926.

[2] *И. Слуцкий.* О земледельческом кредите в Туркестане, журнал «Туркестанское сельское хозяйство», 1911, № 6.

вающий даже нищенское его существование до нового посева, или до новой возможности войти в долговое обязательство»[1].

Так в конкретном историческом опыте еще и еще раз подтверждаются оценки и характеристики роли и значения ростовщического капитала, данные творцами научного социализма.

«Ростовщичество, — писал К. Маркс, — не изменяет способа производства... Оно высасывает его соки, истощает его и заставляет воспроизводство совершаться при все более жалких условиях»[2]. Как отмечал В. И. Ленин, ростовщический капитал отнимает у крестьянина «не меньше прибавочной стоимости, чем капитал индустриальный берет у работника»[3].

По данным сплошного опроса четырех кишлаков (Актепе, Мирабад, Сары-Куй, Завран-Хакан) Ферганской области, задолженность населения от ростовщиков и скупщиков в 1908 г. выразилась в сумме 98 млн. 896 тыс. 500 рублей, что по расчету на один наличный двор составляет 124 р. 71 к[4]. Только в одном 1908 г. из 388 тыс. хозяйств Ферганы 129 тыс. хозяйств, не имея возможности расплатиться за долги, вынуждены были заложить свое имущество и тем самым лишиться своей самостоятельности[5].

Возникает вопрос: если десятки и сотни тысяч мелких «плантаторов» на протяжении длительного времени находились в исключительно тяжелом положении, а российский промышленный капитал стал весьма влиятельной силой в крае уже вскоре после завоевания Туркестана, то почему «текстильная буржуазия» не приняла мер хотя бы для того, чтобы не так щедро «делиться» прибылями с торгово-ростовщическим капиталом и повысить свою «долю» накопления за счет производителей хлопкового сырья?

Такие попытки были, но успеха не имели.

---

[1] *С. Понятовский.* Опыт изучения хлопководства в Туркестане и Закаспийской области, Спб., 1913, стр. 3.

[2] *К. Маркс.* «Капитал», т. 3, 1950, стр. 610.

[3] *В. И. Ленин,* Соч., т. 1, стр. 429.

[4] *В. Юферев.* «Хозяйство сартов Ферганской области». Ташкент, 1911, стр 60.

[5] «Сельское хозяйство Узбекистана за 15 лет». Ташкент, 1939, стр. 10.

РОССИЙСКАЯ «ТЕКСТИЛЬНАЯ БУРЖУАЗИЯ» И ЕЕ РОЛЬ В ХЛОПКОВОМ ПЛАНТАТОРСТВЕ И СКУПКЕ ХЛОПКА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Специализация Средней Азии на производстве хлопкового сырья осуществлялась весьма энергично. Российской промышленной буржуазией и царизмом были созданы благоприятные условия для расширения сырьевого рынка, а затем и монопольного использования Средней Азии в качестве резервуара хлопкового сырья.

Покупка хлопкового волокна в Средней Азии облегчалась для промышленной буржуазии также тем, что завоз сюда российских текстильных изделий из года в год увеличивался, а текстильные фабриканты большую часть приобретаемого сырья получали в обмен на завозимые ткани. Если также учесть применявшиеся российским капиталом на окраинах методы первоначального накопления, то поставленный ранее вопрос о роли «текстильной буржуазии» на сырьевом рынке в смысле непосредственного ее участия в этих операциях приобретает известный интерес, так как вскоре после завоевания Туркестана буржуазия стремилась выступать не только в роли скупщика хлопка, но в известной мере и в качестве производителя хлопкового сырья.

Аппетиты русской империалистической буржуазии в Средней Азии весьма ярко сказались в организации крупных хлопковых плантаций. Эти плантации были созданы представителями российского торгового и промышленного капитала в первый период развития среднеазиатского хлопководства. Хлопковые плантации капиталистического типа представляли собою один из намеченных буржуазией источников максимальных прибылей от хлопководства. Не последнее место среди владельцев этих крупных специализированных предприятий принадлежало текстильным фабрикантам. И когда хлопковые плантации российских капиталистов потерпели крах, текстильная буржуазия последней ушла с поля боя.

В ранний период развития туркестанского хлопководства идея создания российским капиталом крупных хлопковых плантаций казалась заманчивой. При огромном спросе на американские сорта хлопчатника, при наличии необходимых оборотных средств, при всяческом поощрении со стороны краевых властей хлопковые плантации могли рассчитывать на крупные выгоды.

Но ожидания эти не оправдались — хлопковые плантации провалились. Их крушение объяснялось самым различным образом. Некоторые авторы книг по хлопководству полагали, что в этом печальном исходе были повинны те исследователи сельского хозяйства, которые чрезмерно яркими красками изображали возможности сельского хозяйства Туркестана.

Причина краха капиталистического плантаторства в хлопководстве была не в чрезмерных иллюзиях предпринимателей, а в том, что последние, увлекшись крупными прибылями, не позаботились о том, чтобы создать необходимые для эффективного крупного сельскохозяйственного производства условия (машинизация, вместо применения ручного труда, улучшение агротехники, ирригация, мелиорация и т. д.).

Основными причинами, способствовавшими падению плантаторства, А. П. Демидов считает следующие: «Первая и главная заключалась в том, что крупные хозяйства применяли обычный ручной способ обработки, ничем не отличавшийся от такового мелких хозяйств. Поэтому они не могли достичь той степени интенсивности, которая была у владельцев мелких участков при их личном ведении хозяйства. Вторая состоит в тесной зависимости от условий обмена. Фирма извлекала бóльшую прибыль, когда она закупала хлопок, чем в том случае, если она сама производила его на своих плантациях... Немалую роль сыграло плохое знакомство с условиями ведения местного хозяйства, с водным режимом и целым рядом других чисто туркестанских особенностей»[1].

Крах плантаций явился результатом не только того, что в этих плантаторских хозяйствах отсутствовало машинное производство, что по способу обработки плантации ничем не отличались от мелких хозяйств. К девяностым годам, когда американские сорта хлопчатника, были широко внедрены в мелкие дехканские хозяйства, и когда масштаб развития хлопководства с каждым годом все больше увеличивался, крупные хлопковые плантации стали хиреть, а затем постепенно ликвидировались. Мелкое дехканское хозяйство, основанное на издольной эксплуатации, оказалось выгоднее. Российские капиталисты перешли к испытанным методам местного

[1] *А. П. Демидов*, указан н. работа, стр. 44.

торгово-ростовщического капитала, применяя докапиталистические формы эксплуатации не только в скупке хлопка, но и в качестве землевладельцев. Они переняли опыт и методы местных байско-кулацких групп, сдавая значительную часть земель в порядке чайрикерства или денежной аренды. В последний период их существования плантации фактически не являлись крупными производственными единицами. Например, сохранившееся позже других плантаторское хозяйство «Большой Ярославской мануфактуры» («Андреевский хутор»), располагая 737,5 дес., в 1910 г. в Андижане засевало хлопчатником 139 дес., а чайрикерам сдавало 304 десятины. Другое плантаторское хозяйство в Андижанской области возле Уч-Кургана) сдавало землю (700 дес.) в аренду за деньги или на чайрикерских началах.

Причины неудач плантаторства российских хлопковых фирм и текстильных фабрикантов заключались не только в том, что они были неудовлетворительно организованы в качестве крупных производственных предприятий; если бы владельцы хлопковых плантаций сумели механизировать свои предприятия и надлежащим образом освоить технику крупного хозяйства, конечный результат был бы тот же. Торгово-промышленный капитал метрополии нашел в колонии более выгодное применение своей энергии и средствам, нежели конкуренция с мелкими дехканскими хозяйствами, — применение, имевшее своим следствием разрушение кустарной промышленности в крае и закабаление производителей сырья. Последние теми же российскими капиталистами вынуждались сбывать им за бесценок свое сырье. Цены на хлопок в Средней Азии, как известно, регулировались ценами Москвы и Нью-Йорка, но в Туркестане хлопок приобретался скупщиками по более низкой цене.

Вот почему хлопковые фирмы, даже если бы они и сумели наладить свои капиталистические хозяйства на более рациональных началах, — в качестве плантаторов должны были бы равняться на те же низкие цены, которые оказались губительными даже для мелких дехканских хозяйств при их нищенском бюджете. По этим ценам скупщики имели возможность приобретать дехканский хлопок. Хлопковые плантаторы из метрополии в дальнейшем испытывали также в качестве владельцев крупных сельскохозяйственных предприятий все «пре-

лести» хлебных цен и пр. А в высоких хлебных ценах ведь были заинтересованы помещики и русское купечество, байские хозяйства и торговцы хлебопродуктами.

Невыгодность затеянных русскими капиталистами хлопковых плантаций на чуждом для них поприще становилась все более отчетливой. Классовые интересы подсказали хлопковым фирмам и фабрикантам несостоятельность их затей в условиях колониального режима: они оказались незадачливыми организаторами крупных сельскохозяйственных предприятий, результаты хозяйственной деятельности которых были особенно плачевны в условиях высоких хлебных цен и отсутствия обеспеченной рабочей силы.

Какое место занимали текстильные фабриканты среди владельцев хлопковых плантаций? Рассматривая состав основных владельцев плантаций, можно видеть, что наряду с крупными торговыми фирмами, занимавшимися скупкой хлопка (Кудрин, Тарсин, Лахтин, Миндер, бр. Никифоровы, Беляков, Томич и др.), тут были и владельцы текстильных фабрик. Например, в роли плантаторов выступали текстильный фабрикант Коншин, владельцы «Большой Ярославской мануфактуры», которая имела хлопковые плантации в Ташкентском и Андижанском уездах и в Закаспийской области, участники т-ва «Русское хлопководство», скупочный аппарат группы текстильных фабрикантов, Лодзинское акционерное общество Познанских и др.

Многие текстильные фабриканты, независимо от покупки среднеазиатского хлопка в Москве, имели свою агентуру в крае еще до того, как американские сорта хлопчатника получили широкое развитие; видные фабриканты принимали прямое участие во внедрении новых сортов. Например, известный московский фабрикант Морозов «с 1884 г. раздавал текинцам для посева в Закаспийской области семена американского хлопчатника; фабрикант Коншин вместе с другими предпринимателями занялся посевами этих сортов хлопчатника в Закаспии с 1887 г.»[1]. Среди русских фирм, закупавших хлопок в Фергане в 1895 г., были крупные текстильные фабриканты Робенеки, Рябушинский, Кноп, Шлосберг, владельцы Ярославской мануфактуры и др.

[1] *М. П. Федоров.* Хлопководство в Средней Азии, указанн. изд., стр. 163.

Независимо от краха плантаторства, многие текстильные фабриканты продолжали оставаться на туркестанском рынке в качестве скупщиков хлопка. Для некоторых текстильных предприятий, например, ранее указанной «Большой Ярославской мануфактуры», Лодзинского акционерного общества Познанских, и др. скупка хлопка продолжала оставаться весьма прибыльным делом и позднее, когда произошли значительные изменения на хлопковом рынке Средней Азии. В частности это относится к текстильным предприятиям, которые изготовляли миткаль и пряжу и запродавали свои изделия аппретурщикам[1] на год вперед. В период продажи миткаля и пряжи эти фабриканты «имели возможность крыться хлопком в Туркестане по определенным ценам; поэтому они могли учитывать свои прибыли»[2].

Таких условий не было у бумаготкацких, аппретурных и белильных текстильных предприятий, которые (как утверждал А. Демидов) «закупали хлопок по мере надобности, прислушиваясь к рыночным колебаниям цен. Только этими условиями можно объяснить причину ухода с туркестанского рынка фабрик центрального промышленного района»[3].

В действительности же уход центральных фабрик с туркестанского хлопкового рынка можно объяснить главным образом тем, что в эпоху монополистического капитализма произошли крупные изменения на рынке хлопкового сырья в Средней Азии и в снабжении фабрик хлопком. Изучение истории «плантаторства» представителей российского торгового и промышленного капитала в Средней Азии позволяет считать несостоятельными указания отдельных исследователей среднеазиатского хлопководства относительно крупных убытков, якобы понесенных хлопковыми фирмами и текстильными фабрикантами на хлопковых плантациях. Это относится не только к торговому капиталу, который вместе с местным торгово-ростовщическим капиталом сумел закабалить хлопководческие хозяйства и получал высокие прибыли от хлопководства и реализации текстильных изделий и других товаров российской промышлен-

[1] Аппретура — окончательная отделка тканей.
[2] *А. П. Демидов*, указанн, работа, стр. 121.
[3] Там же.

ности. Еще более широкий диапазон деятельности был у промышленной буржуазии. Независимо от большого размаха ее работы в Средней Азии и сопредельных странах по сбыту текстильных изделий и получению на выгодных условиях огромной массы сырья, текстильные фабриканты имели и дополнительные источники прибылей, которые позволяли им «перекрываться». Одним из таких источников являлись в частности экспортные премии за вывезенную в сопредельные страны мануфактуру.

Это позволило текстильным фабрикантам за счет отечественного потребителя успешно конкурировать с английскими товарами. Как отмечают отдельные авторы, русский ситец продавался в Персии дешевле, чем на внутреннем рынке. Этим, впрочем, не исчерпывались выгоды, получавшиеся «текстильной буржуазией» от реализации тканей в сопредельных странах. Как уже отмечалось, они получали также значительную часть ценного сырья, фактически в порядке обмена его на мануфактуру.

При теснейшем переплетении связей и интересов торгового и промышленного капитала метрополии в колониях (конкретно в Средней Азии — хлопковых и мануфактурных фирм, с одной стороны, и текстильных фабрикантов, с другой) надлежит также учесть и те огромные прибыли, какие получали текстильные фабриканты от среднеазиатского дешевого хлопка — даже независимо от непосредственной скупки ими хлопкового сырья. Под этим углом зрения и надлежит рассматривать весьма благожелательные позиции российской «текстильной буржуазии» в отношении пошлины на иностранный хлопок, которая царским правительством все время повышалась.

Систематическое увеличение пошлины, вызывавшее все большее повышение на внутреннем рынке цен на производимые здесь текстильные изделия, вполне соответствовало классовым интересам «текстильных» хозяев. Сущность вопроса заключается в том, что хлопководство в годы его широкого развития приобрело исключительное значение в экономике царской России. Ежегодный валовой сбор «отечественного» хлопкового сырья расценивался от 150 до 175 млн. руб.; высокие пошлины на иностранный хлопок, как уже было сказано, увеличивали стоимость тканей: когда была установлена пошлина в 3 р. 15 к. с пуда, она составила свыше 35% общей стоимости волокна (хлопок расценивался тогда в 8 р. 90 к. за пуд). С повышением пошлины до 4 р. 15 к. (1901 г.) ее удельный вес достиг 40% (при возросшей цене на волокно до 10 р. за пуд).

Эти выгоды туркестанского хлопководства неоднократно отмечались и в печати, и в выступлениях видных царских сановников. Так, главноуправляющий землеустройством и земледелием Кривошеин отмечал: «нашему внутреннему рынку пришлось переплатить за американский хлопок на пошлине в последние 20 лет около семисот миллионов рублей: начиная с 1900 г. — по 40 млн. руб. в год»[1]. Однако русская «текстильная буржуазия» не возражала против повышения пошлины, потому что протекционистская политика царского правительства, являясь стимулирующим фактором для развития туркестанского и закавказского хлопководства, обеспечила устойчивые цены на хлопок на внутреннем рынке. Такая политика обеспечивала и достаточный запас хлопкового волокна в стране.

Русские текстильные фабриканты, как известно, пострадали, когда разразился кризис американского хлопководства и на фабриках оказался острый недостаток сырья. «Текстильная буржуазия» в дальнейшем весьма опасалась внешних осложнений (с США), а в связи с этим — возможности вновь оказаться перед лицом хлопкового голода. Между тем высокие пошлины при всех их отрицательных сторонах в известной мере способствовали развитию среднеазиатского хлопководства. Сотни миллионов рублей, которые действительно переплачивали российские потребители и о которых так печалился царский министр Кривошеин, поступали в доход казны и шли отнюдь не на нужды сельского хозяйства края.

Лишь в небольшой мере при существующей «механике» скупки хлопка у дехкан выгоды от пошлин доставались производителям хлопкового сырья.

«При всей совокупности социальных, технических и экономических условий, — отмечает А. Демидов, — массовый дехкан не имел особенной выгоды от хлопковод-

[1] *А. В. Кривошеин.* Записка Главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. Спб., 1912, стр. 72.

ства, ибо бóльшая часть ее доставалась в конце концов не ему»[1].

Указанные ранее «кривые» посевной площади хлопчатника, связанные с высокими ценами на хлебопродукты и низкими ценами на американский хлопок в период существования высокой пошлины на хлопок, иллюстрируют, в какой мере пошлина, как таковая, может рассматриваться как некий самостоятельный фактор в деле развития хлопководства.

Огромная часть поступавших в казну в качестве пошлины сумм по сути дела увеличивала прибыли эксплуататорских хлопководческих хозяйств, российских торговых хлопковых фирм и других торговых посредников. Едва ли большим преувеличением, поэтому, будет замечание А. П. Демидова о том, что в конечном итоге «в центре всей протекционистской политики стояли интересы текстильной промышленности». Царскому правительству это давало одновременно возможность, вместо затрат на расширение посевных площадей за счет мелиоративных работ, сохранить на довольно высоком уровне земельную площадь под хлопчатником за счет напряжения хлопководческих хозяйств, еще больше истощая земли... Текстильных фабрикантов, само собой, мало интересовали многомиллионные переплаты потребителей на тканях. В большей мере они были заинтересованы в том, чтобы иметь крупную «собственную» сырьевую базу, независимо от того, какой это дается ценой. Эти очевидные для них плюсы перекрывали некоторые «неудобства» от практики высоких пошлин на иностранный хлопок, которые сказывались на потребителях тканей. В наступавшую эпоху монополистического капитализма в России, в новых условиях развития промышленности, вопросы обеспечения сырьем продолжали оставаться для текстильных фабрик исключительно актуальными с точки зрения возможного увеличения внутренних запасов хлопка и заботы о бесперебойном получении иностранного хлопка — в первую очередь американского в связи с сложившимися взаимоотношениями России и США.

Российские текстильные фабриканты, как и промышленная буржуазия метрополии в целом, овладевая рынком сбыта во вновь завоеванных царизмом колониях, не оставляла в них без своего внимания ни одного участка возможной эксплуатации во имя умножения своих прибылей.

Участие российской буржуазии в создании хлопковых плантаций в Средней Азии и в хлопковых операциях служит ярким примером ее погони за большими прибылями.

Позиция «текстильной буржуазии» в отношении высоких пошлин на хлопок, ввозимый из США и других капиталистических стран, не менее показательна, отражая как промышленная буржуазия разрешала возникшие противоречия, в частности связанные с ее интересами в качестве потребителя иностранного сырья.

ХЛОПКОВОДСТВО И ХЛОПКОВАЯ ТОРГОВЛЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ЭПОХУ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

В своей книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» В. И. Ленин отмечал: «Основной особенностью новейшего капитализма является господство монополистических союзов крупнейших предпринимателей. Такие монополии всего прочнее, когда захватываются в одни руки *все* источники сырых материалов»...

Это создает исключительные условия для борьбы с конкурентами. «Владение колонией одно дает полную гарантию успеха монополии против всех случайностей борьбы с соперником — вплоть до такой случайности, когда противник пожелал бы защищаться законом о государственной монополии. Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний»[1].

Для русской буржуазии проблема обеспечения основными видами сырья, в том числе таким важным, как хлопок, и в стадии монополистического капитализма оставалась неразрешенной.

Средняя Азия, включая Бухару и Хиву, фактически давно была закреплена за царской Россией в качестве монопольной сырьевой базы. Русские капиталисты, как уже отмечалось, непосредственно приобретали на выгодных условиях текстильное сырье в Персии и в Западном

[1] *А. П. Демидов*, указанн. работа, стр. 96.

[1] *В. И. Ленин*. Соч., т. 22, стр. 247.

Китае, а в Афганистане, в связи с трениями политического характера, сырье приобреталось главным образом через посредство бухарских купцов.

Характерно, что царское правительство не прекращало попыток найти новые районы хлопководства (внутренние и внешние) и после того, как были достигнуты известные успехи в развитии туркестанского хлопководства.

Выявление новых районов производства такого ценного сырья, как хлопок, могло лишь усилить экономические позиции русской «текстильной буржуазии» и финансового капитала в стране. В. И. Ленин указывал: «Не только открытые уже источники сырья имеют значение для финансового капитала, но и возможные источники, ибо техника с невероятной быстротой развивается в наши дни, и земли, непригодные сегодня, могут быть сделаны завтра пригодными, если будут найдены новые приемы (а для этого крупный банк может снарядить особую экспедицию инженеров, агрономов и пр.), если будут произведены большие затраты капитала»[1].

Интерес царского правительства к проблеме все более широкого развития хлопководства в новых районах в эпоху монополистического капитализма не ослабевал.

С развитием капитализма и ростом текстильной промышленности текстильные фабриканты в ряде стран еще сильнее чувствовали недостаток в собственном сырье. Отсюда — стремление крупных империалистических стран к все большему увеличению производства сырья в своих колониях.

В. И. Ленин иллюстрирует это положение на примере русского и английского империализма:

«Английские капиталисты всячески стараются развить производство хлопка в *своей* колонии, Египте, — в 1904 г. из 2,3 миллионов гектаров культурной земли в Египте уже 0,6 млн. было под хлопком, т. е. свыше четверти; русские в *своей* колонии, Туркестане, потому что таким путем они легче могут побить своих иностранных конкурентов, легче могут придти к монополизации источников сырья, к созданию более экономного и прибыльного текстильного треста с «комбинированным» производством, с сосредоточением *всех* стадий производства и обработки хлопка в одних руках»[1].

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 22, стр. 248—249.

Значение собственного хлопкового сырья для русской «текстильной буржуазии» в эпоху монополистического капитализма определялось весьма существенными потребностями. Так, при общем снабжении текстильной промышленности России хлопком в 1904 г. в количестве 18,4 млн. пудов иностранный хлопок составлял 12 млн. пудов или свыше 66%. В последующие годы удельный вес иностранного хлопка в снабжении текстильных фабрик иностранным сырьем медленно снижался: в 1907 г. текстильная промышленность приобрела 21,5 млн. пудов, в том числе иностранного хлопка — 10,7 млн. пудов; в 1910 г. общее снабжение промышленности хлопком составило 21 млн. пудов, в том числе из-за границы было завезено 12 млн. пудов[2].

Таким образом, половину всего потреблявш гося ею хлопкового сырья Россия ввозила из-за границы. Стоимость ежегодно ввозившегося иностранного хлопка превышала сто миллионов рублей. Независимо от этого, в мировой текстильной промышленности, как и в других важнейших отраслях народного хозяйства, в эпоху финансового капитала были созданы монополистические союзы крупнейших предпринимателей.

Ссылаясь на одного из иностранных авторов (Шильдер), В. И. Ленин указывал, что в 1904 г. был создан международный союз бумагопрядильных фабрикантов в нескольких важнейших государствах, а затем по его образцу в 1910 г. был создан союз европейских льнопрядильщиков[3].

Создание международных объединений в текстильной промышленности было связано со стремлением к монопольному использованию сырьевых ресурсов, что было в интересах текстильных фабрикантов крупнейших капиталистических стран.

В текстильной промышленности России также возникли объединения монополистического капитала (1908 г.). Однако для созданных объединений (синдикатского типа) текстильных предприятий в Прибалтийском крае и в центральном районе России проблема сырья, как и

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 22, стр. 249.

[2] По данным В. В. Заорской и К. А. Александера («Промышленные заведения Туркестанского края», 1915), дополненным А. П. Демидовым (см. ранее указанн. работу).

[3] *В. И. Ленин.* Соч., т. 22, стр. 248.

ранее, продолжала оставаться исключительно актуальной: у текстильных фабрикантов не было никакой уверенности в бесперебойном поступлении иностранного хлопка.

Вопрос о регулярных поставках иностранного хлопка осложнялся в новую эпоху в связи с обстоятельствами внешне-политического характера.

При отмеченной зависимости России от американского хлопка текстильные фабриканты были поставлены перед реальной угрозой прекращения русско-американского торгового договора. Этот вопрос оказался настолько животрепещущим для промышленности, для торгового капитала (завоз сельскохозяйственных машин), для ведомственных органов России, что наметившемуся разрыву торгового договора, как отмечалось в печати, была посвящена целая литература.

Было неизвестно, последует ли за расторжением торгового договора запрещение вывоза американского хлопка в Россию или же будут установлены на вывозимый из Америки хлопок запретительные пошлины. Второе мероприятие, как иные полагали, создало бы больше трудностей для русской текстильной промышленности, но оно рассматривалось как менее вероятное при наличии в США огромных избытков хлопка.

«Оптимисты», впрочем, успокаивали общественное мнение тем, что в конечном итоге дело сведется к некоторому вздорожанию сырья и некоторой заминке с поступлением иностранного хлопка на фабрики. Однако можно будет получать американский хлопок через другие страны, либо увеличить завоз соответственного количества хлопка из других стран-экспортеров. В 1910—1912 гг. из всего поступившего в страну иностранного хлопка примерно половина была доставлена из Египта и Индии.

Общий вывод из этого — необходимо развивать отечественное хлопководство. Некоторые авторы отмечали в печати, что проблема «хлопкового голода» не исчерпывается факторами временного порядка, как возможный разрыв торгового договора, и др.

При рассмотрении динамики мирового производства текстильных тканей оказалось, что США, являвшиеся крупнейшим экспортером хлопка, с каждым годом увеличивали переработку хлопка в своей стране: если в 1880 г. число веретен в США составляло 10,6 млн. то в 1900 г.

07-3с

оно достигло 19,1 млн., а в 1910 г. — 28,3 млн. веретен[1].

Вывоз текстильных тканей, естественно, оказался выгоднее вывоза сырья. Статистика одновременно свидетельствовала, что мировое потребление хлопка с каждым годом увеличивалось. Такое «угрожающее положение, — отмечает один из авторов, — заставило все западно-европейские страны (Англию, Францию, Германию и др.) уже несколько лет тому назад заняться самым серьезным образом вопросом о развитии хлопководства у себя в колониях, и меры, предпринятые в этом отношении, уже дали некоторые, хотя пока и мало заметные на мировом рынке, результаты»[2].

Конкретный учет мировой хлопковой конъюнктуры в сочетании с большими возможностями в области расширения производства текстильных тканей в России требовал, как и ранее, сосредоточения всего внимания российской текстильной буржуазии на Средней Азии, основной и фактически единственной по мощности базе русского хлопководства.

В условиях, когда хлопковый вопрос занял такое большое место в экономике страны, усилия царского правительства и его чиновников в Средней Азии были направлены к тому, чтобы даже за счет крайнего напряжения труда дехканских масс не снижать уровня производимого в крае хлопкового сырья и одновременно разработать мероприятия для значительного расширения базы среднеазиатского хлопководства. Но в создавшихся условиях испытанные методы эксплуатации дехканских масс были заранее обречены на неудачу. Упреки по адресу царизма в том, что он не видел перспективного значения Туркестанского края в качестве крупной базы ценнейшего сырья, были бы безосновательными. О том, что царское правительство учитывало это значение Средней Азии говорят многие приведенные нами факты, специальные командировки в край виднейших представителей царской власти, сенаторские ревизии.

Еще в 1892 г. в Туркестан был командирован по распоряжению министра государственных имуществ один из видных чиновников В. И. Масальский, для разработ-

[1] *В. И. Масальский.* Хлопковый вопрос. «Московские ведомости». 1912, № 114 и 116.

[2] Там же, стр. 5.

ки мероприятий в направлении «содействия отечественному хлопководству». В 1894 г. состоялась поездка в Туркестан министра земледелия А. С. Ермолова, которым был поставлен вопрос «об орошении новых земель, важность которого была удостоверена также и министром финансов И. А. Вышнеградским, посетившим Среднюю Азию в конце 1890 г.»[1].

В связи с казнокрадством и другими злоупотреблениями краевого аппарата колониального управления для ревизии края в 1909 г. была направлена комиссия во главе с сенатором Паленом. Вскоре после этого (1912 г.), чтобы ослабить впечатление от результатов ревизии сенатора Палена и вскрытых ею злоупотреблений в землеустройстве и других областях, в Туркестан выезжал главноуправляющий землеустройством и земледелием Кривошеин, написавший «Записку» о поездке в край и выдвинувший «грандиозный», но совершенно нереальный план создания «нового, русского Туркестана».

Во всех этих «Записках» и других документах, связанных с поездкой царских сановников в Среднюю Азию, получили отчетливое отражение колонизаторские планы царского империализма относительно дальнейшего закабаления местного населения, руссификации края, соображения об извлечении дополнительных «доходов», ввиду «убыточности» края, и т. д.

В результате этих поездок для подлинного развития производительных сил края было сделано очень мало.

Непроведение царизмом реальных мероприятий в направлении развития производительных сил Туркестана бросалось в глаза каждому мало-мальски объективному наблюдателю. Даже некоторыми царскими чиновниками отмечалось, что нельзя до бесконечности заниматься канцелярской проработкой вопросов народного хозяйства края. При этом, конечно, делались соответствующие оговорки.

Один из крупных специалистов сельского хозяйства Туркестана В. И. Масальский, который был, как отмечалось выше, командирован в Среднюю Азию в девяностых годах по вопросам хлопководства, в своем докладе на заседании Русского Географического общества (1912 г.), т. е. через двадцать лет, говорил, что «приступать к

[1] *В. И. Масальский.* Хлопковый вопрос, 1912, стр. 32.

созданию нового Туркестана или нового Египта с одним горячим желанием, но с пустыми руками, — нельзя», и что «для этого требуется время и деньги»[1].

Даже официальные представители царского правительства довольно низко расценивали предварительные итоги работ царского правительства в области орошения и хлопководства. В более суровых выражениях расценивалась деятельность хлопковых организаций, банков и местных скупщиков, т. е. тех, кто фактически вершил дела среднеазиатского хлопководства.

В материалах комиссий при Туркестанском обществе сельского хозяйства о состоянии туркестанского хлопководства (1910 г.), представленных К. Палену в связи с начавшейся ревизией края, в его экономике отмечалась «безотрадная картина». Это иллюстрировалось весьма конкретными яркими фактами:

«...Культура хлопчатника в Туркестане, — указывалось в докладе, — сделалась источником доходов для банков, крупных оптовых скупщиков, а особенно местных посредников».

Для производителей хлопка оставалось «так мало, что в Туркестане, вероятно, давно прекратили бы высевать хлопок, если бы и другие землевладельческие продукты не были также пропорционально обложены этим косвенным налогом в пользу скупщиков и ростовщиков».

Затем следовала краткая характеристика хлопковых фирм: «...русские фирмы, внося в край и развивая ценную культуру хлопчатника, сделались невольными пособниками разорения земледельческого населения»[2].

Прибывшему из Петербурга ревизору были сообщены неприглядные факты о деятельности банков, местных посредников и русского купечества — скупщиков хлопка. Так обстояло дело за несколько лет до начала первой империалистической войны.

Примерно так же обстояло дело и к концу эпохи монополистического капитализма в России, когда, как ранее было отмечено, уже ясно ощущалась «лихорадка» в развитии хлопководства, нашедшая свое выражение в росте посевных площадей, в увеличении вывоза хлопка и т. д.

[1] *В. И. Масальский.* Американская монополия и русское хлопководство, Пг., 1914, стр. 22.

[2] *И. М. Слуцкий.* Хлопководство в Туркестане (докл.). Журн. «Туркестанское хозяйство». М., № 4, 1911, стр. 181.

Внедрение ростовщического кредита, пагубная деятельность местного торгово-ростовщического капитала и в конечном счете истощение земель, обезземеливание и разорение мелких хлопководческих хозяйств совершались в течение ряда лет.

Процессы эти развивались зачастую весьма интенсивно. Так, «успехи», достигнутые российским и местным торгово-ростовщическим капиталом в деле экономического закабаления мелких хлопководческих хозяйств, вскоре имели своим результатом в частности недопустимое использование земельных участков многих хозяйств исключительно под культуру хлопчатника. Дехканские хозяйства вскоре встали перед необходимостью введения монокультуры хлопчатника.

Ранее уже отмечалось как энергично совершался этот процесс. В работе М. П. Федорова «Хлопководство в Средней Азии» приведены данные среднеазиатской железнодорожной экспедиции за 1893 г. о структуре посевных площадей по каждому уезду в отдельности.

В Ферганской долине в период до широкого внедрения американских сортов хлопчатника удельный вес хлопчатника (местных и американских сортов) представлялся весьма невысоким: в Кокандском уезде хлопком было занято 27% орошаемой площади, в Наманганском уезде — около 30%, в Андижанском — около 16%. В Самаркандской области (в 1897 г.) хлопчатник занимал всего 6,4% посевной площади. Но уже через 8 — 10 лет вся основная площадь поливных земель в крае была занята культурой хлопчатника.

И только в порядке «защиты» от высоких пшеничных и низких хлопковых цен мелкие дехканские хозяйства стремились в отдельные годы повышать удельный вес зерновых в общей посевной площади.

По данным С. Понятовского, в 1910 г. в Ферганской области, т. е. в основном хлопковом районе Туркестана, посевы хлопчатника составили:

80% — 6 волостей	
60% — 8 „	30% — 16 „
50% — 11 „	10% — 18 „
40% — 17 „	0 — 10% — 10 „[1]

[1] *С. Понятовский.* Опыт изучения хлопководства в Туркестане и Закаспийской области, указанн. издание, стр. 95.

В 1913 г. в 54 волостях Ферганской области (из 86 волостей) удельный вес хлопчатника превысил 50% посевной площади; в 8 из этих волостей посевы хлопчатника составляли около 100%.

При таком положении (отсутствие севооборота) нет ничего удивительного в том, что в дехканских хозяйствах происходили снижение урожайности хлопчатника, и, параллельно, неизбежный рост задолженности хлопководческих хозяйств.

Иное положение наблюдалось в переселенческих хлопковых хозяйствах, в частности в Голодной степи, где крестьянами был введен севооборот и где удельный вес хлопчатника достигал почти 30%, но иногда снижался до 15%[1].

Постепенное обеднение и обнищание мелких хлопководческих хозяйств было следствием истощения плодородия земли в результате фактического перехода на монокультуру.

Так как подавляющая часть старого поливного фонда земель была предельно насыщена культурой хлопчатника, правительство разрабатывало мероприятия по расширению поливного фонда за счет орошения новых земель. Это диктовалось опасениями относительно дальнейшей возможности регулярного снабжения текстильных фабрик сырьем. При серьезных сомнениях в продолжении действия торгового договора с США «текстильная буржуазия» не могла быть уверена в том, что не будет заминки с поступлением иностранного хлопка. Бесконечное обсуждение «хлопкового вопроса» на совещаниях промышленников, ведомственными органами, в печати и т. д. практически ничего не дало в смысле изыскания реальных возможностей увеличения поставок фабрикам недостающего хлопка.

Империалистическая буржуазия и царское правительство, как и ранее, были не в состоянии разрешить «хлопковый вопрос», тем более, что проблема российского хлопководства в условиях колониального режима упиралась не только в орошение.

Призрак «хлопкового голода», в связи с ожидавшимся прекращением действия русско-американского торгового договора пугал не только текстильных фабрикантов, но и правительство.

[1] *А. П. Демидов,* указанн. работа, стр. 47.

«В широких промышленных и даже законодательных кругах отнеслись к этому вопросу (возможному прекращению торгового договора — *А. А.*) с большой нервозностью»[1]...

При этом утверждали, что перспективу «хлопкового голода» не следует рассматривать как явление эпизодическое, преходящее, временное. Через два года появилась другая, весьма серьезная для проблемы «хлопкового голода» причина внешнего характера, которая вообще внесла большие потрясения в народное хозяйство страны: в 1914 г. вспыхнула первая мировая война.

С началом войны ввоз иностранного хлопка сократился почти в два раза: вместо 13,5 млн. пудов, ввезенных из заграницы в 1913/1914 г., в первом военном 1914/1915 г. ввоз составил всего 7,3 млн. пудов, а в 1915/1916 г. ввезено было 7 млн. пудов. Между тем потребление хлопкового волокна в 1914/1915 г. составило 17,3 млн. пудов, а в 1915/1916 г. — 21 млн. пудов[2].

Потребление отечественного хлопка слагалось, однако, не только из волокна нового урожая, но также из ранее имевшихся запасов.

Повышение цен на хлопковое волокно с 16 руб. до 24 руб. за пуд в 1914/1915 г. и до 36 руб. за пуд в 1915/1916 г. дало значительное увеличение посевной площади хлопчатника в Туркестане[3].

Резкое повышение цен на хлопок вызвало рост цен на продукты. Как отмечает В. И. Масальский, цена на пшеницу превышала 10 руб. за пуд, а местами доходила до 20 руб. и больше, т. е. соотношение цен для хлопководческих хозяйств оказалось еще менее удовлетворительным, чем в довоенный период.

Из приведенных данных о состоянии туркестанского хлопководства и условиях приобретения иностранного хлопка видно, что в отдельные годы в период, предшествующий монополистическому капитализму, как и в дальнейшем, текстильная промышленность испытывала определенные трудности в обеспечении фабрик необходимым количеством хлопкового сырья. Не произошло сдвига

[1] *В. И. Масальский.* Хлопковый вопрос и меры к его разрешению Пг., 1917, стр. 11.
[2] Там же, стр. 11 — 12.
[3] Там же, стр. 13 — 14.

в смысле хоть какого-то приближения к переходу текстильной промышленности на собственное хлопковое сырье.

Трудности с сырьем еще в большей мере обострились.

Основное направление экономической политики царизма в Средней Азии по существу осталось без изменения.

В течение многих лет охраняя интересы русской империалистической буржуазии, царское правительство оказалось неспособным изыскать реальные меры, которые дали бы хотя бы некоторое смягчение «хлебного вопроса», организации кредитования хлопководческих хозяйств во имя интересов того же отечественного хлопководства. По кардинальнейшей проблеме орошения новых земель царские чиновники занимались бесконечными ведомственными и межведомственными обсуждениями, а практически осуществили лишь незначительную часть выдвинутых и разработанных в инженерных проектах планов.

Посевные площади хлопчатника за 20 лет (с 1891 по 1910 г.) увеличились почти в три раза, достигнув в 1910 г. 324 тыс. 800 дес. Между тем при фактическом введении монокультуры хлопчатника текстильная промышленность едва получала половину необходимого ей количества хлопкового волокна.

Дальнейшее расширение материальной базы хлопководства требовало не бредней о «новом, русском Туркестане», а реальных ассигнований на оросительные работы.

Эти средства могли быть изысканы либо самим царским правительством, либо правительством совместно с русской империалистической буржуазией, непосредственно в том заинтересованной, но не проявлявшей склонности к крупным затратам на орошение.

Вместе с тем русская буржуазия не переставала грезить о независимости от мирового хлопкового рынка в смысле регулирования цен на хлопок. Эти устремления в частности нашли свое отражение в материалах ревизии края, произведенной сенатором К. Паленом.

Пален имел возможность близко ознакомиться с состоянием туркестанского хлопководства. В своем отчете о развитии Туркестанского края Пален отмечает те выгоды, какие обеспечивает хлопководство Туркестана России с точки зрения не только снабжения сырьем текстильной промышленности, но и общего его значения для национального дохода и торгового баланса страны.

При наличии собственного внутреннего хлопкового рынка,— указывал Пален,—«Россия не будет в зависимости от разных заграничных трестов и произвольных цен на хлопок, устанавливаемых лондонскими и американскими биржами, а сама будет в состоянии тогда регулировать цены на него»[1].

Царский сановник в данном случае проявил чрезмерный оптимизм. Разные заграничные тресты, лондонские и американские биржи в действительности и впредь продолжали устанавливать мировые цены на хлопок, обязательные для русских текстильных фабрикантов, которые вынуждены были приобретать за границей для своих фабрик не менее половины необходимого им хлопкового сырья.

Вместе с тем следует отметить, что Пален базировал свой оптимизм на том бесспорном положении, что для дальнейшего развития хлопководства должны быть проведены широкие ирригационные работы.

Иной точки зрения придерживался Кривошеин, который писал:

«Было бы утешительно верить... что можно увеличить сбор хлопка с уже орошенной площади Туркестана настолько, что весь спрос русской промышленности будет удовлетворен, без необходимости орошать новые площади»[2]. Этого можно добиться «мерами агрономической помощи» — повышением урожайности, а также «снабдив край дешевым привозным хлебом, заменить в нем хлопчатником все зерновые посевы»[3].

Такие экономические «прогнозы» делали царские сановники в то время, когда туркестанское хлопководство, по-прежнему, продолжало «лихорадить»: хлопком было засеяно в 1904 г. 253,6 тыс. дес., в 1905 г.— 191,1 тыс. дес., а вслед за ростом посевов хлопчатника в 1911 г. до 383, 3 тыс. дес. в следующем 1912 г., т. е. вскоре после отъезда из Туркестана главноуправляющего землеустройством и земледелием, последовало сокращение посевной площади до 349,1 тыс. дес.

Ранее уже отмечалось, какой ценой (для сельского хозяйства края) русская империалистическая буржуазия

[1] *К. Пален.* Материалы к характеристике народного хозяйства. Спб, 1910, ч. 1, стр. 370.

[2] *В. Кривошеин.* Записка..., стр. 6.

[3] Там же.

добивалась увеличения посевных площадей хлопчатника в предвоенные годы и в годы первой империалистической войны.

Кривошеин и ему подобные, являвшиеся выразителями наиболее агрессивных планов русского империализма, жестокой колонизаторской политики и национального угнетения на окраинах, и в области хлопководства не хотели ограничиваться старыми «рамками». Они собирались создать «Русский Туркестан», в котором «будут сотни тысяч вновь орошенных земель для новых русских переселенцев», разрабатывали подробные планы изъятия земель и т. п.

Свою основную мысль о расширении туркестанского хлопководства Кривошеин сформулировал в приведенной нами выше трехгранной формуле: хлопководство, орошение, русское заселение.

В то время как все больше увеличивались аппетиты русского империализма в отношении развития в Туркестане «грандиозной» сырьевой базы и расширялась посевная площадь хлопчатника в результате дальнейшего вытеснения зерновых и кормовых культур, положение сотен тысяч мелких хлопководческих хозяйств с каждым годом становилось все более плачевным.

В основном хлопковом районе — Ферганской области — уже в 1903 г. более половины населения было полностью закабалено. Только у казиев Ферганской области по ссудным сделкам было зарегистрировано 129 тыс. 924 хозяйства, т. е. больше одной трети всех дехканских хозяйств Ферганы.

В «хлопковой жемчужине» — Фергане — хлопковыми фирмами было выдано в течение последних (к 1909 г.) 15 лет задатков на сумму свыше 150 млн. рублей. Между тем эти фирмы удовлетворяли потребность хозяйств в оборотных средствах только в половинном размере.

При острой и широкой потребности в оборотных средствах только в 1909 г. занялись организацией кредитных товариществ. Но ни в начальный период деятельности кредитных товариществ, ни в последующем кооперативный кредит не приобрел сколько-нибудь заметного значения для дехканских хозяйств.

С вступлением русского капитализма в монополистическую стадию развития экономическое угнетение дехканства еще больше усилилось.

Крупные фирмы, роль которых в скупке хлопка возросла, имели все возможности, чтобы заставить «неакку-

ратных» хлопкоробов, т. е. оказавшиеся в затруднительном положении бедняцкие хозяйства, выполнить принятые на себя обязательства.

Прежнее подразделение скупщиков хлопка на российские хлопковые фирмы, с одной стороны, и «туземные», с другой, в эпоху «новейшего капитализма» оказалось устаревшим.

Финансовый капитал основательно вклинился в хлопководство. Банки широко кредитовали российских и местных скупщиков хлопка. Кроме того, они занимались самостоятельными операциями по скупке хлопка.

Мелкие хлопковые фирмы постепенно стали исчезать. Несколько неблагоприятных сезонов (с пониженными ценами на хлопок), и мелкие хлопковые фирмы были сметены. В отдельные годы такие явления затрагивали значительный круг скупщиков хлопка. Например, в 1911 г. в результате исключительно высокого урожая хлопка в США был нанесен удар многим хлопковым фирмам, так как средняя цена на хлопковое волокно в Москве с 16 р. 85 к. за пуд в 1910 г. снизилась в 1911 г. до 12 р. 50 к. за пуд.

Низкие цены на хлопок сказывались также на платежеспособности мануфактурных фирм, которые, как ранее уже нами указывалось, были тесно связаны с хлопковыми фирмами. В конце концов на хлопковом рынке остались лишь наиболее «солидные фирмы из числа российских, местных и группы текстильных фабрикантов. Этими солидными фирмами командовали банки. Когда у хлопковых фирм возникали тяжбы с хлопководческими хозяйствами (невозврат авансов и т. п.), они умели постоять за себя»[1].

Руководящая роль в хлопководстве все больше переходила к банкам, для которых хлопок стал источником исключительно высоких прибылей. Банки стали широко кредитовать не только хлопковые операции, но и связанные с хлопководством хлопкоочистительную и маслобойную отрасли промышленности.

* * *

Быстрое развитие капитализма в России, происшедшие изменения на мировом хлопковом рынке, связанные с гражданской войной в США (1861—1865 гг.), определили

[1] *А. П. Демидов*, указанн. работа, стр. 140.

пристальный и устойчивый интерес русской буржуазии к среднеазиатскому хлопководству. Вопрос создания собственной сырьевой базы для текстильной промышленности России в новой колонии стал одной из главных проблем экономической политики царской России.

Наряду с этим Средняя Азия приобретала определенное значение для помещичьего класса империи в качестве будущего потребителя зернопродуктов. Для хлопководческих районов Средней Азии вопросы завоза хлеба вместе с развитием хлопководства приобретали все большее значение. Поэтому сама Средняя Азия становилась не только районом хлопкового сырья, но и важным рынком сбыта промышленных и сельскохозяйственных товаров и способствовала расширению емкости внутреннего рынка России.

С созданием в Средней Азии базы хлопководства главному рыночному продукту — хлопку — оказались подчиненными все остальные отрасли сельскохозяйственных культур, а в дальнейшем и основные отрасли народного хозяйства края. Интересам развития хлопководства оказалась подчиненной вся экономическая политика царизма в Средней Азии.

Представители царского правительства, подчеркивая необходимость развития хлопководства в Средней Азии, предлагали обеспечить край привозным хлебом, освободив все орошенные земли для хлопчатника. И такое направление хозяйственной жизни края выдвигалось как «совершенно естественное и разумное».

Экономическая политика, направленная на всемерное развитие хлопководства, вызвала в стране хлопковую горячку. Началось массовое внедрение новых сортов хлопчатника, резко выросли посевные площади. Увлечение охватило не только представителей крупных торгово-промышленных фирм, местного торгово-ростовщического капитала, хлопкозаводчиков, но и служащих местной администрации, военных и других чиновников, из которых многие даже оставляли службу. Сотни тысяч мелких дехканских хозяйств были вовлечены в хлопководство, оказавшись в непосредственной зависимости от уровня цен на мировом хлопковом рынке. Одновременно они оказались в прямой зависимости от российских цен на зернопродукты.

Стремление «текстильной буржуазии» России к созданию в Средней Азии базы русского хлопководства весьма ярко сказалось в организации крупных хлопковых план-

таций в ранний период развития туркестанского хлопководства. Но плантаторское хозяйство оказалось несостоятельным. Крах хлопкового плантаторства объясняется не только тем, что плантации были неудовлетворительно организованы, не могли надлежащим образом использовать технику крупного хозяйства, но и тем, что у буржуазии имелась область более выгодного и целесообразного приложения капитала. Докапиталистическая эксплуатация мелких арендаторов и чайрикеров оказалась более удобной и выгодной формой извлечения высоких прибылей. В этом отношении текстильные капиталисты усвоили методы местного торгово-ростовщического капитала.

Вместе с тем российские хлопковые фирмы сохранили свои позиции в качестве крупных скупщиков хлопка. Среди российских фирм, закупавших хлопок, были такие крупные текстильные фабриканты, как Рябушинский, Кноп, Шлосберг, владельцы «Большой Ярославской мануфактуры». Для некоторых текстильных предприятий (Большой Ярославской мануфактуры, Лодзинского акционерного общества Познанских и др.) скупка хлопка продолжала оставаться весьма прибыльным делом и в более поздний период. Многие хлопковые фирмы, независимо от закупки среднеазиатского хлопка в Москве, имели свою широко развитую агентуру в крае в лице местных хлопкозаводчиков, местных скупщиков хлопка (пахтапурушев), многочисленных посредников («чистачей», «арбакешей»).

В 1908—1913 гг. проблема обеспечения промышленности основными видами сырья, в том числе таким важным, как хлопок, приобрела для русской буржуазии первостепенное значение. Поэтому среднеазиатские хлопковые районы продолжали осваться в центре внимания русской буржуазии, хотя царское правительство пыталось найти новые хлопковые районы — внутренние (Закавказье) и внешние (Персия, Западный Китай, Афганистан и др.).

Неослабный интерес к развитию хлопководства как в старых, так и в новых районах в эпоху монополистического капитализма диктовался стремлением империалистических стран к все большему развитию производства сырья в своих колониях (Англия — в Египте и Индии, Франция — в Индо-Китае и т. д.). Русская буржуазия также стремилась усиленными темпами развивать хлопководство и тем самым обеспечить хлопковую «независимость» своей

промышленности и побить своих конкурентов на мировом хлопковом рынке.

В этих условиях усилия царского правительства в Средней Азии были направлены к тому, чтобы любым путем поддержать достигнутый уровень производства хлопкового сырья и одновременно разработать мероприятия по значительному расширению базы среднеазиатского хлопководства. И царизм, таким образом, подстегиваемый «текстильной буржуазией», должен был оценить перспективное значение Туркестанского края в качестве крупной базы ценнейшего промышленного сырья.

До первой мировой войны туркестанское хлопководство достигло значительных успехов. Посевные площади под хлопком достигли в 1913 г. 426 381 десятины. Наиболее резкий рост посевов хлопчатника наблюдался в последние годы перед революцией: в 1915 г. ими было занято 523 тыс. 614 дес., а в 1916 г. — 533 тыс. 671 дес.

В 1915/1916 г. из Средней Азии было вывезено хлопкового волокна 15 млн. 572 тыс. пудов, а из Закавказья за те же годы — 1 млн. 750 тыс. пудов, при общей потребности текстильной промышленности России в эти годы в 24 млн. 635 тыс. пудов хлопкового волокна. Таким образом, в исключительно благоприятном для хлопководства году отечественным хлопком было покрыто около 70% потребности России в хлопковом волокне.

Однако исключительное внедрение культуры хлопчатника (с вытеснением других культур), нерешенность водохозяйственной проблемы, невозможность в условиях царизма проведения широких работ по ирригации и мелиорации, нищета разоренного мелкого дехканского хозяйства встали неодолимыми препятствиями к дальнейшему развитию среднеазиатского хлопководства. Хлопковая независимость России не была обеспечена. Накануне первой мировой войны половина потребности текстильной промышленности в хлопке покрывалась за счет импортного, главным образом американского хлопка.

Вместе с тем достигнутый уровень развития хлопководства обеспечивал баснословные доходы хлопковым фирмам, банкам, скупщикам хлопка, хлопкозаводчикам, байско-феодальным элементам, торговому и ростовщическому капиталу, многочисленным посредникам в скупке хлопка.

Зато положение непосредственных производителей хлопка, оказавшихся в тисках полукрепостнических отношений,

с одной стороны, и тяжелой колониальной эксплуатации российскими капиталистами, кооперировавшимися с местным торгово-ростовщическим капиталом,с другой, с каждым годом становилось все более тяжелым, и следствием этого было массовое разорение дехкан и возрастающая земельная экспроприация мелких хлопководческих хозяйств.

В этих условиях выращивание хлопчатника стало в то время для дехканина делом невыгодным, не оправдывало затрачивавшейся на него массы тяжелого и напряженного труда.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОБЛЕМА ОРОШЕНИЯ ТУРКЕСТАНА

ОРОШЕНИЕ НОВЫХ ЗЕМЕЛЬ НА ОСНОВЕ МЕСТНОЙ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В ПЕРВОЕ ТРИДЦАТИЛЕТИЕ ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ (1865—1895 гг.)

В Средней Азии искусственное орошение всегда было решающим условием земледельческой культуры. «Условия климата и почвы,— указывал К. Маркс,— особенно огромные пространства пустыни, тянущейся от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию до возвышенностей азиатского плоскогорья, сделали систему искусственных орошений при помощи каналов и водных сооружений основой восточного земледелия»[1].

Можно предполагать с большой долей вероятности, что ирригация возникла в Средней Азии одновременно с появлением в долинах оседлого земледельческого населения, т. е. в глубокой древности. В этой стране, как в давно прошедшие времена, так и теперь, земледельческая культура не могла существовать без искусственного орошения.

Неудивительно поэтому, что орошаемая площадь Туркестанского края была огромна: площадь, на которой была раскинута сеть оросительных каналов в 70—80 годах XIX века, составляла около 1 млн. 738 тыс. десятин.

Чтобы выяснить относительное значение ирригационной культуры в Туркестанском крае, сравним ирригационную

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. IX, 1933, стр. 347.

площадь Туркестана с площадью орошаемых земель некоторых стран, где была наиболее развита ирригация в те годы:

во Франции	183 000 дес.
в Закавказье	100 000 „
в Египте	1 053 000 „
в Италии	1 380 000 „
в Турк. крае	1 738 000 „
в Индии	1 788 000 „ [1]

Как видно из этих цифр, площадь орошаемых земель в Туркестанском крае превосходила почти в 10 раз орошаемые земли Франции, в 1,5 раза — Италии и Египта (в отдельности) и уступала только Индии.

Таким образом, край по развитию ирригационного хозяйства занимал одно из выдающихся мест в ряду стран, где применяется искусственное орошение. Ясно, что царское правительство, которое ставило перед собой задачу превращения края в сырьевую, преимущественно хлопковую, базу, не могло не учитывать эту особенность здешнего сельского хозяйства, в частности необходимость дальнейшего расширения орошаемых земель. Тем более, что возможный рост культурной площади Туркестана и перспективы ее развития в будущем были действительно огромны.

По имеющимся данным, в Туркестане площадь земель, годных для орошения, составляла около трех миллионов десятин.

А. В. Кривошеин в своей «Записке» указывал, что, обратив под хлопок треть поливной земли можно рассчитывать на получение в недалеком будущем при помощи нового орошения 18 — 20 млн. пудов дополнительного хлопка[2].

Ирригационные проекты по созданию новых районов орошения в Средней Азии стали возникать в первые же годы после присоединения края к России.

Внимание администрации прежде всего привлекла обширная равнина, лежавшая на пути древних караванных трактов, между Самаркандом и Ташкентом. Равнина эта, считавшаяся страшной и трудно проходимой,

[1] Инж. *Н. Петров.* Об ирригации в Туркестанском крае. 1894, стр. 20—30. Автор упускает из виду Китай, занимавший по площади орошаемых земель первое место в мире.

[2] *А. В. Кривошеин.* Записка.... стр. 30.

носила название «Голодная степь». Только местами, преимущественно вдоль линии бывшего почтового тракта, в ней сохранились так называемые сардобы[1].

Решив провести через Голодную степь почтовый тракт и открыв его в 1869 г., местная администрация поставила на очередь вопрос об орошении пустыни. С этой целью были начаты необходимые предварительные изыскания и составлен проект строительства оросительного канала.

Орошение ежегодно обрабатываемой площади было рассчитано на 40 тыс. дес. (36 тыс. га). Эти проектные предположения были в общем утверждены специальной комиссией. Работы по сооружению канала решено было произвести натуральной повинностью. Общее количество потребной рабочей силы исчислялось в 570 тыс. рабочих дней.

Составитель проекта высчитал, что по существовавшим тогда ценам на аренду вакуфных земель доходность орошенных полей можно определить в 240 тыс. руб. ежегодно, что составило бы свыше 34% на затраченный капитал. В дальнейшем, с расширением канала, орошение охватило бы площадь в 180 тыс. дес. (1 млн. 080 тыс. танапов), что давало бы в год уже более миллиона рублей чистого дохода.

Выполнение работ натуральной повинностью, при выдаче рабочим от казны только по 5 коп. в день на человека кормовых денег, не могло не вызвать недовольства, и это отражалось на ходе работ. Работы, начатые в 1873 г., шли вяло и вследствие этого в 1879 г. было решено временно их приостановить. В конце концов, они были окончательно прекращены. Результатом работ был лишь неоконченный арык в 14 км, на который было затрачено, не считая труда, около 126 тыс. руб.

С начала семидесятых годов прошлого века возникли и другие предположения об орошении Голодной степи. Так, нельзя не упомянуть о проекте обводнения отдельных ее районов артезианскими водами и проекте орошения крупного массива степи посредством механического подъема воды.

Комиссия, рассматривавшая вопрос об артезианских водах, отнеслась к проекту отрицательно. Она призна-

[1] Сардобы — древние куполообразные колодцы из жженого кирпича.

ла, что даже при значительном обилии артезианских вод, они не удовлетворили бы будущих потребностей Голодной степи, но потребовали бы крайне сложных механических приспособлений, которые обошлись бы, пожалуй, дороже, чем проведение канала.

В 1874 г. частным предпринимателем было сделано предложение оросить механическим путем часть Голодной степи, площадью до 40 тыс. дес. с условием безвозмездной передачи в аренду предпринимателю и образуемой им компании орошенного ими участка земли на 50 лет. Предполагались подъем воды в особые резервуары посредством водокачек и проведение ее на поля особыми каналами. Однако комиссия, рассматривавшая это предложение, сочла совершенно невозможным его практическое осуществление ввиду крайней его дороговизны.

В 1883 г. оросительным делом в Средней Азии стал заниматься великий князь Николай Константинович Романов, приступивший к сооружению так называемого «Искандер-арыка», который он и закончил в 1885 г. В том же 1885 г. им были начаты работы рекогносцировочного характера по возобновлению древнего арыка «Урумбая» в целях орошения северной части Кызыл-Кумов. Одновременно с этим была начата постройка нового канала для проведения воды из Сыр-Дарьи в котловину Голодной степи, известную под названием «Джеты-сай».

Этот канал, протяженностью около 28 км, названный Бухар-арыком, строился с 1885 по 1890 г. Но он оказался неудачным, и вода по нему не пошла.

На окончание работ по сооружению Бухар-арыка великому князю было отпущено, в дополнение к израсходованным им собственным средствам, пособие из государственного казначейства в размере 100 тыс. рублей. Но полная сметная стоимость работ, требовавшихся для окончания этого арыка, составляла 443 тыс. руб., а потому при пособии в 100 тыс. руб. арык не мог быть достроен, и сооружение Бухар-арыка было прекращено. Н. К. Романов занялся строительством по проведению нижней ветви так называемого Хивинского арыка. Для последнего в 1895 г. был устроен особый водоприемник, расположенный ниже Фархадского — по течению реки в рукаве ее, приблизительно на 1,7 км выше с. Беговат. Этот канал и получил впоследствии название канала имени Николая I.

Канал Николая I, имевший значительную протяженность (более 90 км), был доведен до конца, и 1 сентября 1895 г. впервые подал воду вглубь Голодной степи.

Канал этот строился местными способами с 1891 по 1895 г. Он был проведен до котловины «Сардоба», на расстоянии 93 км от головы. Первые 40 км он проходил по долине Сыр-Дарьи, а затем круто поворачивал на запад, пересекая на 27 километре ташкентскую ветвь Самарканд-Андижанской железной дороги (еще тогда незаконченную).

Оросительная сеть канала по двум арыкам («Петропавловский» и «Царевна») должна была снабжать водой расположенные у побережья Сыр-Дарьи и основанные в 1886—1887 гг. поселки Надеждинский и Романовский, а по третьему арыку — давать воду вглубь степи к будущей станции железной дороги. Однако арык «Петропавловский» оказался неудачным, и только «Царевна» с 1897 г. стала давать воду Романовскому поселку.

Техническое устройство канала не отличалось совершенством и он практически не отвечал поставленной задаче.

Водоприемник канала имел временный характер и мог поддерживаться только при постоянном ремонте, стоимостью в 10—15 тыс. руб. в год. Ветвь канала, проходившая вдоль берега Сыр-Дарьи, подвергалась постоянной опасности подмыва в тех местах, где канал приближался к берегу, в других же местах весенний разлив реки разрушал правую дамбу этой ветви, для поддержания которой необходимы были постоянные работы по укреплению дамбы, а равно и берега реки. Часть канала, пролегавшая по открытой степи, находилась в более удовлетворительном состоянии. Но его оросительная сеть требовала прежде всего изменения принятой системы распределителей с тем, чтобы доставлять воду на орошаемые участки по возможности без искусственного подпора ее в главном канале, вызывавшего его быстрое заиление.

Ознакомление с работами по орошению, осуществленными за тридцать лет с момента присоединения (1865—1895), приводит нас к выводу, что за указанный период не было выработано никакой общей концепции орошения Туркестана, и что задача орошения новых земель, как одного из основных мероприятий экономической политики царской России в Туркестане, в это время еще не ста-

вилась. Практические попытки орошения со стороны государства обнаружили его полную организационную и техническую беспомощность. Частная инициатива проявлялась слабо и не встречала со стороны правительства сколько-нибудь существенной поддержки. Практические результаты орошения были относительно весьма малы и были достигнуты на основе применения местной эмпирической, а не инженерной техники орошения. Наконец, мероприятия по орошению новых земель имели целью обеспечение орошенной землей не местного, а русского переселенческого населения.

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ИНЖЕНЕРНОГО ОРОШЕНИЯ В ТУРКЕСТАНЕ

В 1894 г., наряду с предпринятыми изыскательскими работами, связанными со строительством Среднеазиатской жел. дороги, которая должна была пересечь Голодную степь, были начаты также изыскания по орошению участков земель, прилегавших к намеченным линиям железной дороги. Министерство земледелия и государственных имуществ специально для этой цели отпустило в 1895 г. кредиты в размере 100 тыс. рублей. Были составлены четыре проекта орошения отдельных районов Средней Азии, причем в южной части Голодной степи предполагалось оросить водой Сыр-Дарьи до 50 тыс. десятин.

Составленные проекты были в 1897 г. рассмотрены в особой междуведомственной комиссии (при министерстве земледелия), которая признала, что в первую очередь следует оросить в Голодной степи район между рекой и железной дорогой (около 45 тыс. дес.), в котором проходил канал им. Николая I.

В связи с этим в северо-восточной части Голодной степи были начаты изыскания по выработке проекта орошения всей этой земельной площади с выяснением также оросительной способности упомянутого канала.

В результате этих исследований и проектировок, продолжавшихся два года, было выяснено, что при тогдашнем своем состоянии канал им. Николая I мог орошать не более 7 тыс. дес., при условии дополнительных единовременных капитальных затрат в сумме 185 тыс. руб. и довольно значительных ежегодных эксплуатационных расходов

07-3с

Наряду с этими предположениями об упорядочении орошения на площади около 7 тыс. дес. был составлен и проект нового канала для орошения 45 тыс. дес., и оба эти проекта были представлены для заключения той же междуведомственной комиссии, возобновившей свои занятия в 1899 г.

Междуведомственная комиссия при министерстве земледелия высказалась за объединение обоих этих проектов. Было решено лишь временно поддерживать ремонтом канал им. Николая I, а для дальнейшего орошения Голодной степи приступить к устройству нового канала.

В 1900 г. это постановление междуведомственной комиссии было утверждено, и на сооружение нового канала был отпущен кредит в 2 млн. 500 тыс. рублей.

Осенью 1901 г. были начаты хозяйственным способом земельные работы на указанном участке канала и в два последующих года их пришлось продолжать по-прежнему в низовой части канала. Приступить к производству работ в головных частях канала не представлялось возможным, ввиду отсутствия достаточного количества водоотливных механизмов, а также необходимости отчуждения части земель, принадлежавшей жителям кишлака Беговат (что требовало продолжительного времени).

С самого начала строительства канала обнаружилось, что для надлежащего осуществления проекта и плана строительства силы строительного штата были совершенно недостаточны; до начала 1907 г. не было даже производителя работ. Условия жизни в Голодной степи были крайне неблагоприятны, что вызвало бегство оттуда служащих и рабочих. За 7 лет, с конца 1900 по 1908 г., работы дали в общем совершенно незначительные результаты. На площади около 6 млн. 600 тыс. кв. м. было произведено земляных работ на сумму в 930 тыс. руб., проложен магистральный канал протяженностью в 25,5 км.; иначе говоря, в среднем строилось по 3,6 км в год. Министерством путей сообщения почти за этот же период времени были выстроены в Средней Азии две железные дороги (Самарканд — Андижанская и Оренбург — Ташкентская), общей протяженностью в 2300 км и стоимостью в 162 млн. рублей.

Такое положение дела заставило в 1909 г. пересоставить проект—с выработкой детального проекта устройства магистрального канала.

По этому пересоставленному проекту пропускная способность канала была определена в 4,5 куб. саж/сек., предусмотрен добавочный кредит на его осуществление в 4 млн. 856 тыс. руб. В 1911 г. проект этот был утвержден в законодательном порядке. Согласно новому проекту все работы по каналу должны были закончиться в 4 года, т. е. не позже 1915 г. Однако и этот проект оказался неокончательным.

Новый период работ начался с существенного изменения утвержденного проекта, которое выразилось в том, что было решено сохранить самостоятельное значение за каналом Николая I и развить систему орошения этого канала в районе правой ветки строившегося нового канала, с расчисткой и усилением пропускной способности головного канала и расширением его системы. В таком виде, с некоторыми еще изменениями, проект переустройства канала Николая I в третий раз получил силу закона уже в 1914 г.

Для ускорения работ главные из них в 1912 г. были сданы в подряд инж. Чаеву на общую сумму в 3 млн. 614 тыс. руб. К осени 1913 г. все необходимые работы были закончены, и в октябре этого же года состоялось, наконец, открытие Голодностепского канала, названного тогда Романовским.

К концу 1914 г. канал, предназначавшийся для оживления площади в 57 тыс. дес., орошал обеими своими ветвями только 14,5 тыс. дес. земли, большая часть которой использовалась под земледельческие культуры. По отношению ко всей площади (90 тыс. дес.) это составляло почти 16%, а по отношению к пригодной для орошения (57 тыс. дес.) — 25%. В числе 57 тыс. дес., предназначавшихся для орошения, около 7 тыс. 400 дес., орошавшихся ранее из канала Николая I, были предоставлены бесплатно старожильческим поселкам.

Однако в водопользование старожильческих поселков было признано необходимым внести некоторые изменения. Этим поселкам было решено давать воду по модулю 1 куб. фут/сек. на 40 дес. (вместо прежнего расчета по модулю 1 куб. фут/сек. на 30 дес)., и притом — в точном соответствии с размерами находящейся в их пользовании по издании нового закона поливной площади. Вода для орошения земли в пределах надела сверх

указанной поливной площади могла быть предоставлена указанным поселкам по их ходатайствам из расчета 154 руб. на орошенную десятину, но под условием оплаты орошения этих дополнительных земель на тех основаниях, какие должны были быть установлены законом на отводимых поселенцам в Голодной степи казенных землях.

Местные селения Беговат и Сегиз-Сары, имевшие утвержденные наделы, должны были получать воду безвозмездно (без оплаты стоимости гидротехнических сооружений) по установленному модулю на утвержденную поливную площадь земли в пределах их надела, а кочевников 6 аулов было предложено перевести на оседлое положение с отводом им постоянных наделов. Отпуск воды предполагалось производить им бесплатно по тому же модулю и на то количество поливной земли, которым они ранее пользовались. Вода для орошения земли сверх отведенной в надел поливной площади могла быть предоставлена по тому же модулю, но с условием оплаты стоимости гидротехнических сооружений на общих основаниях для поселившихся в Голодной степи переселенцев.

На основании закона 21 июня 1914 г. надел, отводимый поселенцам в Голодной степи, был определен в размере от 8 до 10 дес. удобной земли на двор, а в соответствии с фиксированной стоимостью этой земли, исчисленной в 155 руб. с десятины, плата за нее должна была взиматься для погашения капитальной стоимости сооружений в виде ежегодного сбора.

В течение тех же 16 лет после льготного периода поселенцы должны были уплачивать временную оброчную подать в размере 30 коп. с дес. удобной земли, и, сверх того, с первого же года поселения, т. е. в течение 20 лет,— особый сбор на содержание и ремонт водных сооружений в размере не свыше 5 руб. в год с десятины орошенной земли.

В 1913 г. было отпущено на эксплуатационные расходы системы Романовского канала 55 тыс. руб. (при полугодовом сроке эксплуатации), в 1914 г. — 90 тыс. руб., в 1915 г. — 174 тыс. руб., а по смете на 1916 г. испрашивалось 300 тыс. руб. Всего же за три с половиной года эксплуатации должно было быть израсходовано 620 тыс. руб.

Из этих данных видно, что расходы по поддержанию в порядке ирригационной сети и ее ремонту возрастали значительно быстрее, чем росла орошаемая площадь.

К 1916 г. Романовский канал орошал всего около 28 тыс. дес., иначе говоря, казна получала упомянутого выше налога около 100 тыс. руб. Между тем, уже на 1916 г. предвиделся расход на эксплуатацию канала в 300 тыс. руб., соответствовавший 11 руб. расхода казны на десятину (при 5 руб. налога).

Дефицит от эксплуатации системы канала, при дальнейшем развитии орошения Голодной степи до 500 тыс. дес., угрожал казне крупным ежегодным убытком на сумму свыше 1 млн. руб. в год. Между тем рациональная постановка эксплуатации канала и вообще любой оросительной системы в Голодной степи требовала создания такого положения, при котором расходы полностью покрывались бы сборами с поселенцев и имелась бы еще чистая прибыль.

По заселении орошаемой площади государство должно было получить соответствующие поступления в связи с ростом грузооборота железных дорог, от косвенных налогов с населения, от обложения торговых и промышленных предприятий и т. п.; но это не могло служить оправданием бездоходности казенного оросительного хозяйства в Голодной степи. Возложение «бремени дефицита» от эксплуатации голодностепских оросительных сооружений на общегосударственный бюджет являлось явной несообразностью с точки зрения правильного финансирования оросительного дела в Средней Азии.

Эксплуатация существовавшего более 20 лет канала им. Николая I, включенного в систему Романовского канала, дала в итоге тоже значительный убыток, составивший в общей сложности несколько сот тысяч рублей.

Эксплуатация этого канала оставалась убыточной и в условиях новой, технически более совершенной системы Романовского канала.

Уже в 1915 г. наблюдались размывы дамб оросительных каналов, заболачивание земель, засоление больших площадей, частичная гибель урожая 1915 г. на землях переселенцев и т. п.

Заболачивание и засоление земель приняли столь широкие размеры, что потребовались капитальные работы для переустройства канала.

В те же годы в другом конце Средней Азии — в Закаспийской области — производились работы по орошению земель из р. Мургаба. Работы эти осуществлялись в совершенно особом порядке, на средства не государственного казначейства, а Кабинета[1]. Задачей их было создание новой орошаемой площади в нижней части бассейна Мургаба на пустынных землях, выделенных для образования так называемого Мургабского государева имения.

Верхняя половина Мургаба находится в пределах Афганистана, где в значительной степени используется для орошения. Количество воды этой реки, поступающее в пределы Туркестана, т. е. Российского государства, и без того недостаточное, находилось в зависимости от развития орошения в Афганистане. Тем не менее решено было создать в районе гор. Мерва (ныне Мары) новый массив орошаемого хозяйства с культурным земледелием, которое могло бы способствовать ознакомлению местного населения (лишь начинавшего переходить к оседлым формам жизни) с улучшенными способами ведения хозяйства на орошаемых землях.

С этой целью из Мургаба нужно было брать соответствующее количество воды на орошение отведенных для царского имения земель. Так как воды этой было недостаточно для создания в имении крупного орошаемого массива и, кроме того, требовалось застраховать хозяйство от последствий периодического маловодья, то еще в 1880—1890 гг. было приступлено к устройству на Мургабе водохранилищ. Кабинет еще раньше, чем министерство земледелия, на собственном опыте убедился, с какими трудностями сопряжено орошение, если осуществлять его без достаточного знакомства с техникой этого дела, при отсутствии сведущих специалистов и без производства необходимых изысканий. На мургабском строительстве были случаи прорыва плотин, происходило заиление водохранилищ, засоление больших орошенных площадей и пр., и только ассигнования значительных средств на создание в пустыне нового оазиса дали возможность осуществить эту задачу. В мургабском имении в 1910 г. было около 20 тыс. га оро-

[1] Так сокращенно именовалось управление, ведавшее имениями царя и царской фамилии.

шенных земель, хлопкоочистительный и маслобойный заводы и другие предприятия по переработке сельскохозяйственных продуктов, большое количество различных построек, крупные сады и т. п., но все это было создано благодаря большим ассигнованиям из средств Кабинета на гидротехническое и другое строительство в этом имении. О величине ассигнований можно судить, например, по тому, что в 1908 г. на сооружение на Мургабе новых плотин было отпущено 8 млн. руб. Все эти ассигнования не проходили по государственной росписи расходов, равно как и расходы по эксплуатации всего хозяйства имения.

Совершенно ясно, что орошаемое хозяйство дореволюционного Туркестана не могло развиваться на таких началах. Создание мургабского имения с орошением в пустынной зоне довольно значительной площади в 15—20 тыс. дес. было явлением исключительным, оно было осуществлено в совершенно особых условиях, отнюдь не являющихся характерными для политики царского правительства в области орошения земель Средней Азии.

Опыт инженерного ирригационного строительства в колониальном Туркестане отразил в себе, как в зеркале, отрицательные черты, присущие самодержавно-крепостническому строю России: бюрократизм, оторванность от передовых общественных сил страны, техническую отсталость, недостаток практически подготовленных инженерных и агрономических кадров, организационную и ведомственную неразбериху, ярко колонизаторский подход царского правительства к экономике Средней Азии. История голодностепского ирригационного строительства — классическая страница дореволюционного казенного «строительства», дискредитировавшая самую идею крупного орошения среднеазиатских земель на средства государства в условиях самодержавия. Характерно, что для «вытаскивания казны» из безнадежной трясины, в которой очутилось строительство, должен был явиться представитель промышленного капитализма— «подрядчик-инженер» Чаев, осуществивший в два года то, над чем бесплодно в течение десятилетия «трудились» чиновники. Вместе с тем, несмотря на все отрицательные, временами каррикатурные черты казенного ирригационного строительства, нельзя не видеть и его положительных сторон. Во-первых, это был первый опыт инженерного орошения в Средней Азии, технически несоизмеримого с отсталой древней эмпирической ирригацией Востока. В строительстве этом приобрели технические навыки и накопили ценный опыт молодые русские инженеры, многие из которых стали крупными гидротехниками впоследствии, уже в советскую эпоху. На голодностепских землях получили практические знания в области орошаемого хозяйства не менее значительные кадры молодых агрономов, впоследствии внесших свой ценный вклад в создание и развитие советского хлопководства Средней Азии и других районов СССР. Инженерное ирригационное строительство являлось одной из сторон развития в Средней Азии производительных сил сельского хозяйства. Наконец, ирригационные изыскания являлись мощным толчком к изучению природы Средней Азии, к более углубленному познанию ее в интересах развития ее своеобразной экономики.

ИЗЫСКАНИЯ ПО ОРОШЕНИЮ НОВЫХ ЗЕМЕЛЬ В 1910-х ГОДАХ И ПРИЧИНЫ, ИХ ВЫЗВАВШИЕ

Вопрос о ликвидации или, по крайней мере, уменьшении зависимости России от американского хлопка приобрел особую остроту к 1910 г., когда в русско-американских торговых отношениях намечались изменения, ввиду приближавшегося окончания срока торгового договора 1832 г. по поставке России хлопкового волокна.

В то время русская хлопчатобумажная промышленность нуждалась в получении из Америки необходимого ей хлопкового волокна, уплачивая за него США ежегодно около 70—80 млн. рублей.

Опасность хлопкового голода для стран, ввозивших волокно из Америки, стала особенно реальной с тех пор как США обратили особое внимание на развитие переработки хлопка. Как быстро росла текстильная промышленность в Соединенных Штатах, видно из следующих данных: в 1880 г. число веретен на ее фабриках составляло 10,6 млн., в 1890 г. — 14,2, в 1900 г. — 19,1, в 1910 —23,3 и в 1911 г. — 29,5 млн. Следовательно, за 10 лет, с 1880 по 1911 г., число веретен в США почти утроилось и по приросту веретен они заняли первое место в мире.[1]

[1] *В. И. Масальский.* Хлопковый вопрос. «Московские ведомости». 1912, № 114 — 116.

Один лишь прирост числа веретен в США за указанный период — 18,9 млн. — значительно превышал все количество их, существовавшее в то время в России (8,3 млн. в 1910 г. и 8,6 млн. — в 1911 г.). Естественным было опасение, что через 2—3 десятилетия, а, может быть, и раньше, весь произведенный в США хлопок будет перерабатываться на месте, и хлопка для вывоза уже не останется.

Создавшееся положение заставило все западно-европейские страны (Англию, Францию, Германию и др.) самым серьезным образом заняться вопросом о развитии хлопководства в своих колониях, и меры, предпринятые в этом отношении, дали некоторые результаты.

По этому пути, по мнению русских правительственных и общественных кругов, необходимо было пойти и России, которая в смысле возможности развития собственного хлопководства находилась в несравненно более благоприятных условиях, чем западно-европейские страны. Пустующие земли в районах возможного хлопководства исчислялись в Средней Азии миллионами десятин, а свободные запасы вод, необходимых для их орошения, — сотнями кубических сажен в секунду.

Так как хлопчатник в то время произрастал на окраинах России почти исключительно на орошенных землях, то вопрос сводился к скорейшему увеличению площадей орошения. Некоторые мероприятия для развития хлопководства в Средней Азии были осуществлены правительством, текстильными предпринимателями и другими частными лицами еще в начале 80-х годов прошлого века.

После учреждения в 1893 г. министерства земледелия было положено начало последовательным мерам содействия «отечественному хлопководству». Было создано несколько опытных и показательных полей, организовано снабжение хлопководов семенами лучших сортов хлопчатника, изданы популярные наставления и руководства, подготовлены специалисты и приняты некоторые другие меры.

Поездка в 1894 г. в Среднюю Азию министра земледелия Ермолова поставила на очередь вопрос о скорейшем орошении новых земель, неотложная необходимость которого была удостоверена также и министром финансов И. А. Вышнеградским, посетившим Среднюю Азию в 1890 г. Результатом произведенных в связи с этим беглых изысканий явилось несколько предварительных проектов.

Хлопководство в Средней Азии продолжало развиваться, охватывая новые районы и вытесняя другие культуры в пределах существовавших орошенных оазисов. Оно стало мощной отраслью сельскохозяйственного производства, давшей стране к началу второго десятилетия XX в. свыше 11 млн. пудов хлопка.

Вместе с тем именно в это время в период усиленного развития хлопководства выяснилось, что рассчитывать на дальнейшее значительное развитие производства хлопка в существующих хлопковых районах Средней Азии не было серьезных оснований. Посевы хлопчатника занимали уже до 20% всей орошавшейся площади, в местностях же с наиболее развитым хлопководством, например в Фергане, под хлопчатником находилось около 50%, а кое-где даже 80—90% всей посевной площади, что представлялось с агрономической и экономической точки зрения явной аномалией. К тому же постоянное засевание хлопчатника на одних и тех же площадях неминуемо, раньше или позже, должно было вызвать одностороннее истощение почвы и падение урожаев.

Из всего этого делали тот вывод, что России необходимо заняться вплотную вопросом об орошении новых земель и создании новых районов хлопководства. Стране недоставало 11 млн. пудов хлопковолокна, а если принять во внимание, что на орошение требуется время и что потребность в хлопке постепенно растет, эта цифра возрастала до 20—25 млн. пудов волокна.

Считалось, что в хлопковых районах Средней Азии источниками орошения могут служить главным образом Аму-Дарья и Сыр-Дарья, свободный запас воды в которых в вегетационный период составлял, при осторожном подсчете, около 300 куб. саж. в секунду. Из этого количества около 250 куб. саж. приходилось на Аму-Дарью и около 50 — на Сыр-Дарью. Предполагалось, что этим количеством воды можно было оросить около 4 млн. десятин земли. Пустующих земель в бассейнах названных рек имелось больше, но не было возможности сколько-нибудь точно установить, на какую площадь могла быть, по техническим и экономическим условиям,

выведена вода. Ответ на этот вопрос должны были дать изыскания.

Определяя средний урожай хлопка на вновь орошенных землях от 16 до 18 пуд. чистого волокна с десятины, считали, что вновь орошенные районы могли бы дать около 21 млн. пудов хлопка, а с течением времени, когда посевы хлопчатника, постепенно развиваясь, как ожидалось, должны были занять до $^1/_3$ всей посевной площади, — 29 млн. пуд. Вместе с добавочными 3—4 млн. пудов волокна, которые должны были быть получены при дальнейшем развитии хлопководства в пределах существующих орошенных районов и на неорошенных землях, при имеющемся уже производстве около 12 млн. пудов, можно было бы получить около 45 млн. пудов. Имея же в виду, что с улучшением культуры хлопчатника средний урожай волокна с десятины может повыситься до 20 пуд., полагали, что общее количество хлопка, на которое можно было рассчитывать, составило бы около 50 млн. пудов. Это количество хлопка, по тогдашним расчетам, на долгие годы должно было обеспечить потребность отечественной хлопчатобумажной промышленности и дать возможность первое время даже вывозить некоторое количество хлопка за границу.

Указанная выше необходимость всемерного развития хлопководства и потребность в подготовке земельных фондов для устройства переселенцев вынудили отдел земельных улучшений министерства земледелия предпринять в 1910 г. (впервые за все время его существования) крупные изыскательские работы, масштабы которых в последующие годы еще более расширились.

Всего на изыскательские работы с 1910 по 1916 г. было израсходовано в Туркестанском крае и Семиречье 8 млн. 087 тыс. 448 руб.

Были проведены обширные изыскательские работы, которые могут быть разделены на две основные категории: 1) изыскания общие и 2) специальные.

Общие изыскания имели целью выяснение величины, расположения и общего характера свободных земельных массивов и водных источников для их орошения, а также выяснение общих технических условий орошения. В изыскания эти входили: 1) измерение расхода и наблюдение над горизонтами воды в реках и вообще обследование всех имевшихся свободных водных ресурсов, 2) обследование бассейнов рек и их притоков, связанное с выяснением существовавших здесь условий землевладения и водопользования, 3) топографические и почвенные исследования, 4) выяснение вопросов физико-географического и геологического характера, 5) собирание сведений экономического и сельскохозяйственного характера.

Затем избранные на основании результатов указанных выше исследований районы предстояло исследовать детально, для чего должны были быть проведены специальные изыскания.

Специальные изыскания должны были иметь целью получение возможно более полных и подробных данных для составления конкретных проектов ирригационных устройств. Разработанные проекты должны были дать представление как о технических способах их осуществления, так и об общей стоимости всего предприятия.

Специальные изыскания включали следующее:

1) подробное выяснение условий устройства головных сооружений,

2) различные подробные изыскания, связанные с осуществлением проекта магистрального канала.

3) подробное обследование рельефа и почвенных условий местности в предназначенном к орошению районе.

На основании специальных изысканий должны были составляться сметы на устройство всего орошения с детальными проектами: а) магистрального канала с головным сооружением, б) сети распределительных и водоотводных каналов, в) плана освоения намеченной для орошения площади и организации эксплуатации всей системы с определением ожидаемого от осуществления всего предприятия экономического эффекта.

Изыскательские работы, организованные отделом земельных улучшений, имели целью составление ряда проектов орошения, главным образом в хлопковых районах Туркестана, т. е. в южных районах. Для производства изысканий в этих районах было организовано 12 отдельных изыскательских партий, проводивших свои работы экспедиционным порядком.

Изысканиями были охвачены бассейны всех важнейших рек Туркестана. Они производились по всем частям бассейнов рек Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. Изыскания были

поставлены также на реках Зеравшане, Теджене и Мургабе, в бассейнах рек Чу и Или.

В бассейне Сыр-Дарьи и в верховьях Зеравшана были организованы специальные партии по определению мест расположения водохранилищ и составлению проектов устройства их в верховьях Сыр-Дарьи, Нарына, Кара-Дарьи и Зеравшана. Однако фактический ход изыскательских работ обнаружил значительное отставание от первоначально намечавшихся сроков. Изыскания затягивались, работы отдельных партий, производивших исследования в определенных частях бассейнов больших рек (в особенности Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи), не были координированы, что вызывало пререкания между начальниками партий и отзывалось неблагоприятно на ходе работ. Отсутствие общего руководства работами изыскательских партий не только не обеспечивало качества работ, но и не давало уверенности в целесообразности расходования отпущенных средств.

В результате ни одна из изыскательских партий, за исключением Чуйской, работавшей в Семиречье (т. е. вне хлопкового пояса) и составившей проект использования для орошения вод р. Чу, не довела своих работ до стадии, позволявшей использовать добытые данные для составления проекта. Значительная часть изыскательских работ, вследствие несовершенной их организации и отсутствия авторитетного руководства при их выполнении, не дала результатов, которые оправдали бы израсходованные на эти изыскания средства.

В 1911 г. для нужд Сыр-Дарьинского переселенческого района были собраны подготовительные материалы для орошения части земель юго-восточного узла б. Чимкентского уезда, где было исчислено свыше 73 тыс. дес. излишних для местного населения земель. Однако, составленные проекты мелкого орошения на площади около 6000 дес. и запасного водохранилища на реке Дау-Баба (приток р. Машата) носили лишь предварительный, схематический характер; для составления детальных проектов требовались дополнительные изыскания.

В б. Аулиеатинском уезде, где было много самовольно возникших переселенческих поселков, никаких гидротехнических исследований произведено не было, несмотря на то, что в этом именно уезде признавалось необходимым широко поставить землеотводные работы.

Из районов, расположенных вне зоны, признававшейся хлопководческой, в первую очередь было обращено внимание на долину р. Чу, так как долина эта является одним из наиболее перспективных районов Семиреченской области.

Разнообразные исследования, произведенные в Чуйской долине, показали, что в ней, даже при существовавших условиях рынка и характера ведения хозяйства, орошение пустующих земель представлялось экономически выгодным. Принималось, что максимальная строительная стоимость работ должна определяться разностью между чистой доходностью поливных и богарных земель с десятины, составлявшей 8 р. 50 к. Предполагалось, что эта разность может быть вносима в оплату погашения процентов на затраченный капитал. Расчеты показывали, что при ежегодном взносе 8 р. 50 к., 35% годовых (амортизации) и 5% на затраченный капитал расходы на орошение десятины пашни составят 139 рублей.

Стремление к наилучшему использованию водных ресурсов р. Чу требовало включения в севооборот возможно большей площади культур с продолжительным периодом вегетации. В преобладавшем в долине зерновом типе хозяйства, при краткости вегетационного срока зерновых культур, уже с половины июля воды р. Чу использовались неполно, хотя дебет реки в июле и августе еще весьма значителен.

При таких условиях наилучшей культурой признавалась люцерна, которой отводилось видное место в будущих хозяйствах. Кроме зерновых (хлебов), в проектируемых севооборотах вводились: люцерна — 19%, масличные культуры — 9%, картофель — 6%, огороды, сады и бахчи — 10%.

Широкое внедрение посевов люцерны, без сомнения, способствовало бы развитию в долине скотоводства.

Чуйская долина со всех сторон окружена огромными горными массивами с крутыми склонами, горными долинами и плато, а также необозримыми безводными равнинами и барханными песками, вполне пригодными для значительного развития скотоводства. Большие пространства орошенных земель с посевами люцерны избавили бы скотоводов от заботы о зимних кормах.

В 1914 г. детальные проекты были закончены. Они предусматривали орошение (без водохранилищ) 63 тыс.

дес. земли. Был составлен также предварительный проект водохранилища, стоимостью 3,4 млн. руб., со сбросом излишних паводковых вод в оз. Иссык-Куль (через седловину Ак-Улен). Стоимость водосброса была определена в 0,6 млн. руб.

Организация хозяйства на вновь орошаемых землях составителями проекта намечалась в следующих основных чертах. Предполагалось всю орошенную площадь разделить на 4-хдесятинные участки—паи и продавать в одни руки один пай или несколько паев. Четыре десятины орошаемой земли принимались за минимальный участок малосемейного хозяйства, состоящего из 3 человек. Предполагалось, что один пай будут брать или очень малосемейные хозяйства или же садовники, огородники и отчасти ремесленники. Это давало простор возникновению весьма разнообразных по площади хозяйств, причем в качестве наиболее распространенного намечался для отдельного хозяйства участок в 8 дес.

К осуществлению Чуйского проекта, разработанного отделом земельных улучшений, не было даже приступлено в связи с начавшейся революцией.

Таким образом, единственные изыскания, которые были доведены до стадии проекта, постигла та же судьба, что и остальные, прерванные революцией на различных этапах, исследования.

Практическая незавершенность (иначе говоря, бесплодность) обширных и дорогих работ по гидротехническим изысканиям еще раз подтверждает органические пороки существовавшей до революции социальной системы России. Вместе с тем эти изыскания, не достигшие в условиях царской России поставленной ими цели, сыграли немалую роль в общем плане задач ирригационного строительства и освоения новых земель. Впервые была проделана работа по комплексному изучению обширных земельных фондов Средней Азии и ее водных источников. Топографические съемки и нивелировки, почвенные, физико-географические, геологические, экономические и в частности сельскохозяйственные исследования во всех водных бассейнах Средней Азии впервые поставили ряд новых для края научно-исследовательских задач и способствовали более глубокому ознакомлению со Средней Азией. Некоторые из этих работ нашли отражение в печати. Наряду с этим изыскания и проектные работы были своего рода

школой для будущих проектировщиков и строителей. Среди этих изыскателей были такие крупные инженеры, как нынешний академик И. Г. Александров, автор проекта ДнепроГЭС, крупнейший исследователь пустынь СССР и Монголии инж. Д. Д. Букинич, проектировщик Б. Каракумского канала и ряда других ирригационных строительств инж. Ф. П. Моргуненков, проектировщик Чуйского орошения инж. В. Д. Васильев и другие, а также многие крупные агрономы и экономисты. Можно определенно утверждать, что заложенная их трудами основа много помогла в позднейших работах по проектированию и строительству гидротехнических сооружений, сделала возможным позднее, в наше время, избежать многих существенных трудностей.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ВОПРОСЕ О ПРИВЛЕЧЕНИИ К ОРОШЕНИЮ ЗЕМЕЛЬ ЧАСТНОГО КАПИТАЛА

Как мы уже отмечали, в Средней Азии признавалось возможным вновь оросить до 4 млн. дес., что вместе с одним миллионом десятин, подлежавших орошению в Закавказье, составляло громадную площадь в 5 млн. дес., значительно больше фактически орошавшейся в то время площади в Средней Азии.

Для осуществления этого орошения потребовалось бы, как полагали в то время, при самых быстрых темпах, не менее 20—25 лет. Расход на орошение одной десятины исчислялся в среднем в размере около 200 рублей, а стоимость всех работ по орошению 5 млн. дес. должна была составить около 1 млрд. руб[1].

Естественно, возникал вопрос, как и на какие средства должно быть произведено орошение такой огромной площади? В этом отношении существовало два противоположных взгляда: царского правительства, с одной стороны, и капиталистических и финансовых кругов — с другой. Правительство исходило из того, что работы по орошению должны производиться «казной», т. е. государством, за его счет, а фабриканты и банкиры считали необходимым привлечь к этому делу частный капитал и частную инициативу.

---

[1] *В. И. Масальский*, Хлопковый вопрос. «Московские ведомости», 1912, № 114—116.

Представители царского правительства полагали первейшей задачей в Средней Азии и Закавказье заселение пустующих земель русским населением, а так как это может осуществить на вновь орошенных землях только правительство, то и орошение должно быть произведено государством. Орошение земель, указывали при этом, принесет весьма значительные барыши и отдаст земли эти в руки того, кто их оросил. Поэтому предоставление орошения и эксплуатации государственных земель частным предпринимателям по экономическим и политическим причинам представлялось невозможным. Более решительные сторонники этого мнения шли еще дальше, объявляя самую мысль о привлечении частного капитала к орошению земель чуть ли не государственным преступлением. Даже в то время, когда ни одна десятина земли еще не была сдана частным предпринимателям, уже говорили о «расхищении государственного достояния»...

Заинтересованность царского правительства в создании орошенных земель вытекала прежде всего из его колонизационной политики. Эту политику очень ярко выразил управляющий земледелием и землеустройством, который в своем письме туркестанскому генерал-губернатору (6 мая 1905 г.) писал: ...«не могу не остановить особого внимания на Туркестанском крае...где имеются обширные запасы неиспользованных населением земель, заселение которых выходцами из внутренних губерний представлялось бы одинаково необходимым с точки зрения как общих видов государственной политики, так и задач колонизации края и укрепления в нем русского господства. Туркестан есть одна из надежных местностей, куда могут быть направлены излишки населения из черноземной полосы, где малоземелье особенно чувствительно»[1].

На это поборники всемерного развития орошения возражали, утверждая, что предстоящие работы по орошению слишком огромны, чтобы одна казна смогла справиться с ними в кратчайший срок, как этого требуют создавшееся положение и сама жизнь. В спешной, напряженной работе по орошению необходимо пользоваться всеми наличными реальными силами и возможностями. Сторонники орошения земель исключительно за счет государства, очевидно, полага-

[1] Стенографический отчет Государственной думы 3-го созыва. Сессия IV, ч. 1, Спб, 1910, стр. 2596.

ли, что в случае орошения земель частными предпринимателями вся площадь, орошенная последними, будет сплошь заселена местным населением, и, таким образом, потеряна для русской колонизации. В действительности, как говорили представители ведомства земледелия, будет другое. В договоры с частными предпринимателями предполагалось включить оговорку, что часть орошенной площади должна быть заселена русским населением. Указывалось, кроме того, что возможна и такая форма привлечения частного капитала к орошению казенных земель, при которой частные предприятия будут заниматься лишь возведением и эксплуатацией оросительных устройств, заселение же орошаемых земель останется в руках государства.

Некоторые представители капиталистических кругов, отстаивая применение в орошении частной инициативы, высказывались и более решительно, считая, что государство не может и не должно заниматься орошением земель. «Казна» не оросила ни одной десятины земли и все ее оросительные предприятия потерпели полный крах. Рассчитывать на ассигнование сколько-нибудь значительных средств из государственного казначейства на оросительные работы также невозможно — говорили они.

В качестве необходимых условий участия частного капитала в орошении земель выдвигались следующие положения.

1) земля передается государством частным предпринимателям в долгосрочную аренду сроком до 99 лет, с правом отдачи в субаренду на весь срок договора и вообще с правом эксплуатации ее всеми законными способами;

2) арендная плата не должна превышать 0,1 % валового дохода (разница стоимости урожая и всех текущих эксплуатационных и административных расходов, кроме погашения); в период изысканий и строительства (на срок до 9 лет) арендная плата вообще не должна браться. Кроме того, арендатору должно быть дано исключительное право железнодорожного строительства, а также строительства фабрик и заводов, которые он мог бы при желании передавать другим лицам на весь срок договора;

3) заселение земель должно производиться самими предпринимателями, при этом главным образом коренным населением[1].

[1] Ленинградский архив народного хозяйства. Хивинский комитет, д. 2, л. 12.

Таким образом, в слегка замаскированном виде (долгосрочная аренда на 99 лет) частный капитал предъявлял требование почти бесконтрольного и полновластного распоряжения всей вновь орошенной землей при минимальном размере арендной платы.

Такую постановку вопроса ведомство земледелия признало столь же неприемлемой, как и первую. Свою точку зрения оно обосновало следующими соображениями:

«Непонятно, почему казна не должна заниматься орошением своих земель, между тем как все крупнейшие оросительные работы в Египте, Индии, а частью в Америке, произведены казной, и когда повсюду замечается тенденция к сосредоточению всех подобных работ в руках казны. Утверждение, что казна подобными работами заниматься не может, — голословно. Указание на постигшие нас неудачи — неубедительно. Дело орошения настолько сложно, что история его решительно во всех странах указывает на ряд неудач, неполадок, перерасходов и всякого рода неожиданностей, возможных в этом деле. Орошение нельзя сравнивать с проведением железных дорог, которое производится в России уже многие десятки лет, или с возведением зданий, где все разработано и рассчитано до мельчайших подробностей и делается по шаблонам. Нет надобности оправдывать и те упущения, которые были допущены при постройке Уч-Курганского канала, или при работах в Голодной степи, но они легко объясняются отсутствием опыта и особыми нашими условиями, при которых мы или бездействуем целые десятилетия, или же стремимся к исполнению сложнейшей работы сейчас же, немедленно, без достаточного соображения всех обстоятельств дела и, по возможности, подешевле. Мы просто заплатили за науку, и заплатили дешево сравнительно с тем, что платят в других странах, и в будущем, надо полагать, не станем надеяться построить за рубль то, что стоит пять и десять. Через 5—10 лет, а, может быть, и раньше, мы будем строить так же быстро и хорошо, как и в Америке, в Индии и вообще за границей, где, по мнению многих, все обстоит превосходно, в то время, как у нас все делается отвратительно. Серьезным упущением при работах в Голодной степи была недостаточность изысканий, но и в этом отношении мы не более виновны, чем страны, служащие у нас классическими примерами превосходной постановки оросительных работ.

Предположение, что казна никогда не будет располагать достаточными средствами для производства в широких размерах орошения, представляется необоснованным. Если будут успешно закончены производящиеся оросительные работы, на которые было отпущено в общей сложности более 9 млн. руб., то какие имеются основания предполагать, что на новые работы не будет отпущено 18 или 36 млн. руб.? При государственном бюджете тогдашнего времени ежегодные ассигнования в 30—40 млн. руб. на орошение представителям ведомства земледелия не представлялись неосуществимыми»[1].

Из всего изложенного делали лишь один вывод: орошение государственных земель должно быть произведено и на государственные и на частные средства. Только при самой активной и совместной работе государственных органов и «частной предприимчивости» возможны быстрые и значительные результаты, и только этим путем можно надеяться достигнуть в скорейшем времени намеченной цели.

Высказывалось, в виде общего положения, что земли, орошенные государством, должны быть заселены русскими людьми, а часть земель, орошенных частными предпринимателями, можно было бы разрешить заселить и туземцами, «так как требование заселения таких земель исключительно русским населением могло бы на первых порах поставить частных предпринимателей в слишком трудные условия»[2].

После длительного, продолжавшегося несколько лет, обсуждения вопроса о привлечении к орошению земель в Средней Азии и Закавказье частной инициативы была, наконец, начата разработка соответствующего законопроекта, который в 1913 г. был представлен в законодательные учреждения.

В основу законопроекта о пользовании водами в Туркестанском генерал-губернаторстве был положен принцип «верховного распоряжения государства водами».

В Записке к законопроекту подчеркивалось, что вносимый в государственную думу законопроект имеет служебное значение в качестве одного из мероприятий, обеспечивающих лучшие условия для нового орошения. «Как

[1] Ленинградский архив народного хозяйства. Хивинский комитет д. 12, стр. 13—14.

[2] Там же.

определение прав пользования водой, так и вообще упорядочение водопользования в названном крае, — говорится в Записке, — является лишь необходимым условием для беспрепятственного и планомерного осуществления другой задачи, настоятельно выдвигаемой современными экономическими и государственными условиями, а именно — более широкого использования, для целей орошения, имеющегося в названном крае запаса воды».

Следует отметить, что обсуждение этого вопроса в различных ведомствах продолжалось четверть века.

Еще в 1886 г. на министра государственных имуществ, по соглашению с туркестанским генерал-губернатором, была возложена разработка вопроса об отводе частным лицам и обществам государственных земель Туркестанского края для орошения их. Ввиду этого, тогдашним туркестанским генерал-губернатором в 1887 г. был выработан проект правил об отводе для указанной цели государственных земель в Туркестане. Проектом этим предположено было предоставить генерал-губернатору разрешить своей властью как устройство новых оросительных каналов, так и отвод предпринимателям участков государственных земель, если в каждом отдельном случае размер отводимого участка не будет превышать 5000 дес., а срок льготного, без платежа государственного поземельного налога, пользования землей — 10 лет. В тех же случаях, когда размер участка и срок льготного пользования землею будут превышать указанные нормы, на осуществление заявленных проектов орошения предполагалось испрашивать разрешения верховной власти.

Земельные участки, орошенные новыми каналами, предполагалось закрепить за предпринимателями в вечное потомственное владение. Помимо отвода земельных участков, предназначенных для орошения новыми каналами, проект правил допускал проведение, на основании местных обычаев, новых, второстепенных каналов и в районе уже существующих оросительных систем с отводом при этом государственных земель надлежащим обществам и лицам на тех же правах, на которых они владеют землей, уже утвержденной за ними при поземельно-податном устройстве.

Проект туркестанского генерал-губернатора был передан на заключение министерства финансов и государственных имуществ с указанием, что вместо отвода государственной земли в вечное владение предпринимателям, достаточно было бы отводить ее в пользование на льготных условиях на срок, необходимый для того, чтобы могли окупиться значительные затраты по орошению на этих землях.

Ввиду обнаружившихся разногласий названных ведомств по поводу проекта, в 1889 г. было созвано особое совещание, которое пришло к следующим основным выводам:

1. Право ходатайствовать об отводе свободных государственных земель для оживления их новыми оросительными каналами в пределах Туркестана предоставляется частным лицам, товариществам и акционерным компаниям, удовлетворяющим условиям, определенным в ст. 262 Положения об Управлении Туркестанским краем.

2. Оросительные каналы, устройство коих предпринимается вновь, должны быть сооружениями совершенно самостоятельными, т. е. отдельными и независимыми от существующих уже в крае арыков и других искусственных оросительных систем, состоящих в пользовании населения.

3. Устройство новых орошений, удовлетворяющих вышеизложенным условиям, разрешается лишь в том случае, если осуществление проектируемых каналов из данной реки признано будет практически возможным без ущерба для хозяйственных интересов населения, пользующегося для орошения водою этой же реки.

4. Частным предпринимателям, в случае утверждения их ходатайства, земля отводится на срок в арендное пользование. Оросительные сооружения с возведенными на арендной земле хозяйственными и другими постройками поступают безвозмездно в пользу казны по окончании срока аренды.

Переработанный особым совещанием проект правил был в 1890 г. препровожден министерством государственных имуществ на заключение заинтересованных ведомств, которые признали преждевременным издание правил в законодательном порядке.

Ввиду этого, министерство государственных имуществ вошло в сношение с министерством финансов об орошении новых земель в Туркестане за счет казны, в связи с необходимостью дальнейшей русской колонизации и невозможностью ограничиться при этом существующими запасами орошенных земель, используемых местными жителями.

Но и после этого вопрос о предоставлении государственных земель для орошения частным лицам не получил дальнейшего движения. В 1904 г., после поездки в Туркестан б. министра земледелия Ермолова вопрос об орошении края вновь был подвергнут обсуждению, причем министерство финансов высказалось за необходимость соответствующих затрат правительства в интересах дальнейшего распространения в крае ценных сельскохозяйственных культур, главным образом хлопчатника.

В то же время было начато осуществление первого правительственного мероприятия по орошению в Туркестане: работы по улучшению и удлинению канала Уч-Курган в Андижанском уезде Ферганской области, питавшегося из р. Нарына, в целях орошения 15 000 дес. переложных земель между реками Нарыном и Кара-Дарьей. В 1885 г. были отпущены необходимые средства и начаты земляные работы. Однако уже в 1897 г. работы эти пришлось приостановить в связи с выяснением спорных земельных правоотношений, и дело не было доведено до конца. Таким образом, первые шаги казны в деле орошения новых земель в Туркестане, вследствие неудачного выбора участка, к поставленной цели не привели.

После этого началась описанная выше и столь же неудачная работа по сооружению Голодностепского канала. Когда выяснилось, что для развития районов хлопководства правительством сделано слишком мало, был, наконец, поставлен вопрос о привлечении к орошению новых земель частного капитала.

Представленный в 1913 г. в законодательные учреждения законопроект по этому вопросу был основан на следующих положениях:

1. Участки земли отводятся как русским подданным, так и иностранцам, равно акционерным обществам, товариществам и прочим организациям.

2. Участки отводятся после проведения между предпринимателями состязаний (торга); без состязания участки могут быть отводимы лишь в случае особых трудностей или новизны условий и приемов орошения.

3. Работы производятся по правительственным проектам или частным проектам, утвержденным правительством.

4. Преимущественной формой владения участками для частных предпринимателей является долгосрочная аренда (не свыше 99 лет);передача участков полностью в собственность предпринимателей допускается лишь в случае особых трудностей или при новизне условий оросительных работ, либо особо выгодных для казны прочих условиях (плата, устройство оросительных сооружений, способствующих орошению близлежащих земель, и проч.).

5. Предприниматели обязуются в определенные сроки:

а) произвести специальные изыскания и представить технические проекты орошения, если соответствующие работы не выполнены правительством, и

б) закончить как отдельные части работ по орошению, так и все орошение представленных им участков.

6. В обеспечение выполнения работ предприниматели представляют залоги, которые постепенно, по мере производства работ, возвращаются предпринимателям.

7. Участки могут передаваться предпринимателями за плату или бесплатно; бесплатное предоставление участков допускается лишь в случаях особой трудности и новизны условий работ по орошению.

8. При сдаче участков в аренду некоторая часть орошенной площади может быть по истечении известного срока или немедленно по окончании орошения передана безвозмездно в собственность предпринимателям; другая часть орошенной земли поступает безвозмездно в собственность и пользование правительства.

9. Размер продаваемых или сдаваемых в аренду предпринимателями участков может быть ограничен высшей предельной нормой.

10. Несоблюдение предпринимателями принятых ими на себя по договору обязательств влечет за собой, по принадлежности, либо потерю залога, либо уплату штрафа с возмещением убытков, либо, наконец, также и расторжение самого договора и отобрание отведенной земли со всеми возведенными на ней сооружениями.

11. По окончании срока аренды все оросительные сооружения поступают безвозмездно в собственность правительства.

12. Правительству может быть предоставлена часть чистой прибыли предприятия сверх определенного процента.

13. Правительству может быть предоставлено право выкупа предприятия через определенный срок по капитализации частной доходности предприятия за определенное число лет.

Концессии

* * *

Интерес к орошению новых земель в Средней Азии со стороны капиталистических кругов особенно усилился в предвоенные годы. Русско-Азиатский банк купил у хивинского хана 23 тыс. 900 га и у бухарского эмира 10 тыс. 900 га земли[1].

Московский биржевой комитет снарядил в 1908 г. экспедицию для выяснения возможности проведения оросительных работ в Южных Кара-Кумах.

Текстильные короли братья Рябушинские и Морозов добивались получения 275 тыс. га земли по Сыр-Дарье в Ферганской долине сроком на 99 лет. Известный авантюрист князь Андроников, связанный с военным министром Сухомлиновым, благодаря давлению военного министерства на эмира Бухарского получил концессию на орошение свыше 55 000 га земель в Каршинском районе.

В 1912 г. министерство земледелия предполагало сдать в концессию 240 000 га земли в Ферганской области крупному московскому капиталисту Кузнецову и т. д.

Орошение в Средней Азии привлекало внимание и иностранного капитала.

В 1910—1911 гг. представители американского финансового мира предлагали русскому правительству образовать русско-американское акционерное общество для орошения государственных земель в Туркестане. Особая экспедиция, снаряженная американцами для изучения условий орошения, остановила свой выбор на южной части Голодной степи. Выбранный ею участок, площадью около 300 тыс. дес. предполагалось оросить в кратчайший срок (не более 4—5 лет) водами Сыр-Дарьи. При этом выражалось принципиальное согласие принять условия, выработанные в то время ведомством земледелия в виде «Проекта правил об отводе частным предпринимателям свободных казенных земель в Закавказье и Туркестане для орошения и эксплуатации». Особенностью этого предложения было то, что американцы: 1) не требовали себе земель в собственность, 2) не испрашивали правительственной гарантии предприятия и 3) выражали готовность заселить орошаемые земли русскими поселенцами.

[1] *В. Я. Непомнин.* К истории ирригации в Узбекистане, Ташкент, 1940, стр. 31 — 32.

По этому поводу следует заметить, что северная часть Голодной степи, в которой были сосредоточены работы ведомства, площадью в 250 тыс. дес. (каналом предполагалось оросить всего около 45 тыс. дес.), и южная часть ее, на которой остановила свой выбор американская экспедиция, по своему рельефу представляют два обособленных района. Поэтому одновременное производство работ в обеих половинах степи не встретило бы никаких препятствий. Наоборот, оно могло бы принести только пользу.

Но руководители ведомства земледелия были настроены очень оптимистически относительно своей способности организовать орошение Голодной степи. Они считали, что эта степь, расположенная на берегу многоводной Сыр-Дарьи, вблизи от Ташкента, в самом центре Средней Азии, представляет удобный район для развития государственного орошения. Столь же необоснованным был и расчет ведомства на крупные правительственные ассигнования, необходимые для осуществления этой задачи. В результате американским предпринимателям было заявлено, что Голодную степь казна будет орошать сама, им же предлагали земли в Закаспийской области, в низовьях Мургаба и Теджена, которые могли быть орошены водами Аму-Дарьи. Американские эксперты осмотрели Кара-Кумы, совершив переход от верхней части Аму-Дарьи до Мургаба, и признали невозможным начинать дело со столь трудной операции, как преодоление каналом песчаных барханов на протяжении нескольких сот километров.

Еще до американцев, в 1907—1908 гг., военный инженер М. Н. Ермолов сделал попытку использовать воды Аму-Дарьи для орошения земель Закаспийской области.

В отличие от других концессионеров, ходатайствовавших об отводе им государственных земель для орошения и ограничившихся лишь указанием территорий, намеченных для орошения, полковник Ермолов не только произвел на собственные средства изыскания и составил схематический проект выводов вод из Аму-Дарьи для орошения земель Мервского и Тедженского оазисов, но и опубликовал результаты своих изысканий в виде книги «Пропуск вод р. Аму-Дарьи в Мервский и Тедженский оазисы для орошения 516 000 дес. земли в восточной части Закаспийской области».

Сущность проекта инженера Ермолова заключалась в следующем.

Подсчет свободной воды Аму-Дарьи показал, что, не нанося ущерба местной ирригации прибрежной полосы реки и судоходству, можно при устройстве водохранилища в 70 млн. саж. оросить 310 тыс. дес. летних культур и до 550 тыс. дес. озимых. Общая площадь земель, пригодных под культуры в восточной части пустыни Кара-Кум, а также в Мервском и Тедженском оазисах, определялась в следующих размерах:

Наименование районов	Площадь земли, пригодной под культуру (в дес.)
В голове канала в Кизил-аяна	6 000
Восточная часть Каракумской пустыни	130 000
Мервский оазис	170 000
Мургабское государево имение	20 000
Нижне-Тедженский оазис	130 000
Полоса между Мервским и Тедженским оазисами	60 000
	516 000 дес.

При трехпольной системе хозяйства одна треть этой площади (т. е. 172 тыс. дес.), как предполагалось, будет засеваться под летние культуры, одна треть — под озимые и одна треть будет находиться под паром.

Гидрометрические данные о свободных водах Аму-Дарьи указывали, что водами этой реки могут быть орошены не только пустующие земли восточной части пустыни Кара-кум, а также Мервского и Тедженского оазисов, но и плодородная Каршинская степь, лежащая на правом побережье Аму-Дарьи, в Бухарском ханстве, площадью около 300 тыс. дес. Наконец, оставался еще запас воды для орошения около 450 тыс. дес. в дельте реки.

Русские капиталистические круги не проявили никакого интереса к проекту полковника Ермолова, попытка его привлечь к этому делу иностранный капитал также не имела успеха. То, о чем мечтал тогда полковник Ермолов, в настоящее время получает осуществление в виде строительства Кара-кумского канала для орошения водами Аму-Дарьи земель Туркмении.

В итоге неоднократные правительственные заявления о необходимости привлечения частной инициативы и частного капитала к орошению государственных земель, как и многочисленные законодательные предположения по вопросу об орошении, не имели никаких последствий.

Частные предприятия по орошению свободных государственных земель в Средней Азии не были созданы. Лишь в пределах Бухарского ханства в 1912 г. в порядке концессии были переданы частным капиталистическим обществам для нового орошения земли общей площадью около 292 тыс. дес.[1].

Что же удалось сделать царскому правительству и капиталистам в области орошения в Средней Азии?

Вот что заявил по этому поводу в 1908 г. министр финансов В. Н. Коковцев в финансовой комиссии Государственной думы:

«...Что сделано для орошения новых земель и создания новых районов хлопководства? К сожалению, очень мало или почти ничего, вследствие хронического затруднительного положения государственного казначейства. Министерству земледелия пришлось по необходимости все время ограничиваться изысканиями и составлением проектов, причем в этом отношении сделано не мало, имеется ряд готовых проектов по орошению 300 тыс. десятин в Туркестане и Закавказье»[2].

Мероприятия царского правительства в области ирригации преследовали чисто колонизаторские цели, не только не связанные с интересами народа, но и противостоявшие им. Характерна в этом смысле забота колонизаторов об обеспечении плодородной землей кулаков-переселенцев, которые, по их мысли, должны были стать опорой царизма в Туркестане. Правительство способствовало расширению посевов хлопчатника в крае, действуя прежде всего в интересах русских текстильных фабрикантов и под их нажимом и влиянием. Хлопководство в Туркестанском крае оставалось неупорядоченным и недостаточно развитым.

---

[1] См. А. М. Рябинский. Царская Россия и Бухара в эпоху империализма, журнал «Историк-марксист». 1941. № 4,

[2] «Новое время», 1908, № 11534.

Вся орошаемая площадь Туркестана в 1910 г. составляла 2,5 млн. дес.[1], в среднем на одно хозяйство приходилось 1,5—2 дес., тогда как устойчивое хозяйство в хлопковых районах требовало надела около 5 дес.

Постепенное сокращение поливной земли, находившейся в пользовании у дехканских хозяйств, являлось результатом концентрации земли в руках феодально-байской верхушки кишлака и аула и усиливало кризис дехканского хозяйства.

Сравнительно небольшие размеры орошенной за весь период господства царизма площади, техническая отсталость ирригационных сооружений, использование ирригационных сооружений и самой воды в качестве средства эксплуатации дехканских масс служат ярким показателем того, как далек был царизм от интересов народных масс.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция позволила развернуть в Средней Азии грандиозное ирригационное строительство, которое стало одним из важнейших факторов подъема экономики и благосостояния народа.

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ВОДНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, КАК ОДНО ИЗ ПРЕПЯТСТВИЙ К РАЗВИТИЮ ОРОШЕНИЯ

Орошение земель в Средней Азии не могло развиваться успешно не только вследствие отсутствия у царского правительства общего законченного генерального плана ирригационного строительства, недостатка опыта и соответствующих специалистов, которым можно было бы поручить строительство крупных систем, недостаточности ассигнований из средств государственного казначейства, невыясненности источников финансирования оросительных предприятий, постоянных неудач в деле организации заселения орошаемых площадей и эксплуатации оросительных систем, — но также и потому, что водноправовые и земельно-правовые отношения в крае находились в хаотическом состоянии. Использование для орошения таких многоводных рек, как Сыр-Дарья и Аму-Дарья, имеющих громадные запасы свободной воды, не встретило бы затруднений. Но остальные реки Средней Азии представляли собой водные источники, изъятие вод из которых так или иначе затрагивало интересы местного населения и потому требовало определенных норм правового характера для разрешения возникавших при этом вопросов. Между тем нормы эти совершенно отсутствовали.

На основании Положения об управлении Туркестанским краем в районах, занятых оседлыми жителями, вода в главных арыках, ручьях, реках и озерах предоставлялась населению в пользование по обычаю. В статьях этого Положения, определявших поземельное устройство кочевого населения, не имелось никаких указаний о правах населения по водопользованию.

На основании этого же Положения заведование главными оросительными каналами возлагалось на арык-аксакалов, заведование побочными арыками — на мирабов. Арык-аксакалы назначались военным губернатором, а мирабы избирались сельскими сходами и в своей работе они руководствовались инструкцией, утверждавшейся генерал-губернатором. Той же инструкцией определялась деятельность чинов по заведованию ирригацией, состоявших при ферганском и самаркандском областных управлениях. В Сыр-Дарьинской области обязанности эти исполнялись младшим техником при областном управлении. Затем, в уставе о земских повинностях, был определен порядок исполнения населением повинностей, не имевших неотложного характера, и наблюдения за равномерным отбыванием их сельским населением. Производство гидротехнических работ, не значившихся как государственные сооружения, и притом таких, которые по значительности их размеров не могли быть выполнены средствами отдельных обществ, относилось на счет областных земских денежных повинностей.

Все перечисленные постановления закона имели применение лишь в коренных областях края (Сыр-Дарь-

[1] Рост орошаемых площадей в Туркестане в 1910 г. по сравнению с 1870—80 гг., с 1 млн. 738 тыс. дес. до 2 млн. 500 тыс. дес. объясняется не столько орошением новых земель царским правительством, сколько внутрихозяйственным освоением самим населением земель в пределах орошаемого фонда, временно выпавших из орошения (т. наз. «обарычных», засоленных земель и перелогов), с одной стороны, и частичным орошением новых земель, с другой, путем строительства ирригационной сети самим населением.

Что касается роста орошаемой площади за счет орошения новых земель, проведенного царским правительством, то он составил всего лишь 40—45 тыс. га .

инской, Самаркандской и Ферганской), не распространяясь ни на Семиреченскую, ни на Закаспийскую области.

В первой из этих областей, по Степному положению, земли, занятые кочевьями, и все принадлежности этих земель, в том числе и леса, признавались государственной собственностью, причем земли, занимаемые кочевьями, оставались в бессрочном общинном пользовании кочевников. Других статей, которые с большею точностью определяли бы права государства и населения на воду, в Степном положении не имелось.

Временное положение об управлении Закаспийской областью совершенно не упоминало о праве населения пользоваться землей или водой, если не считать примечания к одной статье Положения, в котором было сказано: «Порядок кочевания сохраняется согласно местным обычаям».

Перечисленными выше постановлениями Положения об управлении Туркестанским краем исчерпывалась регламентация обширного, крайне сложного и важного для края оросительного дела. При таких условиях единственным правительственным актом, имевшим назначение восполнить пробел в законе и обычае, являлась утвержденная главным начальником края в 1888 г. «Инструкция о правах и обязанностях ирригационных чинов, уездных начальников, арык-аксакалов и мирабов по заведованию ирригацией в Туркестанском крае».

Инструкция возлагала на администрацию обязанность осуществлять надзор за охраной обычного порядка водопользования. В этих условиях первостепенное значение приобретал вопрос об основных положениях того обычного права, ограждение которого от произвольных нарушений составляло одну из главных задач администрации. Обычное право водопользования не могло быть обосновано постановлениями мусульманского закона. Свод этих постановлений («Хидая») представлял собой (в отделе, касающемся воды) собрание предписаний нравственного характера о пользовании колодезной и родниковой водой, главным образом для питья и домашних потребностей, и не давал достаточно определенных указаний для регулирования отношений, возникавших при эксплуатации воды в сельскохозяйственных целях.

Оросительные сооружения, состоявшие в пользовании местного населения, представляли собою, за немногим исключением, древние ирригационные сооружения. По сохранившимся преданиям, в прежнее время, при ханском владычестве, ежегодно с началом полевых работ вода распределялась сообразно площади посевов, а затем смотрители плотин пропускали ее в магистральные арыки, откуда вода распределялась уже по полям. Сначала орошались посевы селений, расположенных у головы арыка, затем воду спускали на земли, расположенные ниже, в другие селения, и так далее до тех пор, пока водою не обеспечивалась вся площадь.

При этом наблюдали за тем, чтоб владельцы участков пользовались водою по очереди, в зависимости от близости их к главному арыку и, кроме того, лишь в той норме, какая требовалась для тех или иных посевов.

При резко изменившихся после завоевания Средней Азии экономических условиях, с заменою натурального хозяйства денежным, увеличением населения и площади запашек, а также с широким развитием хлопковых посевов, требовавших большего, чем зерновые, количества воды, прежний порядок водопользования совершенно расстроился. Распределение воды по обычаю повсеместно теперь вызывало споры и беспорядки. Нередко случалось, что целые волости из-за неопределенности прав на воду находились под угрозой неурожая и даже голода. Что касается водопользования отдельных хозяев, а также групп населения, то оно вызывало постоянные споры и даже драки. Сильные члены общества получили возможность безнаказанно обездоливать слабых. Предоставление сельским обществам права распределять воду «по обычаю» порождало непрестанные жалобы со стороны более слабых групп населения, которые ничем не были ограждены от произвола захватившей воду влиятельной верхушки. Рассмотрение жалоб населения на неправильное водопользование обыкновенно показывало, что захватывали воду (чаще всего для посевов риса) богатые и влиятельные люди (в том числе волостные управители и аульные старшины).

Местная администрация при возникновении споров из-за воды не могла ни на что опереться, пока не оставляла в стороне «обычай» и не принимала в расчет более определенные данные, например размер площади посевов или количество платежных податей. В водных системах шли распри — явное несоответствие установив-

шихся обычаев водопользования изменившимся условиям привело к тому, что обычное право не могло служить и перестало быть регулятором отношений по распределению воды.

Крупные оросительные системы уже давно были изъяты из сферы действия обычного права и главное заведование распределением воды само собой перешло к краевым властям. Самая большая в крае оросительная система — Зеравшанская — представляла в этом отношении наиболее убедительный пример.

Распределение зеравшанских вод между русскими владениями и Бухарой производилось особой комиссией, назначавшейся генерал-губернатором и представлявшей ему на утверждение свои протоколы. Последняя из таких комиссий в 1902 г. рассмотрела данные о количестве земель, орошаемых зеравшанской водой в Самаркандской области и в бухарских владениях, а также ведомости ежедневных измерений количества воды в Зеравшане, и выяснила, что в пределах России Зеравшан орошает приблизительно вдвое больше земель, чем в Бухаре, поэтому и распределение воды этой реки, согласно постановлению Комиссии, подлежало регулированию в отношении 2 : 1.

В данном случае администрация была вынуждена основывать свое решение не на обычаях, а исходя из действительной потребности населения в воде. На тех же основаниях администрация действовала и в тех случаях, когда необходимо было распределить воду между отдельными жителями или их группами.

В действовавшем законодательстве об устройстве новых оросительных сооружений в районах оседлого населения не было никаких указаний. Тем самым чрезвычайно затруднялось строительство новых сооружений. Статья Положения об управлении Туркестанским краем, установившая пользование оросительной водой по обычаю, относилась только к местностям с оседлым населением в областях Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской. Эти местности в общей сложности составляли несколько более 7% общей площади этих областей. Что же касается кочевых районов, то действовавший закон о поземельном устройстве совершенно не упоминал о водных отношениях, несмотря на то, что площадь искусственно орошаемых земель на территории,

находившейся в пользовании кочевников, достигла нескольких сот тысяч десятин.

Пользование водой в районах кочевого населения было совершенно неупорядочено и потому находилось в еще более хаотическом состоянии. Нередко и со стороны кочевников приходилось слышать жалобы на недостаток воды, приводившей даже к гибели посевов. Что такие жалобы иногда имели основание — это не подлежало сомнению, но, с другой стороны, необходимо иметь в виду, что в кочевом хозяйстве пользование водой обыкновенно производилось крайне нерасчетливо, нередко пашни поливались и без всякой надобности. Если земли были расположены в голове арыка, то владевшие ими общины расходовали воду в громадных количествах, так как они пользовались ею в первую очередь и ни от кого не зависели. Очень часто в таких общинах поливались даже пашни, на которых прекрасно родился хлеб и без полива. Довольно обычное явление составляли такие случаи, когда пашни поливались исключительно с целью их удобрения.

При образовании русских поселков в Туркестанском крае не составлялось никаких актов о праве на воду переселенцев. Обыкновенно местное население по приговорам общества уступало участки земли, причем предполагалось, что уступаемые земли будут орошаться, по обычаю, тем количеством воды, которым пользовались прежние их владельцы. При обычном порядке водопользования русские селения могли считаться обеспеченными орошением до тех пор, пока имелось относительное обилие воды. Но когда этого обилия не оказывалось, тотчас же из-за воды начинались споры и распри.

В описанных условиях, при которых на территории края законом не был установлен порядок устройства новых оросительных сооружений и практически пользование водой зависело от указанных выше различных причин, — развитию орошения в Туркестане и с этой стороны встретились серьезные преграды.

Лишь в 1912 г. ведомство землеустройства внесло в законодательные учреждения законопроект «О пользовании водами в Туркестанском генерал-губернаторстве и Закаспийской области». В этом законопроекте указывалось, что воды Туркестанского генерал-губернаторства и Закаспийской области, независимо от того на чьей

земле они находятся, состоят «в верховном распоряжении государства», и устанавливался порядок определения прав пользования населением оросительной водой и содержания оросительных сооружений.

Но законопроект этот так и не был рассмотрен царскими законодательными органами.

Условия землепользования в крае, как уже было указано выше, также не благоприятствовали развитию орошения.

На обширной территории Туркестанского генерал-губернаторства действовало три различных положения, изданных разновременно: «Положение об управлении Туркестанским краем», «Степное положение» и «Временное положение об управлении Закаспийской областью». При этом весьма важный вопрос об определении земельно-правовых отношений местного населения не получил единообразного решения для всех областей. Наиболее полно эти отношения были определены в «Положении об управлении Туркестанским краем».

По этому Положению, за оседлым сельским населением Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей утверждались земли, состоявшие в постоянном потомственном его владении, использовании и распоряжении на установленных местным обычаем основаниях; земли же свободные и все дикорастущие леса признавались государственной собственностью. Что касается кочевого населения, то за ним сохранялось бессрочное общинное пользование, согласно обычаю, всеми землями, на которых оно кочевало, с предоставлением каждому кочевнику права на получение от своей общины участка земли для возведения на нем построек и вообще для ведения сельского хозяйства. Пользование таким участком признавалось наследственным и нарушение его допускалось лишь при условии уничтожения возведенных построек, после чего покинутый участок возвращался обществу, от которого он был получен.

Однако стремясь сохранить за кочевым населением те земли, которыми оно пользовалось на правах фактической собственности и вместе с тем поощрить переход к оседлому хозяйству, Положение оставило за каждым аулом с упрочившимся земледельческим бытом право при поземельном устройстве закрепить за собой все обрабатываемые земли.

Поземельно-податное устройство края затянулось на чрезвычайно долгий срок.

В 1880 г. для введения в действие постановлений об общественном податном и поземельном устройстве в Ферганской области были учреждены организационные комиссары, организационные комиссии и областное организационное присутствие. Эти учреждения были переведены впоследствии, по окончании работ, в Ташкентский уезд.

В 1887 г. было решено произвести переоценку всех земель в крае для более правильного исчисления поземельного налога. С этой целью и были учреждены поземельно-податные комиссии.

Эти поземельно-устроительные учреждения в своей практике игнорировали данные организационных комиссий, и даже временное пользование пастбищами на казенных землях или разрешавшийся в известные периоды сбор камня, песка и степного топлива уже признавали доказательством владения. После законодательного разъяснения о том, что и необрабатываемые земли, состоящие в постоянном и потомственном пользовании населения, подлежат замежеванию за ним, стали и ко всем остальным государственным землям применять ту же систему, которая была усвоена относительно культурных земель. С 1888 г. поземельно-податное устройство стало производиться вторично в Ферганской и Самаркандской областях, а с 1909 г. Самаркандская комиссия, закончившая свою работу, была переведена в Ташкентский уезд для завершения тех работ, которые производились в этом уезде в 1887—1891 гг. К 1910 г. явилась возможность подвести итоги произведенных землемерами съемок земель, которые подлежали, по заключениям поземельно-податных комиссаров, закреплению за местным населением Самаркандской и Ферганской областей.

Значительная часть земель, учтенных и занесенных на планы, к указанному году еще не была утверждена за населением. Но если бы все запроектированные поземельно-податными комиссиями расчеты получили утверждение надлежащих инстанций, то общая площадь земель, предназначенных к отводу местному оседлому населению в Ферганской и Самаркандской областях и отведенных ранее в Ташкентском уезде, составила бы 5 млн. 202 тыс. дес., в том числе 1 млн. 848 тыс. дес. орошаемой,

1 млн. 159 тыс. дес. богарной и 2 млн. 195 тыс. дес. неудобной и необрабатываемой земли. В состав земель последней категории входили земли пастбищные, а также такие, которые при орошении могли перейти в разряд возделываемых земель.

Земли, замежеванные за оседлым населением, представляли собой подавляющую массу всех земель, на которые могла быть выведена оросительная вода. За пределами замежеваний оставались пески, каменистые пространства, овраги и т. п. неудобные земли, которые явно не могли быть зачислены в фонд государственных земель, пригодных для орошения. Процедура утверждения за населением земель продолжалась и в последующие (после 1910) годы. Таким образом, развитие орошения в крае по-прежнему упиралось не только в хаотическое состояние водопользования, но и в отсутствие в районах оседлого населения наиболее ценных в природном и экономическом отношениях значительных массивов свободных земель, которые можно было бы использовать для создания новой оросительной системы. К тому же земли, оставшиеся в полном владении государства, представляли собой не сплошные массивы, а сравнительно небольшие площади, расположенные чересполосно с землями, замежеванными за населением.

Еще хуже, с точки зрения перспектив орошения, обстояло дело в районах кочевого населения.

Кочевники во многих местностях в Туркестане занимались земледелием, пользуясь главным образом небольшими горными речками. Поэтому орошенные земли, и притом в больших количествах, имелись как в Сыр-Дарьинской области (кроме Ташкентского уезда), так и в Семиреченской и Закаспийской областях. В неустроенных в земельном отношении уездах Сыр-Дарьинской области числилось свыше 300 тыс. дес. орошенных земель, в Семиречье — 800 тыс. дес. и в Закаспийской области — около 100 тыс. дес.

В Туркестанском крае оседлые и кочевые жители имели неодинаковые права на землю. В то время как оседлое население имело право на закрепление за ним всех земель, состоявших в его потомственном владении, пользовании и распоряжении, кочевники такого права не имели. Все занятые ими земли признавались государственными, предоставленными лишь в их общественное

пользование. Даже в случае перехода к оседлому быту кочевники не приобретали тех прав, которыми пользовались оседлые жители, так как за ними в этом случае утверждались лишь обрабатываемые земли.

Вместе с тем в Положении об управлении Туркестанским краем (до 1910 г.) не было указаний на то, что излишние для кочевников земли поступают в распоряжение государства, и это служило препятствием для создания в крае новых орошаемых районов.

Земельные ресурсы, которые находились в непосредственном распоряжении правительства, были крайне ограничены. Такими землями являлись исключительно оброчные, но площадь их была ничтожна. В Самаркандской и Ферганской областях их в общей сложности было всего несколько тысяч десятин. Все остальные земли края, за исключением земель, уже закрепленных за оседлым населением по ст. 255 Туркестанского положения, не были разграничены между населением и казной. В трех областях Туркестанского края было около 68 млн. десятин земли; к отводу оседлому населению этих областей, как это выше указано, было предназначено 5,2 млн. дес., следовательно, остальные 63 млн. дес. числились в пользовании кочевого населения и могли быть привлечены для развития производительных сил лишь после некоторого разверстания земель между кочевниками и государством. Но операция по такому разверстанию так и не была начата, хотя в законе и был указан путь для перевода кочевников на оседлость. Это дело было возложено на особые поземельно-податные присутствия. Однако эти учреждения не имели никаких технических средств для производства сложных поземельно-устроительных работ, и потому на оседлость не было переведено ни одно сельское общество.

В Семиречье почти вся территория области, за исключением сравнительно незначительной площади (несколько более 1 млн. десятин), отведенной оседлым группам населения, состояла в бессрочном общинном пользовании местного кочевого населения. По закону, земли, занимаемые кочевьями, и все принадлежности этих земель признавались государственной собственностью. В этой области, как указано выше, действовало Степное положение, дававшее государству право производить для государственных надобностей изъятия земель из пользо-

вания местного кочевого населения. Но в этом районе изъятия эти были затруднены относительно сильным развитием местного орошаемого хозяйства. Изъятие даже сравнительно незначительных площадей для переселенческих участков происходило здесь с явным ущербом для местного населения, которое почти повсеместно пользовалось орошаемыми землями. Что же касается выделения крупных земельных массивов для создания новых оросительных систем, то такая возможность представлялась, по действующему законодательству, совершенно неясной.

Наконец, в Закаспийской области создание новых крупных орошаемых районов могло быть произведено лишь за счет использования вод Аму-Дарьи, но это требовало таких грандиозных и дорогих сооружений, что после печального опыта с орошением небольшого участка Голодной степи на самом побережье Сыр-Дарьи можно было говорить о таком предприятии лишь как о деле отдаленного будущего.

Данный нами краткий обзор земельно-правовых и водноправовых отношений в дореволюционном Туркестане показывает лишний раз, что у царского правительства отсутствовал какой-либо единый общий план развития орошения в Туркестане. Ведомственная разобщенность, бюрократический и колонизаторский подход к постановке и решению крупнейших народно-хозяйственных задач обрекал дело орошения новых земель в Туркестане, столь сложное само по себе, на неизбежный провал. Осуществление этих задач оказалось возможным только в условиях социализма, изменившего весь строй водно-правовых и земельно-правовых отношений в Средней Азии.

* * *

Искусственное орошение в условиях Средней Азии является необходимым и важнейшим условием земледелия. Древнейшая страна орошаемого земледелия, Средняя Азия занимала одно из выдающихся мест в ряду применявших его стран.

Царское правительство, которое ставило перед собой задачу превращения Туркестана в сырьевую базу центральной России, не могло не считаться с этой особенностью местной экономики и необходимостью дальнейшего расширения орошаемых земель.

Перспектива возможного роста культурных площадей в Туркестане была огромна. Площадь земель пригодных для орошения, исчислялась почти в 3—4 млн. десятин. Предполагалось путем нового орошения получить дополнительно 18—20 млн. пудов хлопка. В целях орошения были составлены и утверждены проекты по орошению около 36 тыс. гектаров земли в районе Голодной степи.

Орошение новых земель в Туркестане в первое тридцатилетие после присоединения (1865—1895 гг.) характеризуется тем, что в этот период строительство ирригационных сооружений проводилось на основе местной эмпирической техники. За указанный период не было выработано никакой общей концепции орошения и задача орошения новых земель, как одного из важнейших и основных мероприятий экономической политики царской России, в это время еще не ставилась. Практические попытки орошения со стороны правительства обнаружили его полную организационную и техническую беспомощность. Частная инициатива проявлялась весьма слабо и не встречала со стороны правительства сколько-нибудь существенной поддержки. Практически незначительные результаты ирригационного строительства (несколько тысяч десятин земли и канал им. Николая I в Голодной степи) были получены на основе применения местной эмпирической, а не инженерной ирригационной техники.

Конец XIX и первое десятилетие XX в. (1895—1910 гг.) отмечены усиленными попытками царского правительства и частного капитала развернуть орошение новых земель. В связи с этим был выдвинут ряд технических проектов по орошению Голодной степи (система Романовского канала) и в районе Теджена и Мургаба — для образования так называемого Мургабского государева имения (15—20 тыс. га). Проводились большие исследования и изыскания по выявлению земельных фондов для нового орошения (Голодная степь, Ширабадский оазис, Чуйская долина, Мургабский бассейн, низовья Аму-Дарьи и т. д.).

Этот период нового орошения Туркестана характеризуется сосредоточением ирригационного строительства в ведомстве земледелия и государственных имуществ, участием казны в финансировании нового оро-

шения и привлечением к строительству частной инициативы. Значительным прогрессом в области строительства явилось применение инженерных методов вместо отсталой эмпирической техники. Однако опыт инженерного ирригационного строительства не был успешным, в нем как в зеркале отразились отрицательные черты, присущие самодержавию. Бюрократическая волокита, полная оторванность от передовых общественных сил, техническая отсталость, отсутствие подготовленных инженерных кадров гидротехников, колонизаторский подход к экономике Средней Азии — вот характерные черты дореволюционного «казенного» ирригационного строительства.

И все же строительство это имело бесспорное положительное значение. Во-первых, это был первый опыт инженерного орошения в Средней Азии, что было шагом вперед по сравнению с эмпирической ирригацией Востока. Здесь получили необходимые технические навыки кадры молодых инженеров, многие из которых впоследствии, в советскую эпоху, стали крупными гидротехниками; во-вторых, инженерное ирригационное строительство объективно являлось одной из частных сторон развития производительных сил в сельском хозяйстве Средней Азии; в-третьих, нельзя не отметить и того обстоятельства, что изыскания и ирригационные работы (как бы незначительны последние ни были) дали ценные материалы и послужили важным толчком к изучению природы Средней Азии в интересах развития ее экономики.

Подведем итоги.

Во втором десятилетии XX в. (до 1917 г.) в Туркестане производилось крупное ирригационное строительство. Относительно большой размах строительства был обусловлен тем, что в 1910 г., ввиду предстоявшего прекращения русско-американского торгового договора, с особой остротой встал вопрос о ликвидации зависимости русской хлопчато-бумажной промышленности от импорта американского хлопка, за который Россия уплачивала до этого ежегодно около 70—80 млн. рублей золотом. Опасность хлопкового голода стала особенно реальной в связи с тем, что Соединенные штаты стали обращать особое внимание на развитие у себя переработки хлопка. Предполагалось, что все количество хлопка США будут перерабатывать на месте и для вывоза не останется почти ничего. Создавшееся положение заставило все западно-европейские страны (Англию, Францию, Германию) и Россию заняться самым серьезным образом развитием хлопководства у себя за счет нового орошения.

Необходимость всемерного развития хлопководства и потребность в подготовке для него земельных фондов вынудили предпринять в 1910 г. значительные изыскания, масштаб которых в последующие годы расширился. Изыскательские работы, организованные отделом земельных улучшений, имели целью составление ряда оросительных проектов, главным образом для хлопковых районов Туркестана; они производились по всем частям бассейна рек Сыр-Дарьи, Аму-Дарьи, Зеравшана, Теджена и Мургаба, в бассейне рек Чу и Или.

Эти изыскательские работы не были доведены до конца, как не были осуществлены обширные проекты орошения, но они имели немалое значение в ином отношении. Была сделана попытка комплексного изучения обширных земельных фондов Средней Азии (съемки, почвенные, физико-географические геологические, экономические, агротехнические исследования во всех водных бассейнах Средней Азии). Кроме того все эти изыскания и проектирования были своего рода школой, вырабатывавшей основные кадры будущих проектировщиков и строителей.

Признавалось возможным оросить в Средней Азии до 4 млн. дес., что вместе с 1 млн. дес., подлежавших орошению в Закавказье, составляло громадную площадь (5 млн. десятин), т. е. значительно больше фактически орошаемой в то время площади в Средней Азии и в России в целом. Так, за счет крупного нового орошения, мыслилось создать новый, «русский Туркестан». Для осуществления этого орошения, по самым грубым подсчетам, понадобилось бы около одного миллиарда рублей и не менее (при самых быстрых темпах) 20—25 лет.

По вопросу о средствах, на которые должно быть произведено орошение, существовало два противоположных мнения. Представители царского правительства считали, что поскольку важнейшей задачей в Средней Азии является заселение пустующих земель русскими переселенцами, каковое может осуществить лишь пра-

вительство на орошенных вновь землях, постольку и орошение должно производиться средствами государства. Царское правительство рассматривало новые земли как колонизационный фонд, рассчитанный на заселение его главным образом кулацкими элементами («крепкими хозяевами»). Представители капиталистических кругов, со своей стороны, указывали, что государство не смогло оросить ни одной десятины земли и все его оросительные мероприятия потерпели крах. Они со своей стороны предлагали привлечь к орошению земель частную инициативу и частный капитал на следующих непременных условиях.

а) земля передается государством частным предпринимателям в долгосрочную аренду — сроком на 99 лет, с правом отдачи в субаренду на весь срок договора;

б) арендная плата не должна превышать 0,1% валового дохода, а в период изыскания и строительства арендная плата вообще не должна взиматься;

в) заселение земель должно производиться самими предпринимателями с поселением на них главным образом коренного населения.

Интерес к орошению новых земель в Средней Азии со стороны капиталистических кругов усилился в предвоенные годы. Так, Русско-Азиатский банк купил у Хивинского хана 23 тыс. 900 га и у Бухарского эмира — 10 тыс. 900 га земли; Московский биржевой комитет снарядил в 1908 г. экспедицию для выяснения возможности ведения оросительных работ в южных Кара-Кумах; известные текстильные короли братья Рябушинские и Морозов добивались получения 275 тыс. десятин земли по Сыр-Дарье и в Ферганской долине сроком на 99 лет; в 1912 г. министерство земледелия предлагало сдать на комиссию 240 тыс. га земли в Ферганской долине крупному московскому капиталисту Кузнецову, и т. д.

Орошение в Средней Азии привлекало внимание и иностранного капитала.

Однако все большие планы орошения новых земель, как и многолетняя дискуссия по проекту водного закона Туркестана не дали серьезных результатов. Правительственные круги, настроенные слишком оптимистически относительно способности самостоятельно организовать орошение, не допускали участия частного капитала в орошении, а капиталистические круги, не получив гарантии от правительства и ввиду отсутствия писаного водного закона, обеспечивающего их права, не рискнули вложить свои капиталы в орошение земель Средней Азии.

Характерная для царского правительства ведомственная разобщенность, бюрократический и колонизаторский подход к постановке и решению крупнейших хозяйственных задач обрекли дело орошения новых земель в Туркестане на неизбежный провал.

Эти задачи оказалось возможным решить только в условиях социализма, который изменил весь строй водно-правовых и земельно-правовых отношений в Средней Азии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Накануне присоединения Средней Азии к России экономический строй среднеазиатских ханств носил феодальный характер, с сохранением пережитков патриархально-родовых отношений. Основными классами узбекского общества являлись светская и духовная феодальная аристократия и масса зависимого и полузависимого от нее дехканства, при наличии мелких ремесленников и кустарей, объединенных в цеховые организации.

Землевладение и землепользование ханств характеризовались наличием крупного феодального землевладения, особенно быстро развивавшегося в первой половине XIX столетия, с одной стороны, и наличием парцеллярного землевладения дехканства, эксплуатировавшегося феодалами при посредстве докапиталистических методов эксплуатации (издольная и отработочная аренда), с другой.

Признание мусульманским правом верховной собственности государства на землю оказалось номинальным; на практике право наследственного владения землей, с правом аренды и купли-продажи земли, привело к образованию фактической частной земельной собственности, результатом чего и явилось образование крупного землевладения и слоя безземельных крестьян-биватанов и батраков. При этом основной и преобладающей формой хозяйства являлось именно дехканское парцеллярное землевладение и землепользование.

Исторические корни экономических и политических связей народов Средней Азии с русским народом относятся к глубокой древности — к VI—VIII вв. С конца XVIII—

начала XIX в. между среднеазиатскими ханствами и Россией складываются более тесные торговые отношения (торговый оборот с ханствами за последнюю четверть XVIII в. вырос в восемь раз), усиливаются экономические и политические связи. Ханства начинают рассматриваться царской Россией как район возможного расширения русской торговли, с подчинением его интересам России.

Завоевание Средней Азии Россией явилось актом капиталистической экспансии и всецело определялось указанным В. И. Лениным свойством капитализма развиваться не только вглубь, но и вширь.

Основные линии экономической политики царского правительства были направлены на превращение Средней Азии в сырьевой придаток империи, в рынок сбыта промышленных товаров метрополии и в район колонизации.

С присоединением Средней Азии к России царское правительство стремилось переустроить край в административно-политическом отношении с целью укрепить свои военно-политические позиции, ослабить влияние местной земельной и духовной аристократии и подавить возможные народные восстания. Оно установило «военно-народный» принцип управления, сущность которого заключалась в том, что внутреннее управление местным населением по всем делам, не имеющим политического характера, предоставлялось выборным из среды местного населения (казиям, баям, аксакалам, арык-аксакалам) «применительно к его нравам и обычаям». Все остальные правительственные функции в колонии сосредоточивались в руках военной администрации.

Земельная политика царского правительства, утвердившая ст. 225 Положения об управлении Туркестанским краем 1886 г. за оседлым сельским населением право постоянного потомственного владения, пользования и распоряжения его землею «на установленных местным обычаем основаниях», тем самым разрушала в отдельных районах феодальное деление земель на отдельные виды и вызывала распространение буржуазных форм земельной собственности, подрывая влияние феодальной светской и земельной духовной аристократии и способствуя мобилизации земель в руках байско-кулацких элементов. В то же время земли кочевого населения были признаны государственной собственностью, предоставленной кочевникам только в пользование по обычаю. Однако, царское правительство не разрешило

земельного вопроса и поземельного устройства как кочевого, так и оседлого населения (неопределенность юридических прав на землю, трудность нотариального оформления этих прав, незаконченность землеустроительных работ, введение общинного землевладения).

В области водноправовых отношений царское правительство первоначально установило принадлежность воды в арыках, каналах и речках казне, а местному населению было предоставлено право пользования ею «по обычаю». Однако в связи с развитием торгового и промышленного капитализма и необходимостью обеспечения текстильной промышленности отечественным хлопком возникла потребность в орошении новых земель, что потребовало разработки писаного водного закона (проект 1910 г.).

Несмотря на длительное обсуждение водного закона в течение четверти века, царское правительство так и не сумело провести водный закон, а попытки орошения новых земель, для чего производились обширные изыскательские и проектные работы в 1910-х годах, закончились сравнительно небольшими результатами (вместо миллионов десятин, было орошено несколько десятков тысяч десятин в Голодной степи и в так называемом Мургабском государевом имении в Байрам-Али.

«Второй Туркестан» не был создан и так и не был издан водный закон.

Центральной проблемой экономической политики царизма было создание сырьевой хлопковой базы империи в Туркестане. Для форсирования и обеспечения развития хлопководства царское правительство установило таможенную пошлину на иностранный хлопок (увеличив ее с 40—45 коп. с пуда в 1886 г. до 5 руб. с пуда в 1903 г.), провело Закаспийскую (1888 г.), Оренбург-Ташкентскую (1900 г.) и Ферганскую железные дороги, ввело значительные льготы налогового обложения, наконец, были значительно повышены заготовительные цены на хлопок.

Однако, хотя все эти мероприятия, несомненно, способствовали развитию хлопководства, и отечественный хлопок с 1910 г. покрывал уже около 50% потребности текстильной промышленности в хлопковом волокне (в 1915 г., исключительно урожайном, — даже до 70%), тем не менее хлопковая независимость достигнута не была. Наоборот, перед первой мировой войной наметился качественный застой и признаки хлопкового кризиса, причинами которого были невозможность дальнейшего развития хлопководства за счет существующих фондов орошаемых земель, ввиду уже достигнутого одностороннего внедрения монокультуры; отсутствие земель нового орошения, дороговизна хлеба и кормов, падение урожайности истощенных монокультурой земель, общий кризис доведенного эксплуатацией до нищеты парцеллярного дехканского хозяйства. Новейшие «планы» и соображения относительно подъема хлопководства (Пален, Масальский, Кривошеин, 1-й-2-й съезды деятелей хлопководства), намечавшие дальнейшее вытеснение зерновых с поливных земель, создание специализированного хлебного района в Семиречье и в Сибири с проведением Туркестано-Сибирской железной дороги, организацию мелкого государственного кредита, обеспечение края рабочей силой, организацию агротехнической помощи и т. д., частично не могли уже быть проведены из-за войны и в целом не могли разрешить хлопковой проблемы.

06-3с

Процесс развития народного хозяйства Средней Азии отчетливо отражает как основные линии экономической политики царизма, так и ее конечные результаты.

Причина провала как хлопковой, так и всей экономической политики царизма состояла в порочности всей его колониальной политики, приведшей к разорению массы мелкого дехканского хозяйства, подвергавшегося не только издольной колониальной эксплуатации, но и всесторонней эксплуатации со стороны промышленной, торгово-ростовщической буржуазии и местных феодалов и капиталистов.

В результате присоединения к России и последующего процесса экономического развития Туркестана в течение колониального периода в крае произошли определенные изменения в классовом составе населения.

Возникла сравнительно незначительная, но влиятельная группа торгово-промышленной буржуазии, сложившаяся на базе развития промышленности по первичной обработке сельскохозяйственных продуктов (в особенности хлопка, масла, шелка, каракуля, шерсти и т. д.), торговли ими, и развития товарного сельского хозяйства.

Отдельные, наиболее крупные представители этой буржуазии (Вадьяев, Потеляхов, владельцы Акционерного Общества Андреевых, Мандаляки, владельцы Б. Ярославской мануфактуры, предприятий т-ва Кудриных,

Ариф-Ходжа, Мир-Камиль-бай и др.) обладали миллионными капиталами и в последние годы были тесно связаны с банками, в свою очередь активно внедрившимися в хозяйственную жизнь Туркестана.

Образовался заметный в городах слой промышленного пролетариата, численность которого, однако, в дореволюционном Туркестане, по разноречивым данным, не превышала 60 тыс. рабочих. Из них около 32 тыс. было занято в добывающей и обрабатывающей промышленности и около 30 тыс.—на железнодорожном транспорте и в железнодорожных механических мастерских.

Около половины рабочих состояло из местных коренных национальностей, выполнявших в крупной промышленности главным образом неквалифицированную работу. Несмотря на малочисленность пролетариата, влияние его на местные полупролетарские слои города и деревни было значительно и его роль в революционном движении, развивавшемся в крае, была велика.

Еще до присоединения к России в среднеазиатских ханствах получила развитие довольно значительная масса ремесленников, кустарей, работавших главным образом на местный рынок, но частично и на внешние рынки (Россия, Китай, Индия, Иран, Афганистан).

В результате развития в крае после его присоединения капиталистических отношений цеховая организация ремесла оказалась разрушенной, кустарная и ремесленная промышленность в большинстве отраслей приходила в упадок под влиянием конкуренции более дешевых фабрично-заводских товаров метрополии и попадала в зависимость от торгово-промышленной буржуазии, что сопровождалось пролетаризацией значительной части ремесленников и кустарей, пополнявших ряды промышленного пролетариата и городских мардикеров.

Таким образом, самым значительным, количественно преобладающим классом населения оставался в Туркестане класс мелких дехкан, владевших небольшими клочками орошаемой земли (в среднем по Туркестану 2—2,5 десятины на хозяйство).

Наряду с массой дехканства в колонии существовал класс крупных землевладельцев, представители прежней феодальной светской и духовной аристократии, а также баи (кулаки). Феодальная светская и духовная аристократия, частично подорванная развитием товарно-денежных

отношений и проводившейся экономической политикой царизма (признание арендаторов фактическими собственниками арендованных земель, ограничение вакуфов и обложение налогами мульковых владений), сумела удержаться как влиятельная социальная группа, приспособившись к развитию товарно-денежных отношений. Баи и кулаки представляли новую классовую прослойку, возникшую под влиянием развития товарно-денежных отношений и торгового земледелия в сельском хозяйстве.

В сельском хозяйстве умножилось число полупролетарских слоев дехканства (малоземельные дехкане, батраки, чайрикеры), образовавшихся вследствие экспроприации земель и обезземеливания массы дехканства, попавшего в сферу влияния ростовщического и финансового капитала.

Задавленные колониальной эксплуатацией дехканские массы, и прежде всего их полупролетарские элементы, а также пережившее последствия земельных изъятий кочевое и полукочевое население Туркестана неоднократно выражали свой протест против царизма и его экономической политики в форме восстаний. Характерны в этом отношении кокандское восстание 1873—1874 гг. и особенно массовое восстание, охватившее всю Среднюю Азию в 1916 г. Эти восстания носили по преимуществу аграрный характер,— основную массу их участников представляли трудовое дехканство и городская беднота.

Присоединение Средней Азии к России явилось значительной исторической вехой в жизни народов Средней Азии и объективно имело для них громадное прогрессивное значение.

Исторически-прогрессивное значение присоединения среднеазиатских ханств к России вытекало не только из той сложной внешней обстановки, при которой еще не вполне сложившимся феодальным государствам грозила опасность порабощения империалистическими государствами, но и из внутренних условий развития самих среднеазиатских ханств (феодальные раздоры, политическая раздробленность, экономическая отсталость, рабские условия жизни трудовых масс).

Источником прогрессивного влияния России на развитие народов Средней Азии служило политическое, экономическое и культурное общение народов Средней Азии с русским народом. Взаимное общение трудовых масс послужило

стимулом для развития национально-освободительного движения в крае и создало условия, обеспечивавшие возможность совместной борьбы русского рабочего класса и трудящихся угнетенных национальностей против общего врага — царизма. Трудящиеся Средней Азии в лице русского пролетариата нашли мужественного, верного их интересам, вождя, что дало им возможность принять активное участие в Великой Октябрьской социалистической революции.

Экономическое развитие Средней Азии после ее присоединения к России обусловливалось в первую очередь воздействием на нее капиталистических отношений России и определялось экономической политикой царского правительства. Политика эта диктовалась фактом довольно быстрого развития промышленного капитализма в России, нуждавшейся в Средней Азии как сырьевой базе и рынке сбыта своих промышленных товаров.

Кроме того, в Средней Азии царизм видел арену укрепления экономических и политических позиций оскудевшего пореформенного дворянско-помещичьего землевладения.

Капиталистическая промышленность России, прежде всего текстильная, втянула Среднюю Азию в капиталистическое развитие, направляя экономическую политику царизма по линии внедрения в Средней Азии капиталистических отношений с одновременным сохранением патриархально-феодальных элементов. Развитие здесь капитализма означало возможность нарождения в Средней Азии более передовых форм хозяйства и общественных отношений и перспективы развития более передового социально-экономического уклада. Но в рамках колониального периода капитализм в Средней Азии не стал господствующей формой производственных отношений, господствующей формой оставались здесь докапиталистические отношения, которые капитализм консервировал и приспосабливал в своих интересах. Народы Средней Азии не прошли капиталистического пути развития.

Мы знаем, что признание прогрессивности процесса капиталистического развития (по отношению к предшествовавшему феодальному строю) вполне совместимо, как указывал В. И. Ленин, «с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних противоречий, вскрывающих исторически преходящий характер этого экономического режима».

Понимание этого положения марксистской диалектики особенно необходимо при оценке процесса развития капитализма в Средней Азии, где своеобразие экономического развития заключалось в первую очередь в значительном сохранении докапиталистических отношений, в большой осложненности этого процесса наличием консервировавшихся царским правительством феодальных институтов и правовых форм, „несовместимых с капитализмом, задерживающих его развитие, безмерно ухудшающих положение производителей, которые «страдают от капитализма и от недостаточного развития капитализма»“ (Ленин).

Вместе с тем включение Средней Азии в цикл капиталистического развития империи означало превращение края в ее колонию, в рынок сбыта промышленных товаров метрополии, в ее аграрно-сырьевой придаток. В этом основном факте содержится объяснение того, что хотя капитализм в Туркестане и дал некоторый толчок развитию в крае производительных сил, но коренного изменения в способе производства он не произвел, не привел к революционной ломке общественных отношений и не явился фактором сколько-нибудь заметного культурного прогресса основной массы коренного населения.

Царизм создал в крае над системой феодально-патриархальных отношений целую надстройку в виде своего военного и полицейско-чиновничьего аппарата, который фактически способствовал усилению эксплуатации местного дехканского населения, тормозя хозяйственное и культурно-политическое развитие народов Средней Азии.

В основе экономического развития Туркестана, как колонии, лежала эксплуатация местного населения местным торгово-ростовщическим и русским промышленно-финансовым капиталом. Колониально-капиталистическая форма эксплуатации своеобразно сочеталась с остатками докапиталистических отношений, с феодальной и ростовщической кабальной эксплуатацией дехканских масс.

ПЕРВОИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

К. Маркс. Капитал, т. 1, М., 1949.
К. Маркс. Капитал, т. II, М., 1949.
К. Маркс. Капитал, т. III, М., 1950.
К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940.
К. Маркс и *Ф. Энгельс.* Немецкая идеология. Соч., т. 3, изд. 2-е.
К. Маркс. Британское владычество в Индии. Соч., т. IX, Госполитиздат, М., 1949.
Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.
В. И. Ленин, Соч., т. I.
В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов. Соч., т. I.
В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3.
В. И. Ленин. Еще к вопросу о теории реализма. Соч., т. 4.
В. И. Ленин. Уроки кризиса. Соч., т. 5.
В. И. Ленин. Соч., т. XI.
В. И. Ленин. Соч., т. XVI.
В. И. Ленин. Соч., т. XVII.
В. И. Ленин. Соч., т. XVIII.
В. И. Ленин. Итоги дискуссии о самоопределении. Соч., т. 22.
В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч., т. 22.
В. И. Ленин. О Средней Азии и Узбекистане. Сборник. Ташкент, 1957.
И. В. Сталин. Соч., т. I. Нац. вопрос. Аграрн. вопрос. К аграрному вопросу. Госполитиздат, 1949.
И. В. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. Соч., т. 2.
И. В. Сталин. Доклад по национальному вопросу. Соч., т. 3.
И. В. Сталин. Телеграмма съезду Туркестанского края 22 апреля 1918 г. Соч., т. 4.

И. В. Сталин. Речь при открытии совещания коммунистов тюрских народов РСФСР 1 января 1921 г. Соч., т. 5.
И. В. Сталин. Доклад об очередных задачах партии по национальному вопросу. Соч., т. 5.
И. В. Сталин. Об очередных задачах коммунистов в Грузии. Соч., т. 5.
И. В. Сталин. Октябрьская революция и национальная политика русских коммунистов. Соч., т. 5.
И. В. Сталин. Вопрос об объединении независимых национальных республик. Соч., т. 5.
И. В. Сталин. Доклад на XII съезде по национальному вопросу. Соч., т. 5.
И. В. Сталин. IV совещание ЦК ВКП (б) с ответ. работниками нац. республик 9—12 июня. Соч., т. 5.
И. В. Сталин. Об основах ленинизма. Соч., т. 6.
И. В. Сталин. Соч., том X. О политических задачах Университета народов Востока. 18 мая 1925 г. Еще раз к национальному вопросу.
И. В. Сталин. Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. 11.

* * *

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК, т. I — III, М., 1954.
Стенографический отчет VI Конгресса Коминтерна, вып. 6, М., 1929.

Официальные отчеты, Записки и др. документы

Гирс Ф. Отчет ревизующего по высочайшему повелению Туркестанский край Гирса.
Кауфман К. П. Проект всеподданнейшего отчета К. П. фон-Кауфмана 1-го по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства 7 ноября 1867 г. — 25 марта 1884 г. Спб., 1885.
Кокандский биржевой комитет. Отчеты за 1909, 1910, 1911, 1913, 1915, 1916 гг.
Кривошеин А. В. Записка главноуправляющего земледелием и землеустройством о поездке в Туркестан. Спб., 1912.
Куропаткин А. Н. Отчет о служебной поездке министра в Туркестанский Военный Округ в 1901 г. Спб., 1902, 147 стр.
К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенный по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. 1 — 18 Спб., 1910 г.
К. К. Пален. Материалы к характеристике народного хозяйства Туркестана, ч. 1. Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края, Спб., 1911.
Розенбах. Всеподданнейший отчет Туркестанского генерал-губернатора, генерал-адьютанта Розенбаха. Спб., 1885.
Розенбах. Россия. Государственная дума. Стенографич. отчеты Государственной думы 2-го 3-го и 4-го созыва.

Архивные материалы

Архив народного хозяйства в Ленинграде. Фонд департамента мануфактуры и торговли. Дело № 392. О Хивинском ханстве.

Архив народного хозяйства в Ленинграде. Хивинский комитет, д. 2, л. 12.

Архив внутренней политики в Ленинграде. Фонд Непременного Совета, д. 55.

Архив внешней политики. Ф. Государственного Совета, д. 160.

Архив народного хозяйства в Ленинграде. Фонд департамента горных и соляных дел. Дело № 5/330, лл. 417 — 454. Записка Бутенева II-го «О возможности и о средствах похода на Бухарию с войсками».

Доклад председателя комиссии по устройству Никольского поселка коллежского советника Южакова Туркест. генерал-губернатору 1884 г., 1 февраля. ЦГИА УзССР, ф. II Туркест. генерал-губернатор., оп. II, д. 426, лл. 49 — 52.

Докладная записка и. д. губернат. Семиреченской обл. А. Аристова об «устройстве русских поселений в Семиречье» (относится примерно к первой половине 60-х гг. 19 ст., ЦГИА УзССР, ф. II, КТГГ, оп. 2, д. 396, лл. 11 — 20.

Журнал высочайше утвержденного совещания для выработки основных начал преподавания Управления Туркестанским краем 1911 г., мая 2—14, ЦГИА УзССР, ф. 1, КТГГ, оп. 27, д. 183, лл. 8 — 10.

Журнал комиссии по устройству Никольского поселка 1884 г., ЦГИА УзССР, ф. 11 КТГГ, оп. 2, д. 426, лл. 53—57.

Из всеподданнейшего отчета Туркестанск. генерал-губернат. генерал-лейтенанта Розенбаха за 1885 г. (О переселенческом устройстве в крае), ЦГИА УзССР, ф. 1, КТГГ, оп. 27, д. 188, лл. 8 — 10.

Письмо и. д. Туркест. генерал-губерн. генерал-майора Грошкова министру внутренних дел 10 марта 1884 г., ЦГИА УзССР, ф. II, КТГГ, оп. 8, д. 426, лл. 75 — 77.

Проект письма военного губернатора Сыр-Дарьинской области, генерал-майора Грошкова чиновнику, командированному по переселенческому делу в Оренбургскую губернию в январе 1885 г., ЦГИА УзССР, ф. 1, КТГГ, оп. 2, д. 426, лл. 91 — 95.

Протокол заседания собрания уездных начальников и заведующих водворением переселенцев в подрайонах Семиреченской области, ЦГИА УзССР, КТГГ, оп. 27, д. 1723, лл. 11 — 12.

Рапорт чиновника особых поручений А. Половцева Туркест. генерал-губерн. С. Духовскому о состоянии переселенческого дела в Туркестане. 27 июня 1889 г., ЦГИА УзССР, ф. II, КТГГ, оп. 2, д. 407, лл. 172 — 176.

Рапорт военного губернатора Ферганской области генерал-майора Иванова, и. д. Туркестанск. генерал-губернат. генерал-майору Гродекову с резолюцией последнего по вопросам русской колонизации в Туркестане. 1804 г., 7 апреля, ЦГИА УзССР, ф. II, КТГГ, оп. 2, д. 426, лл. 79 — 83.

Доклад чиновника особых поручений А. Половцева Туркест. генерал-губернатору С. Духовскому о землепользовании, 1899 г., 1 июля, ЦГИА УзССР, ф. II, КТГГ, оп. 2, д. 407, лл. 177—179.

Протоколы заседаний 3, 24, 27 апреля, 1 и 3 мая 1884 г. Комиссии, рассмотревшей проект о поземельном устройстве в Туркестанском крае. ЦГИА УзССР, ф. 1, КТГГ, оп. 27, д. 1537, лл. 1—32.

Из всеподданнейшего отчета генерал-губернатора Розенбаха за 1885 г. (высказывания его по поводу еще не установившихся взглядов по управлению краем и его развитию). ЦГИА УзССР, ф. I, КТГГ, оп. 27, д. 188, лл. 1—5.

Из всеподданнейшего отчета генерал-губернатора Розенбаха (О земском хозяйстве, опытной хлопковой плантации и рыболовстве в крае). ЦГИА УзССР, ф. 1, КТГГ, оп. 27, д. 188 лл. 21 — 24.

Объяснительная записка к положению и штатам военно-народного управления Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей, 1867 г., ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 27, д. 60а, лл. 9—10, 1867.

Приложение. Горное дело (из перечня вопросов, подлежащих предварительному обсуждению при разработке Положения об управлении Туркестанским краем в 1886 г.). ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 17, д. 58, лл. 2—6.

Журнал высочайше учрежденного совещания для выработки основных начал преобразования управления Туркестанским краем 1911 г., 2—14 мая, ЦГИА УзССР, ф. 1, КТГГ, оп. 27, д. 40, лл. 2—4.

Рапорт Туркестанского генерал-губернатора военному министру о мерах к развитию лесоводства и садоводства, 1874 г. 27 IV, ЦГИА УзССР, ф. II, КТГГ, оп. 2, д. 372, лл. 1—3.

ЦГИА УзССР, ф. 209, д. 13, л. 54.

ЦГИА УзССР, ф. 90, д. 1, л. 27.

ЦГИА УзССР, ф. 12, Бухарского кушбеги, оп. 78, д. 89а.

Литература. Монографии и пособия

А. М. Аминов. 20 лет промышленности Узбекистана. Труды Института экономики Академии наук Узбекистана, сб. 1, 1947.

А. М. Аминов. Основные линии экономической политики царской России в Средней Азии. Материалы июньской сессии Академии наук Узбекистана, 1948.

А. М. Аминов. Об экономической основе формирования узбекской буржуазной нации. Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, изд. АН УзССР, 1956.

А. М. Аминов. Исторически прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России. Журнал «Звезда Востока», 1956, 10.

А. М. Аминов. К вопросу о развитии капиталистических отношений в дореволюционном Туркестане. «Ученые записки Ташкентского финансово-экономического института», 1956, 7.

А. М. Аминов. К истории дореволюционного орошения в Голодной степи. «Ученые записки Ташкентского государственного педагогического института им. Низами», вып. VI, 1957.

А. М. Аминов. Экономика Узбекистана накануне Октябрьской социалистической революции. Сборник статей по истории народного хозяйства Узбекистана, АН УзССР, 1957.

А. М. Аминов. Экономическое развитие Средней Азии со второй половины XIX в. до начала первой мировой войны. «Ученые записки Ташкентского финансово-экономического института», 1957, 10.

А. М. Аминов. Экономические и торговые сношения Средней Азии с Россией в XVI — XIX вв. Материалы Всесоюзной конференции востоковедов. Ташкент, 1957.

А. Асаткин. Очерки хозяйственной жизни Туркреспублики, Ташкент, 1921.

В. В. Бартольд. История Туркестана. Ташкент, 1922.

В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.

М. Бродавский. Колониальное значение наших среднеазиатских владений для внутренних губерний. М., 1891.

Е. В. Бунаков. Развитие капитализма в Узбекистане (рукопись докторской диссертации).

Е. В. Бунаков. Бюджет 45 хозяйств Ферганской области по обследованию 1915 г. (с приложением очерка «Хозяйство сартов Туркестанского уезда, Сыр-Дарьинской области») М., 1924.

К. Бутенев. Заводское дело в Бухарии. Горный журнал, кн. XI, ч. IV. Спб., 1842.

Э. Н. Бурджалов. Экономическое развитие России после крестьянской реформы. М., 1940.

Т. Бурнашев. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 г. Спб., 1818.

А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии. М., 1874.

В. Васильев. Семиреченская область как колония, роль в ней Чуйской долины. 1911.

В. Г. Берковский. Положение об управлении Туркестанского края. Ташкент, 1911.

Н. И. Веселовский. Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае. Текст, перевод и приложения. Спб., 1894, стр. 120.

В. Вощинин. Переселенческий вопрос в Государственной думе III созыва. Итоги и перспективы. Спб., 1912, стр. 148.

Н. Гаврилов. Переселенческое дело в Туркестанском крае (обл. Сыр-Дарьинская, Самаркандская и Ферганская). Отчет по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г. чиновника особых поручений при переселенческом управлении Н. Гаврилова. Спб., 1911, 336 стр.

М. Гаврилов. Рисоля. Ташкент, 1912.

П. Галузо. Туркестан — колония. Ташкент, 1926.

Б. Г. Гафуров. История таджикского народа, т. 1, М., 1949.

Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1944.

Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, т. 1, М., 1948.

С. А. Геппнер. Материалы для статистического описания Ферганской области, вып. 1, г. Н. Маргелан, 1897 — 1912.

М. Грулев. Соперничество России и Англии в Средней Азии. Спб., 1900.

В. В. Григорьев. Русская политика в отношении к Средней Азии. Исторический очерк. Сборник государственных знаний, том I, Спб., 1874.

Гросуль — П. Толстой. Дела русского оружия и политика в Средней Азии по поводу войны России с Хивою. Одесса, 1871.

А. Губаревич-Радобыльской. Экономический очерк Бухары и Туниса. Спб., 1950.

С. И. Гулишамбаров. Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого среднеазиатской жел. дорогой, часть 1—3, Асхабад, 1913.

Л. И. Дембо. Земельный строй Востока. Л., 1927.

А. П. Демидов, Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности Туркестана. М., 1926.

В. Долинский. Об отношениях России к среднеазиатским владениям и об устройстве киргизов. Спб., 1866.

Ежегодник Министерства финансов, Спб., 1876.

Н. Н. Жемчужников. Движение на Восток. К вопросам переселения, землеустройства и колонизации. М., 1927.

К. Е. Житов и В. Я. Непомнин. От колониального рабства к социализму. Ташкент, 1939.

С. В. Жуковский. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915.

В. В. Заорская и *К. А. Александер.* Промышленные заведения Туркестанского края. Пг., 1915.

Е. Зелькина. Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии. М., 1930.

П. П. Иванов. Архив хивинских ханов XIX века.

П. П. Иванов. История дипломатии, ч. II. Составили проф. М. В. Хвостов и проф. И. Минц. М., 1946.

П. П. Иванов. История СССР, т. 2, под редакцией проф. Панкратовой, М., 1940.

М. И. Иванин. Хива и река Аму-Дарья. Спб., 1873.

Н. П. Иванов. Хивинская экспедиция в 1839—1840 гг. Очерки и воспоминания очевидца. Спб., 1873.

История СССР, том I, ОГИЗ, 1947.

История СССР, том II, ОГИЗ, 1940.

История дипломатии, том II, ОГИЗ, 1945.

История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947.

История Узбекской ССР. Ташкент, 1956, т. I, кн. 2.

Б. П. Каплун. Положение об управлении Туркестанского края. Ташкент, 1903.

А. А. Кауфман. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. Спб., 1903.

А. А. Кауфман. Переселение и колонизация. Спб., 1905.

М. П. Ким. Аграрный вопрос и классовая борьба в Казахстане в период Великой Октябрьской социалистической революции (рукопись).

М. М. Ковалевский. Общинное землепользование, причины, ход и последствия его разложения, ч. 1, М., 1879.

С. Р. Кнопка. Туркестанский край. Сельхоз., торгово-промышлен. адрес-справочник и календарь. Ташкент, 1913.

С. К. Кондрашев. Вода в орошаемом хозяйстве. М., 1922.

П. Космачевский. К вопросу о введении особого сбора с хлопка. Спб., 1914.

Л. Ф. Костенко. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. Спб., 1870.

Кологривов. Русские владения в Средней Азии. Спб., 1914.

Е. Н. Кугиева. Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е годы XIX века. Исторический сборник, 6, Л., 1934.

В. В. Крашинский. Об условиях организации мелкого кредита в Туркестанском крае. Там же, 1911, 6.

Краткий отчет ЦСНХ Туркреспублики за 1921 — 22 гг.
Б. Н. Кушева. Исторический сборник № 3. Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 90-е годы XIX века. АН СССР, 1937. Туркестанский край, вып. 1, Спб., 1872.
В. Л. Лаврентьев. Капитализм в Туркестане. М., 1930.
Ф. И. Лобысевич. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношении. Спб., 1900.
В. И. Лежнев. История древнего Востока, изд. 2-е. М., Политиздат, 1953.
В. И. Лежев. История средних веков, т. 1 (под редакцией Б. А. Косминского), М., 1952.
Новая история, т. I (под редакцией Бирюковича и др.), М., 1951.
Д. П. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. 1—2, Спб., 1911.
Лякост. Россия и Великобритания в Центральной Азии. Ташкент, 1908.
П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. т. 1 и 2. М., Госполитиздат, 1950.
П. И. Лященко. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М., 1927.
М. И. Малаховский. Производительные силы Туркестана. Вып. I, Спб., 1909.
В. И. Масальский. Американская монополия и русское хлопководство. Пг., 1914.
В. И. Масальский. Хлопковый вопрос и меры к его разрешению. Пг., 1917.
В. И. Масальский. Хлопководство, орошение государственных земель и частная предприимчивость. Спб., 1908.
В. И. Масальский. Туркестанский край (в кн. «Россия», под редакцией П. П. Семенова-Тян-Шанского, т. 19). Спб., 1913.
В. И. Масальский. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, под редакцией Маева, в. 1—5. Спб., 1878—1879.
В. И. Масальский. Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хоз. и землепользования в Аму-Дарьинском отделе Сыр-Дарьинской области, в. 1—2 Ташкент, 1913.
Материалы научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1954.
Материалы для изучения хлопководства, вып. II, Спб., 1912.
К. М. Мирзаев. Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве. Ташкент, 1954.
Ф. Ф. Мартенс. Россия и Англия в Средней Азии. Спб., 1880.
С. А. Мелик-Саркисян. Хлопковое дело в Ферганской области. 1909.
Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву. М., 1824.
В. П. Наливкин. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913.
В. Я. Непомнин. К истории ирригации в Узбекистане. Ташкент, 1940.
В. П. Оглоблин. Промышленность и торговля Туркестана. М., 1914.
В. П. Оглоблин. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Труды местных комитетов. XVIII. Туркестанский край. Спб., 1903.
Н. П. Остроумов. К 50-летию Ташкента. Пг., 1915.

А. М. Панкратова. Великая Октябрьская революция — освободительница угнетенных народов России. Изд. «Правды», М., 1947.
И. Пантусов. Материал для статистики по Ташкенту. 1873.
Н. Петров. Об ирригации в Туркестанском крае. Ташкент, 1894.
Арк. Петров. Как защищают свои интересы в Азии Англия и Россия. Спб., 1910.
Положение об управлении Туркестанским краем. Спб., 1886.
С. Понятовский. Опыт изучения хлопководства в Туркестане и Закаспийской области. Спб., 1913.
А. Попов. Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом. Спб., 1853.
Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Среднеазиатской и Ташкентской. Под ред. Дмитриева— Мамонова, изд. 7-е, Спб., 1914.
Раджапов. Джадидизм в Туркестане (1905 — 1917), автореферат.
П. А. Ремез. Внешняя торговля Бухары до мировой войны. Опыт историко-статистич. обзора торговли ханства вне сферы таможенного объединения его с Российской империей. Ташкент, 1922.
М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М., 1949.
Г. Ризаев. Краткий очерк земельно-водной реформы в Узбекистане. Ташкент, 1947.
Д. И. Романовский. Заметки по Среднеазиатскому вопросу. Россия. Министерство земледелия. Отдел земельных улучшений. Ежегодник Отдела земельных улучшений за 1909 — 1915 гг. Спб., 1868.
Д. И. Романовский. Россия. Сборник действующих обязательных постановлений Туркестанского генерал-губернатора для населения Туркестанского края и русских поселений Бухарского ханства. Составл. по 25 июня 1915 года. Ташкент, 1915.
Д. И. Романовский. Россия. Министерство земледелия. Отдел сельской экономики и сельхозстатистики. Положение и нужды сельхозпромышленности на основании дальнейших отчетов генерал-губернатора, губернаторов и начальников областей. 1898 — 1902 гг.
Д. И. Романовский. Россия. Министерство земледелия. Центральный хлопковый комитет. Бюллетени 1913 — 1917 гг.
М. П. Ростиславов. Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае. Спб., 1879.
А. М. Руир. Англо-русское соперничество в Азии в XIX веке. М., 1924.
Г. Сафаров. Колониальная революция. М., 1920.
Сельское хозяйство Узбекистана на 15 лет. Сборник. Ташкент, 1939.
Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России.
К. Р. Сабиров. Государственные бюджеты Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики (1918—1924 гг.). Автореферат диссертации. Ташкент, 1949.
А. А. Семенов. Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства. Труды САГУ, сер. II Orientalia, вып. I. Ташкент, 1929.

А. Г. Серебренников. Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания (1840 — 1852). Ташкент, 1912 — 1914.

В. И. Скопин. Средняя Азия и Англия. Составл. по разным источникам. М., 1904.

А. К. Силонов. К вопросу о роли ростовщического капитала в сельском хозяйстве Средней Азии. Ташкент, 1926.

И. М. Слуцкий. О земледельческом кредите в Туркестане. Журнал «Туркестанское сельское хозяйство», № 6. Спб., 1911.

Е. Т. Смирнов. Сыр-Дарьинская обл. Описание, составленное по официальным источникам Е. Смирновым. Спб., 1887.

А. Стеткевич. Убыточен ли Туркестан для России? Спб., 1899.

А. Стеткевич. Съезды деятелей по сельск. хоз. Туркестанского края (1909 — 1911 гг.). Труды I и II съездов деятелей по сел. хоз. Туркестанского края (1909 — 1911 гг.). Ташкент, 1912.

А. Стеткевич. Съезд хлопкоробов. Труды съезда хлопководов гор. Ташкенте с 25 ноября по 1 декабря 1912 года, т. 1 — 2. Ташкент, 1912.

М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии. Спб., 1901.

М. А. Терентьев. Россия и Англия в борьбе за рынки. Спб., 1876.

М. А. Терентьев. Россия и Англия в Средней Азии. Спб., 1875.

М. А. Терентьев. Статистические очерки Среднеазиатской России. Спб., 1874.

Н. Е. Торнау. О праве собственности по мусульманскому законодательству. Спб., 1872.

М. А. Трудов, В. И. Дегтярь. Производство коконов в Средней Азии. Ташкент, 1912.

В. А. Ульяницкий. Сношения России с Средней Азией в XVI—XVII вв.

М. П. Федоров. Хлопководство в Средней Азии. Спб., 1898.

Фуркат. Избр. произведения. Ташкент, 1951.

Н. В. Ханыков. Описание Бухарского ханства. Спб., 1843.

С. В. Жилновский. Сношение России с Бухарой и Хивой, 1915.

М. Хикматов. Земельно-водная реформа в Зеравшанской области (1926 — 1927 гг.). Автореферат кандидатской диссертации. Ташкент, 1953.

П. А. Хромов. Очерки экономики текстильной промышленности СССР. Москва — Ленинград, 1946.

П. А. Хромов. Экономическое развитие России в XIX — XX веках. М., 1950.

Г. Н. Черданцев. Водное право Туркестана в его настоящем и проектах ближайшего будущего. Ташкент, 1911.

Н. Лавров. Путь в Центральную Азию по направлению, указанному Петром Великим. Спб., 1871.

А. И. Шахназаров. Сельское хозяйство в Туркестанском крае Спб., 1908.

О. Р. Шкапский. Аму-Дарьинские очерки. Ташкент, 1900.

О. Р. Шкапский. К вопросу об орошении земель в Туркестане (по поводу проекта привлечения частных капиталов для орошения свободных земель). Спб., 1909.

Е. Штейнберг. Из истории порабощения русским царизмом народов Средней Азии. Москва, 1937,

А. В. Щербак. «Ахал-текинская экспедиция» генерала Скобелева 1880—1881 гг., Спб., 1900.

Ю. Л. Южаков. Итоги двадцатисемилетнего управления нашего Туркестанского края. Спб., 1891.

Т. Юзефович. Договоры России с Востоком — политические и торговые, Спб., 1869.

М. Ю. Юлдашев. К вопросу об особенностях развития земледелия в Хиве XIX века. Материалы первой всесоюзной конференции востоковедов. Ташкент, 1957.

В. Юферев. Труд в хлопковом хозяйстве. Спб., 1914.

В. Юферев. Хозяйство сартов Ферганской области. Ташкент, 1911.

Н. Н. Яковлев. Народы Средней Азии в середине XIX века. Завоевание Средней Азии. М., 1940.

Н. Н. Яковлев. Внешняя и национально-колониальная политика царизма в 60—70-х годах XIX века. М., 1940.

В. Н. Яковцевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1950.

А. Ф. Якунин. Народы Средней Азии и Казахстана во второй половине XIX века. Присоединение Средней Азии к России. М., 1954.

Статьи из журналов и сборников

А. С. Страница из истории нашей политики в Средней Азии. Вестник Европы, 1908, 6, стр. 685 — 696.

П. Андреевич. Очерки по истории колонизации Туркестанского края. Туркест. сборник, т. 491, стр. 1617.

М. Алексеев. Возможна ли русская колонизация в Туркестанском крае? Северный вестник, 1891, 3, стр. 40—45.

М. Алексеев. Англия и Россия в Средней Азии (подпись: *Старый дипломат*). Русская мысль, 1900, 2, 3.

М. Н. Анненков. Ахал-Текинский оазис и пути в Индию. Вестник Европы, 1881, май-июнь.

М. Н. Анненков. Средняя Азия и ее пригодность для водворения в ней русской колонизации. Извест. Русск. Геогр. Об-ва, 1889, т. 25.

М. Н. Анненков. Англия и наши новейшие успехи в Туркестане. Туркест. сборн., т. 8, стр. 339.

М. Н. Анненков. Англия и Россия в Средней Азии. Русская мысль, 1900, т. 2, стр. 1, 139—161, 23, стр. 19—39.

В. В. Бартольд. Будущее Туркестана и следы его прошлого. Изв. Ср. Аз. К-та по делам музеев, 1926, 1, стр. 66—69.

В. В. Бартольд. К вопросу о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море. Записки Вост. отд. Русск. Архив. Об-ва, XIV, I.

А. Беляков. К вопросу настоящего момента в области ирригации Туркестанского края. Сборник «Ср. Азия», 1910, 1, стр. 123—35.

И. С. Брагинский, С. Раджабов, В. А. Ромодин. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России. Вопросы истории, 1953, 8.

Е. В. Бунаков. К вопросу о сношениях России со среднеазиатскими ханствами в XIX веке. «Советское востоковедение», т. II, 1941.

Г. Вамбери. Соперничество между Англией и Россией в Средней Азии. Туркестанский сборн., т. 8, Зап. для чтения, 1867, декабрь.

М. Г. Вахабов. К вопросу формирования узбекской буржуазной нации. «Вопр. истории», 1954, 7.

М. Веников. Поступательное движение России в Средней Азии. Сборн. гос. знаний, 1877, т. 3, стр. 58 — 107.

М. Веников. Очерк международных вопросов в Азии. Русский вестник, 1877, 4, 5.

Н. П. Верховский. Торговля хлопком в Средней Азии. Турк. с. хоз. 1909, 11, стр. 835 — 40.

П. Вессель. Стратегия и торговля. Истор. вестн., 1885, 7, стр. 64 — 71.

Водный закон для Туркестана. «Вопросы колонизации», 1910, 6.

Вопрос об орошении свободных земель в Туркестанском крае. Турк. с/хоз. 1907, 10.

О торговом значении Средней Азии в отношении к России. Русск. вестн., 1862, 10, стр. 56 — 706.

П. Галузо. Колониальная политика царского правительства в Ср. Азии. Историк-марксист., 1928, 9.

П. Галузо. Туркестан и царская Россия (к вопросу о колониальной политике царского правительства в Средней Азии). Революционный Восток, 1929, 6.

Г. Гинс. Условия орошения и эксплуатации частными предпринимателями свободных земель Туркестана и Закавказья. «Вопросы колонизации», 1911, 8.

Г. Гинс. Основные начала проекта водного закона для Туркестана. «Вопросы колонизации», 1911, 9.

Г. Гинс. Действующее водное право Туркестана и будущий водный закон. Вопросы колонизации. 1910, 7, стр. 140.

Е. П. Городецкий. Промышленный подъем и внутренняя политика самодержавия, рабочее и общественное движение (90-е годы, 19 ст.). Курс истории СССР, лекция 50 — 51, стр. 33.

В. Григорьев. Русская политика в отношении к Средней Азии. Сборн. госуд. знаний, т. I, Спб., 1874, стр. 233.

Г. И. Данилевский. Описание Хивинского ханства. Записки РГО 1851, кн. V.

П. Дингельштедт. Мирная политика и бескровные завоевания. Северный вестник, 1842, 6, стр. 42 — 63.

Д. Драницын. Колонизационные задачи в Закаспийской области. Вопросы колонизации, 1910, 7, стр. 117.

Е. Зелькина. Земельная реформа в Средней Азии. Революционный Восток, 1928, 3.

П. П. Иванов. Русская колонизация в Туркестанском крае. Русский вестник, 1890, 11.

П. П. Иванов. Удельные земли Сейид-Мухамед-хана хивинского (1856—1865). Записки Института востоковедения АН СССР, т. VI, 1937.

Иностранное обозрение. Результаты Англо-русского конфликта и отношение к нему печати. Вестник Европы, 1885, 6.

Россия и Англия в Средней Азии. Вестник Европы, 1870, 5.

К 50-летию завоевания Туркестана (15 июня 1865 г. — 15 июня 1915 г.). Высочайшая памятка на донесении о взятии Ташкента. Протокол засед. и сообщ. членов Туркест. кружка любит. археол., 1915 г.

Л. Костенко. Хивинское ханство в сельскохозяйственном отношении. Военный сборник, 1879.

В. Котелышков. Ферганская область. Живописная Россия, т. X, Россия, Средн. Азия, Спб., 1835, стр. 203 — 235.

В. Краинский. Об условиях организации мелкого кредита в Туркестанском крае. Туркест. с. хоз., 1909, 6.

О реформе управления земледелия и гос. имуществ в Туркестанском крае. Туркестан, сборн., т. 508, стр. 75 — 76.

В. Лаврентьев. Азия «инородцев» и Азия — социалистич. республик. План хоз., 1937, 7, 197 — 214.

Лежан. Русские в Средней Азии. Записки для чтения, 1867, октябрь, ноябрь.

Г. Логонов. Россия в Средней Азии. Вопросы колонизации, 1903, 4.

В. Масальский. Хлопководство, орошение гос. земель и частная предприимчивость. Вестник финансов. 1907, № 24, 26, 34, 37.

А. Маслов. Россия в Ср. Азии (очерк наших новейших приобретен.) Истор. вестник, 1885, 5.

В. Муганский. Вопросы колонизации в 4-й Государственной думе. 1-я Сессия (15.XI — 1912 — 6. V 1913 г.), 2-я сессия (7.V — 18.V 1913). Вопросы колонизации, 1913 г., 13, 1914 г., 14, 16.

Материалы по вопросу об орошении свободных государственных земель в Туркестанском крае. Туркестанское сельское хозяйство, 1907, 8.

О возможности столкновения между Англией и Россией из-за господства в Средней Азии. Туркестан. сборн., т. 8, стр. 387.

Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии. Записки РГО, кн.3, Спб., 1849.

Русское знамя в Средней Азии. Истор. вестник, 1899, № 4, 6,7,8.

Е. П. Покровский. Развитие водного права в Средней Азии. «Вестник ирригации», 1926, 7.

С. О. Понятовский. О колонизационной емкости Туркестана. Переселенческие партии и их задачи. Туркест. с. хоз., 1906, 40, стр.1—10.

С. Понятовский. О частной предприимчивости в деле орошения земель в Средней Азии. Туркест. сельское хоз., 1908, 7.

С. Понятовский. Обеспечение хлопководства рабочими руками в Туркестане. Туркест. с-хоз., 1913, 1, стр. 44 — 55.

Переселение и аграрный вопрос. Туркест. с. хоз., 1906, 6.

С. Понятовский. Сельское хоз-во, промышленность и торговля в Туркестане за 50 лет русского владычества. Туркест. с. хоз., 1915, 6, стр. 601 — 615.

А. А. Попов. Внешняя политика самодержавия в XIX веке в «Кривом зеркале» М. Н. Покровского. «Против антимарксистск. концепц. М. П. Покровского». Сборник ст., ч. 2. М.—Л., 1940, стр. 210 — 390.

Ю. Россель. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке. Вестник Европы, 1873, 6 — 7.

А. М. Рябинский. Царская Россия и Бухара в эпоху империализма. Историк-марксист, 1941, 4.

И. Севастьянов. Основные тенденции развития и падения Туркестанского хлопководства. Сб. ст., «Борьба за хлопок», М., 1918.

Н. И. Синельников. Упорядочение «водного хозяйства в связи с колонизацией орошаемых площадей. Вопросы колонизации 1910, 4.

В. Н. Окопин. Русский Туркестан. Сборник статей «Средная Азия».

И. М. Слуцкий. Хлопководство в Туркестане. Туркест. с. хоз., 1911, 6, стр. 86—174.

И. М. Слуцкий. О земледельческом кредите в Туркестане. Туркестанское сельское хозяйство, 1911, 6.

И. М. Слуцкий. Совещание об орошении земель в Туркестанском крае и Закавказье в видах развития районов хлопководства. Вопросы колонизации, 1910, 6.

Спасский. Новейшее описание великой Бухарии. Азиатский Вестник, 1825, май.

Я. Шарова. Переселенческая политика царизма в Средней Азии в 1908 — 1916 гг. Историк-марксист, 1940, 6.

Среднеазиатские владения: Туркмения, Бухара, Хива, Коканд. Военно-статист. сборн., 1868 г., в.3, стр.77—443.

Н. И. Толпыго. Экономическая задача России в среднеазиатских владениях. Русский вестник, 1888, кн. 3 — 4.

Г. П. Федоров. Моя служба в Туркестанском крае (1870 — 1900 гг.). Петерб. вестн., 1913, 9, 10, 11, 12.

Д. Флексор. К вопросу о выработке водного закона для Туркестана. Вопр. колонизации, 1910, 7.

П. Фридерикс. Туркестан и его реформы. Вестн. Европы, 1869, 6.

Н. В. Ханыков. Прояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями. Записки Русск. Геогр. Об-ва, 1851.

И. К. Ходоров. К вопросу об исторической эволюции землевладения в Туркестане. Историк-марксист., 1923, 10.

Что думают в Англии о русских победах в Средней Азии. Туркест. сборн., т. 8, стр. 367 — 369.

Л. Чужой. Искания степной колонизации. Киргизское разорение. Ср. Азия, 1910, 8, стр. 64 — 73.

О. Р. Шкапский. Организация водного хозяйства в Туркестане (по поводу законопроекта о водопользовании в Туркестанском крае). Вестник Европы, 1914, кн. 5.

О. Р. Шкапский. Прошлое и настоящее Туркестана (к пятидесятилетию штурма г. Ташкента). Вестн. Европы, 1915, 6, стр. 56 — 131.

О. Р. Шкапский. Экономическое состояние киргизского хозяйства в Семиреченской обл. и желательные в нем изменения (коллективный доклад 1-му съезду сельских хозяйств Бурыгина, Автократова, Федосеева). Ср. Азия, 1910, 3—10, стр. 210—213.

М. Л. Юдин. Двухсотлетие движения русских в Туркестане. Нов. Турк. Отд. Русск. Геогр. Об-ва, 1917, т. XIII, в. 1.

Е. Яшнев. Колонизация Туркестана за последние годы. Вопросы колон., 1915, 18, стр. 108 — 187.

А. В. Иткин. Средняя Азия как сырьевая колония России Рукопись.

Логанов. Переселенческое дело в областях Средней Азии в дореволюционный период. Рукопись.

Статьи из газет

П. Афанасьев. О хлопковой промышленности в Турк. области С.-Петербургские ведомости, 1867, 63.

М. И. Бродский. О хлопчатнике вообще и о туркестанском хлопке в особенности. Засед. петербургск. собрания сельских хозяев 3.IV 1876 года. Голос, 1876, 231.

В. Зарницкий. Земельная реформа в киргизском крае. Оренбургская газета, 1909, 479.

В. Зарницкий. К вопросу о повороте Аму-Дарьи. Молва, 1880, 68.

В. Зарницкий. Орошение государственных земель и частная инициатива. Новое время, 1908, 11, 634.

В. Зарницкий. Колонизационное значение Туркестана. Торгово-промышленная газета, 1906, 810.

Н. И. Малаховский. Вопросы орошения в туркестанской прессе. Торг.-пром. газ., 1909, 170.

В. П. Масальский. О Туркестане. Россия, 1909, 1202.

Мельников. Солнечная Россия. Новое время, 1910, от 7 декабря.

Мельников. Налог на хлопок. Торг.-пром. газ., 1909, 258.

Мельников. О железной дороге в Средней Азии. Голос, 1876, 421.

С. Понятовский. К вопросу об орошении земель в Туркестане. Торг.-пром. газ., 1909, 265.

С. Понятовский. Реформы, выработанные генералом Черняевым и Гирсом. Новости, 1883, 51.

С. Понятовский. Россия и Англия в Средней Азии. Речь герцога Аргайльского. Новое время, 1885, 3297.

С. Понятовский. Россия и Англия в Средней Азии. Прения в палате общин 22 апреля. Новое время, 1885, 3229.

С. Понятовский. Русские самовольные переселенцы в Туркестане. Корреспонд. «Нового времени». Новое время, 1909, 12, 109.

С. Понятовский. Совещание по вопросу об орошении земель в Туркестане. Торг.-пром., газ. 1909, 170.

Соколов. О колонизации Туркестана. Новое время, 1906, 114; 64.

Старый Степняк. Восточные окраины и переселения. Земщина, 1909, 76.

К. А. Тишаев. Усиление деятельности правительства по орошению и осушению земель. Туркестанский курьер, 1909, 256.

К. А. Тишаев. Частная предприимчивость и правительственная инициатива в деле орошения новых земель в Туркестане. Туркест. Курьер, 1910, 161, 185, 186.

К. А. Тишаев. Туркестан — лучший район для разведения шелководства. Туркестанский Курьер, 1909, 162.

Туринский. Туркестанское садоводство. На рубеже, 1867, 52, 53.

Г. Чиркин. Водное право как основа колонизации и культурно-капиталистических предприятий Туркестана. Торгово-промышленная газета, 1909, 256.

Г. Чиркин. Водный закон. Туркестанский Курьер, 1909, № 262, 263.

Ю. А. Шпилев. Туркестан для России. Туркестанские ведомости, 1907, 185.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
Краткий обзор источников 5
Глава первая. Экономика среднеазиатских ханств накануне присоединения их к России (первая половина XIX века). . 21
Аграрный строй среднеазиатских ханств 21
Чайрикерство, наемный труд и рабство 35
Налогово-податная система 40
Характеристика основных отраслей производства. . . . 43
Внешняя торговля ханств 53
Глава вторая. Экономическое развитие Средней Азии после присоединения к России (вторая половина XIX века — начало первой мировой войны) 59
Истоки экономических и торговых сношений Средней Азии с Россией (XVI — XIX вв.) 59
Присоединение Средней Азии к России и его социально-экономические последствия 67
Общие предпосылки и основные линии экономической политики царской России в Средней Азии 78
Краткая характеристика народного хозяйства Туркестана после присоединения в России 140
Развитие народного хозяйства Туркестана в период промышленного капитализма; 140
Хлопководство и некоторые другие отрасли народного хозяйства Туркестана в эпоху монополистического капитализма 159
Глава третья. Средняя Азия — сырьевая база русской промышленности 181

промышленного капитала в период завоевания края царизмом 181
Создание в Средней Азии крупной сырьевой базы и системы эксплуатации дехканских хозяйств . . . 186
Российская „текстильная буржуазия" и ее роль в хлопковом плантаторстве и скупке хлопка в Средней Азии. Хлопководство и хлопковая торговля Средней Азии в эпоху монополистического капитализма 207
Глава четвертая. Проблема орошения Туркестана 225
Орошение новых земель на основе местной эмпирической техники в первое тридцатилетие после присоединения (1865—1895 гг.) 225
Первые опыты инженерного орошения в Туркестане . 229
Изыскания по орошению новых земель в 1910-х годах и причины их вызвавшие 237
Правительственная политика в вопросе о привлечении к орошению земель частного капитала 245
Неопределенность водно-правовых отношений, как одно из препятствий к развитию орошения 258
Заключение 274
Первоисточники и литература 282

06-3с

Алим Муминович Аминов

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

(со второй половины XIX столетия до первой мировой войны)

Редактор *М. Б. Аксельрод* Техредактор *М. Бахтияров*

Сдано в набор 3/ VII 1958 г. Подписано к печати 8/I 1959 г. Формат 84×108¹/₃₂. 9,375 печ. л. 15,35 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 17,0. Тираж 5000. Р 00610. Индекс с/э. Государственное издательство Узбекской ССР. Ташкент. Навои, 30. Договор № 560—56.

Типография № 1 Главиздата Министерства культуры УзССР. Ташкент. ул.Хамзы, 21. Заказ № 508. Цена 6 р. 70 к.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
36	9 сверху	3/	3/5
39	15 снизу	войсках	войске
45	16 сверху	скотоводства	садоводства
53	15 снизу	ханства	ханств
106	18 снизу	д.1723в	д. 172, в. 3
119	17 сверху	Хтоя	Хотя
126	21 снизу	была возложена	были возложены
137	4 снизу	аконныез	законные
164	19 сверху	капиталам	капиталом
185	1 сверху	тонн	пудов
185	18 снизу	ами	тами
185	19 снизу	есняться	тесняться
188	1 сверху	обработочная	отработочная
222	12 снизу	осваться	оставаться
287	4 снизу	Е. Н. Кугиева	Е. Н. Кушева
288	2 сверху	Б. Н. Кушева	Е. Н. Кушева
288	10 сверху	Лежев	Лежнев
292	16 снизу	РГС	РГО
298	1 сверху	выпала строка	Значение Средней Азии для российского торгового и
298	7 сверху	выпала цифра	199

К заказу № 508.